

ISSN: 2542-212X

Кавказология

Caucasology

III

2018

Кавказология

Caucasology

№ 3 / 2018

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3

<i>Свидетельство о регистрации</i>	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
<i>Периодичность</i>	4 раза в год
<i>Учредитель/Издатель</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
Е-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye- izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Башиева С.К. (заместитель главного редактора),
Мусукаева А.Х. (заместитель главного редактора),
Аликаев Р.С. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Баразбиев М.И., Бозиева Н.Б., Борова А.Р.,
Геляева А.И., Гукепшочков М.Х., Дзамихов К.Ф.,
Кажаров А.Г., Камбачоков А.М., Каранашев А.Х.,
Карданов М.Л., Кетенчиев М.Б., Кимов Р.С.,
Кочесоков Р.Х., Кузьминов П.А., Кучукова З.А.,
Мамсиров Х.Б., Марченко Ю.В., Муратова Е.Г.,
Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С., Текуева М.А.,
Тенов Т.З., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г., Шидов А.Х.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Bashieva S.K. (Deputy Editor-in-Chief),
Musukaeva A.Kh. (Deputy Editor-in-Chief),
Alikaev R.S. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Barazbiev M.I., Bozieva N.B., Borova A.R., Gelyaeva A.I.,
Gukepshokov M.Kh., Dzamikhov K.F., Kazharov A.G.,
Kambachokov A.M., Karanashev A.Kh., Kardanov M.L.,
Ketenchiev M.B., Kimov R.S., Kochesokov R.Kh.,
Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B.,
Marchenko Yu.V., Muratova E.G., Sabanchiev H.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z.,
Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Shidov A.X.

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА*****Муратова Е.Г., Эржибова Ф.А.**История Кабарды и Балкарии в научном наследии Петра Симона Палласа **12-28****Фоменко В.А.**Тамбиевы в районе Пятигорья (из истории одной этноконфессиональной группы адыгов) **29-44****Глашева З.Ж.**Особенности гражданского и военного управления Кавказом в 50-60-е годы XIX в. **45-53****Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б.**«Про нас, как красных партизан, забыли и думать, что мы есть на свете»: комбатанты Осетии в эго-документах **54-68****Текуева М.А., Нальчикова Е.А.**Надмогильные памятные знаки у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа **69-92*****ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА*****Боров А.Х.**Экономика Кабардино-Балкарской республики и ее проблемы **93-128****Хамдохова Ж.М.**Общество современной Кабардино-Балкарии: контуры социальной структуры **129-148****Кушхабиев А.В., Алхасов М.М., Табаксоев И.А.**Политические ценности населения Кабардино-Балкарии в современный период (по результатам социологического исследования) **149-172****Тумов А.А.**Выборы как политический «инструмент» в руках региональных элит: случай Кабардино-Балкарской республики **173-198**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Иванова С.Ю.

Пути гармонизации межэтнических отношений на Северном Кавказе: **199-208**
позитивные практики

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Абазов А.Х.

Фундаментальный труд об историческом опыте инкорпорации **209-223**
этнических элит в политико-правовую систему российского
государства

Наши авторы

224-225

CONTENTS***HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY OF THE CAUCASUS*****Muratova E.G., Erzhibova F.A.**History of Kabarda and Balkaria in the Scientific Heritage of Peter Simon Pallas **12-28****Fomenko V.A.**The Tambievs in the Pyatogorie Area (from the History of One Ethno-Confessional Group of the Circassians) **29-44****Glasheva Z.Zh.**Peculiarities of the Civil and Military Administration in the Caucasus in the 1850-60's **45-53****Khubulova S.A., Gagloyeva B.B.**«They Forgot Even to Think About us as the Red Partisans, that we are Still Present in this World»: the Combatants of Ossetia in Ego-Documents **54-68****Tekueva M.A., Nalchikova E.A.**Grave Memorials of the Peoples of the North-Western and Central Caucasus **69-92*****PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY*****Borov A.H.**The Kabardin-Balkar Republic's Economy and its Problems **93-128****Khamdokhova Zh.M.**Modern Kabardin-Balkar Society: Contours of Social Structure **129-148****Kushkhabiev A.V., Alkhasov M.M., Tabaksoev I.A.**The Political Values of Population of the Kabardino-Balkaria in the Modern Period (by Results of the Sociological Research) **149-172****Tumov A.A.**Elections as a Political Tool of Regional Elites: the Case of the Kabardin-Balkar Republic **173-198**

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Ivanova S.Yu.

Ways of Harmonization of Interethnic Relations in the North Caucasus: **199-208**
Positive Practices

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Abazov A.H.

Fundamental Work on the Historical Experience of Incorporation of **209-223**
Non-Russian Elites into the Political and Legal System of the Russian
State

Our authors

224-225

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

УДК 930

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-12-28

ИСТОРИЯ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПЕТРА СИМОНА ПАЛЛАСА**Е.Г. МУРАТОВА
Ф.А. ЭРЖИБОВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: lena_gm@mail.ru, ershibowa@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению вклада известного немецкого ученого-энциклопедиста, члена Санкт-Петербургской Академии наук Петра Симона Палласа (1741-1811) в историографию и этнографию кабардинцев и балкарцев. Основным источником исследования послужил первый том лейпцигского издания его работы 1799 г. «Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794» («Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793-1794 гг.») в переводе авторов статьи. Особое внимание уделено выявлению информационных возможностей этого труда Палласа для изучения российских административно-судебных преобразований в регионе в конце XVIII в., в частности, учреждения родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде, очевидцем которого стал Паллас. Также показана роль этого источника в исследовании отдельных эпизодов этнополитической истории балкарцев, например, их обращения к командованию на Кавказской линии с просьбой о покровительстве в связи с установлением военно-политического контроля Российской империи в регионе. В целом, показано, что научное наследие Палласа, зафиксировавшее многие элементы материальной и духовной культуры кабардинцев и балкарцев, и по сей день не утратило своего значения для кавказоведения.

Ключевые слова: Петер Симон Паллас; научное наследие; кавказоведение; источниковедение; историография; Кабарда; Балкария; конец XVIII в.

HISTORY OF KABARDA AND BALKARIA IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF PETER SIMON PALLAS**E.G. MURATOVA
F.A. ERZHIBOVA**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: lena_gm@mail.ru, ershibowa@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the contribution of the famous German scientist and encyclopaedist, member of the St. Petersburg Academy of Sciences Peter Simon Pallas (1741-1811) into the historiography and ethnography of Kabardians and Balkars. The main source of the study was the first volume of the Leipzig edition of his work of 1799 «Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794» (Travels through the Southern provinces of the Russian empire performed in the years 1793-1794) in the translation of the authors of the article. Particular attention is paid to identifying information opportunities of this Pallas work for studying Russian administrative and judicial transformations in the region at the end of the 18th century, in particular, the establishment of tribal courts and massacres in Bolshaya and Malaya Kabarda, whose eyewitness was Pallas. Also, the role of this source in the study of individual episodes of the ethno-political history of the Balkarians, for example, their appeal to the command on the Caucasian line, with a request for patronage in connection with the establishment of military and political control of the Russian Empire in the region, is also shown. In general, it is shown that the scientific heritage of Pallas, which recorded many elements of the material and spiritual culture of the Kabardians and Balkars, has not lost its significance to the Caucasus studies to this day.

Key words: Peter Simon Pallas; scientific heritage; Caucasus studies; source study; historiography; Kabarda; Balkaria; the end of the 18th century.

Библиография как самих трудов российского академика второй половины XVIII – начала XIX в. Петра Симона Палласа, так и работ, посвященных исследованию его энциклопедической деятельности, поистине огромна. В этом солидном научном наследии свое важное место занимают кавказоведческие изыскания ученого.

Их библиографическая и источниковедческая разработка началась еще в советской историографии. Одним из первых в своем справочном издании на значимость трудов П.-С. Палласа для изучения Северного Кавказа указал М.А. Полиевктов. Подчеркнув при этом, что экспедиция Академии наук 1768-1774 гг. для исследования производительных сил отдельных областей России, а частично и смежных с нею стран (Грузии, прикаспийской Персии), активное участие в которой принимал Паллас, разбилась на ряд отдельных экспедиционных партий и сосредоточила свое главное внимание на юго-восточном секторе европейской России и прилегавших к нему Зауралью, Каспийском крае, Кавказе и отчасти Черноморье. Личное участие Палласа в этой экспедиции, его путешествие в Заволжье и дальше на восток в Сибирь, имело лишь частичное отношение к прилежавшим в Северному Кавказу областям [Полиевктов 1935: 155-158].

Однако здесь надо отметить, что именно П.-С. Паллас, как общий руководитель экспедиций И.А. Гюльденштедта и С.Г. Гмелина на Кавказ, доводил до конца их исследования и готовил к публикации труд Гюльденштедта после его смерти. Ему понадобилось три года для того, чтобы только разобраться в материалах Гюльденштедта, вникнуть в его концепцию. По образному описанию современного американского исследователя Чарльза Кинга, «Паллас и его помощники долго корпели над архивами экспедиции в

палатах Академии наук, тщетно пытаюсь найти смысл в записках умершего, графиках и чертежах, перед тем, как окончательно отправить рукопись в печать» [King 2008: 103]. Итогом этой работы стал тщательно отредактированный Палласом и изданный в 1787-1791 гг. на немецком языке двухтомник «Путешествие по России и Кавказским горам» И.А. Гюльденштедта [Güldenstädt 1787-1791]. Также П.-С. Паллас обработал вышедшую в 1784 г. IV часть основного труда С.Г. Гмелина «Reise durch Russland zur Untersuchung d. drei Naturreiche» (СПб., 4 части, 1770-1784), в которую были включены дневник последнего путешествия Гмелина и его краткая биография, составленная Палласом.

Важно помнить, что согласно первым биографам П.-С. Палласа, «он был мало расположен к критике других и в своих сочинениях везде хвалил достойных своих современников. ...Его упрекали в том, что он отовсюду собирает наблюдения других; но он никогда не пользовался ими, не упомянув авторов; да к тому же, например, во время своих путешествий, наблюдения, сделанные его товарищами или учениками, делались по его планам и программам, и таким образом направление в наблюдении явлений и собрание фактов вполне принадлежало ему» [Маракуев 1877: 24].

Для характеристики экспедиций Российской Академии наук XVIII-XIX вв., а также оценки вклада отдельных ученых в изучение северокавказского региона, большое значение имеет публикация «Материалов для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках». Это издание содержит обзор архивных материалов академических экспедиций за указанный период, в том числе и путешествий П.-С. Палласа [Материалы... 1940: 95-100]. Описанию содержания архивных коллекций предпосланы краткие исторические обзоры каждой экспедиции, указаны маршруты, состав участников и результаты их полевых наблюдений; в заключение каждой статьи даны библиографические списки как опубликованных ее участниками трудов, так и предшествующей историографии.

В 1950-е гг. известный советский кавказовед М.О. Косвен в первых трех выпусках Кавказского этнографического сборника опубликовал «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке», представляющие собой био-библиографический обзор всех нарративных источников по истории и этнографии Кавказа XVIII-XIX вв., в том числе и архивных материалов, содержащих историко-этнографические сведения и имеющих описательный характер, расположив их по десятилетиям и по отдельным народам и областям. Подчеркивая огромное справочное значение этой работы, в то же время нельзя согласиться с общим выводом М.О. Косвена, писавшим об иностранных исследователях XVIII в., что «сообщаемые этими авторами, в особенности посетившими Кавказ в качестве путешественников, этнографические данные как по объему, так подчас и по их качеству не заслуживают особо высокой оценки», поскольку «взяты из русских вообще, в частности официальных источников», а «собственные сборы этих авторов, не владевших ни русским, ни тем более местными языками, могли быть только весьма ограниченными» [Косвен 1955: 289-290].

Между тем надо помнить, что на раннем академическом кавказоведении, в том числе и трудах П.-С. Палласа, выросла современная отечественная история и этнография северокавказских народов [Лавров 1976; Махмудова 2009; Колесникова 2010; Ткаченко 2015]. Нельзя не согласиться и с общим заключением современных исследователей научного наследия этого ученого, что «сочетая естественнонаучную систематику и этнографическую эмпирику, Паллас придал академической экспедиции выразительный народоведческий ракурс и создал основу и условия для составления этнографического свода Российской империи» [Головнев, Киссер 2015: 65].

В зарубежной историографии о возросшем интересе к затронутой теме свидетельствуют материалы коллоквиума «Сведения о русских в немецком пространстве XVII и XVIII вв.», который проходил в феврале 2004 г. в библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле (ФРГ) по инициативе профессора Боннского университета Д. Дальмана. Во введении к изданию, подготовленному по результатам этого коллоквиума, Д. Дальман отмечает, что «сегодня нет широкого представления об отношениях в области научных исследований между Россией и Германией. Особенно это касается немецкоговорящей историографии XVIII в. о России, которая в настоящее время известна лишь узким специалистам. Лишь в 1980-е гг. в ГДР с соответствующей идеологической подоплекой была проведена работа по изучению немецко-русских связей в области научных исследований» [Die Kenntnis... 2006: 7-8].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать исторические условия возникновения такого по-прежнему незаменимого для современного кавказоведения источника как «Описание народов, населяющих Кавказ, преимущественно черкесов», содержащегося в одном из последних трудов академика П.-С. Палласа; показать функционирование этого источника в социокультурной среде; а также на основе собственных переводов с первого немецкого издания «Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794» [Pallas 1799] продемонстрировать его информационные возможности для этноисторических исследований кабардинцев и балкарцев.

Петр Симон Паллас (Рис.1)¹ родился 22 сентября 1741 года в Берлине в семье врача. С 1754 года он посещал лекции по анатомии, физиологии и ботанике в медицинской коллегии в Берлине, писал статьи по зоологии. После сдачи экзамена по анатомии в 1758 году и дальнейшей учебы в Галле и Геттингене, он учился в университете Лейдена, где в возрасте 19 лет защитил диссертацию на тему «О вредителях, живущих внутри организмов». В 1761 году Паллас совершенствовал свое естественнонаучное образование в Англии,

¹ Pallas, Peter Simon. Stipple engraving by A. Tardieu after himself. Iconographic Collections [Electronic resource] // Welcome Collection – free museum and library: website
URL: <https://welcomecollection.org/works/rc5qwxkw?page=3&query=SIMON%20FRASER>
(date of access: 12.08.2018)

после чего вернулся в Берлин, чтобы по желанию отца уйти врачом на военную службу.

Рис.1. Петр Симон Паллас (1741-1811)

Однако в 1767 году царица Екатерина II пригласила его в качестве экстраординарного члена и адъюнкта в Санкт-Петербургскую академию наук, а также ординарным профессором естественной истории и директором естественноисторического музея [Gärtner 2001]. На следующий год 27-летний профессор зоологии Паллас в составе физической академической экспедиции уже совершал путешествие по России, побывав в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Результатом экспедиций 1768-1773 гг. стал его труд «Путешествие по разным провинциям Российского государства», опубликованный в трех частях сначала на немецком («Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches» (СПб., 1771-1776), затем на русском языке (1773-1788).

Второе путешествие П.-С. Палласа в южные наместничества Российского государства в 1793-1794 гг. продолжило программу кавказских исследований И.А. Гюльденштедта и С.Г. Гмелина 1768-1774 гг. и по-существу завершило российские академические экспедиции XVIII в., хотя и осуществлялось уже по просьбе самого Палласа и за его счет. Это путешествие продолжалось три года, академика сопровождали художник, жена и дочь. П.-С.Паллас выехал из Санкт-Петербурга через Москву на Волгу, а осенью 1793 г. из Астрахани направился на Кавказскую линию, куда прибыл в начале сентября. Он совершил поездку к Пятигорью, обследовав минеральные источники этого района, знакомясь с

бытом абазин, кабардинцев, осетин, балкарцев и других народов региона. 25 сентября Паллас выехал из Пятигорска в Черкасск и Таганрог, проехав таким образом с юга на север весь Северный Кавказ. Затем Паллас изучал Крым, который настолько ему понравился, что в последующие 15 лет стал его родным домом.

Свои впечатления от этой поездки и предпринятые в ходе ее научные изыскания Паллас изложил в двухтомнике «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах», изданном в Лейпциге на немецком языке в 1799 и 1801 гг. [Pallas 1799; Pallas 1801]. «По изяществу рисунков и всего издания – это самое роскошное из всех сочинений Палласа» [Маракуев 1877: 205]. Второе издание этого сочинения вышло в Лейпциге в 1803 г.

Русскому читателю этот труд академика оставался неизвестным еще весь XIX в., хотя неоднократно переиздавался в Европе и переводился на английский и французский языки. Только в XX в. переводы на русский язык небольших фрагментов из первого тома лейпцигского издания 1803 г. этой работы Палласа были включены в сборники «Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.)» [Осетины... 1967: 89-90], «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.» [Адыги... 1974: 216-224]. Эти небольшие извлечения представляли собой преимущественно этнографические описания отдельных народов Центрального Кавказа, сделанные Палласом в 1793-1794 гг. Переводы с немецкого были выполнены И.С. Зевакиной и Е.С. Зевакиным соответственно. В 2010 г. в сборнике «Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков» в переводе с английского В. Аталикова был опубликован отрывок из работы «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах» без каких-либо иных указаний на первоисточник [Кавказ... 2010: 248-283]. Предположительно, перевод этого фрагмента был сделан с лондонского издания 1812 г., ксерокопия которого хранится в отделе редкой книги библиотеки Кабардино-Балкарского государственного университета [Pallas 1812].

Второй том труда Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах» полностью посвящен вопросам геологической структуры, флоре, фауне, истории, этнографии, хозяйственной деятельности народов и административному устройству Крыма в конце XVIII в. В русском переводе он увидел свет в академическом издании серии «Научное наследие» только в 1999 г. [Паллас 1999]. А первый том издан пока в виде избранного по Астраханской области [Паллас 2008].

Что касается данной статьи, то в ее основу положены собственные переводы с немецкого интересующих сюжетов по первому лейпцигскому изданию [Pallas 1799].

В предисловии к этому сочинению Паллас говорит о том, что все наблюдения, сделанные им в 1793 и 1794 годах, могут дополнить предыдущие путешествия и «поведать о новом измененном состоянии некоторых

местностей, отчасти познакомить с еще неизведанными провинциями огромной Российской империи» [Pallas 1799: XXI].

По замечанию Палласа, в своей работе кроме собственных наблюдений он также использовал сведения и классификации горских народов из трудов предшественников – Гербера и Гюльденштедта, при этом полагая, что исправил неточности в отношении образа жизни и обычаев горцев, имевшиеся в исследованиях последнего. Среди авторов, которым хорошо было известно положение дел в этой области Кавказа и на информацию которых можно положиться при составлении своей работы, Паллас также назвал подполковника и квартирмейстера на русской службе Л.Л. Штедера. Неслучайно именно Паллас в 1796 в издаваемом им журнале «*Neue Nordische Beiträge*» впервые опубликовал на немецком языке «Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году» Л. Штедером [Штедер 2016: 5-6].

Таким образом, академик П.-С. Паллас не только проявил внимательное и уважительное отношение к результатам научных работ своих предшественников, взяв на себя нелёгкий труд по сохранению научного наследия этих учёных, но и как того требовали академические стандарты, указал все источники информации и работы коллег, которые использовал при составлении своего исследования.

В целом, этот труд П.-С. Палласа только по форме напоминает путевой дневник, он включает в себя тексты различного содержания: описание самого путешествия с мельчайшими бытовыми деталями; ценный научный материал по флоре и фауне, этнографии и экономике, а отчасти и истории; подробные описания географических объектов и населенных мест, дополненные статистическими данными и полученными от местных чиновников сведениями; научные наблюдения за археологическими объектами в сопровождении развернутых исторических экскурсов; сформулированные научные гипотезы и классификации по разным отраслям знаний. Наиболее важную для нашей темы часть труда составляет «Описание народов, населяющих Кавказ, преимущественно черкесов».

Сообщаемые П.-С. Палласом историко-этнографические сведения отличаются точностью и обстоятельностью. Черкесы (адыги) описываются ученым на 20 страницах. Он дает полную картину территориального расселения черкесских племен, несмотря на то, что лично побывал лишь на сравнительно небольшой территории и вглубь их земли не проникал.

Прежде всего Паллас представляет их воинственным народом. Он пишет, что «воинственный народ черкесов живет в предгорьях Кавказа и простирается до соседней красивой равнины, откуда он вытеснил прежних ее жителей и подчинил себе большую их часть» [Pallas 1799: 372], а «история и происхождение не известны» [Pallas 1799: 376]. Вместе с тем Паллас кратко излагает этногенетические предания, которые бытовали среди кабардинцев, указывая на отдельные неточности. «Кабардинцы по своему происхождению считают себя арабами. Возможно, это остатки тех армий, которых халифы когда-то отправили на Кавказ. Другие ведут свое происхождение от мамлюков»

[Pallas 1799: 374]. Подтверждение этому Паллас находит в этногенетической традиции, согласно которой они раньше проживали в Крыму, и где сохранились некоторые топонимы, связанные с черкесским присутствием.

Безусловно, среди других этнополитических образований Большая и Малая Кабарда в историческом отношении представляется Палласу наиболее интересной. Конспективно он излагает основные вехи кабардино-русских отношений к концу XVIII в. «Та часть народа, которая имеет отношение к нам, потому что живет у Кавказской линии, и постоянно с захвата этой границы имела с Россией то мирные отношения, то вела кровавые войны, но сейчас полностью подчиняется русской власти и по установленной по последнему миру с Портой границе по реке Кубань признается русскими подданными, называется Малой и Большой Кабардой», – пишет Паллас [Pallas 1799: 373-374]. Еще в XVI в. кабардинцы приняли протекцию царя Ивана Васильевича, который в 1560 г. женился на черкесской княжне Марии, дочери Темрюка. В XVII в. они снова признали власть Крыма, и когда попытались стряхнуть это ярмо в начале XVIII в., крымский хан вторгся с войсками в Кабарду. Черкесы, укрывшись за каменными валами в узком ущелье верховьев Баксана, ночью напали на крымский лагерь, убили хана и рассеяли его армию. Здесь речь у Палласа идет о событиях 1708 г., вошедших в историю под названием Канжальская битва. В изложении Палласа, для своей безопасности кабардинцы вновь попросили защиты у России, в которой им не было отказано. Однако они показали себя «очень ненадежными и беспокойными подданными», и назначенный в начале 1780-х гг. командующий русской армией на Северном Кавказе Ф.И. Фабрициан «их часто наказывал, для них была определена граница между левым берегом Малки и Терекком. Но теперь они вновь расселились до Подкумка и являются самыми миролюбивыми из живущих в пределах границы» [Pallas 1799: 376-377].

Важно отметить, что будучи 14 сентября 1793 г. в Георгиевске Паллас стал очевидцем учреждения родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде и охарактеризовал реакцию местного населения на российские административно-судебные преобразования в регионе. В своем труде он зафиксировал следующее: «Сейчас нужно добиться того, чтобы черкесские князья добровольно могли выбрать между собой ординарных судей, чтобы покончить с бесконечной их враждой. То есть нужно было создать два родовых суда для князей и два дворянских суда для узденей или дворян, члены которых получали бы жалованье от императорского двора. В присутствии и по ходатайству назначенного для казанских татар муфтия и посредством вооруженной медиации, состоявшей из сильного стоящего на берегу Баксана лагеря под командованием генерал-майора Савельева, князьям удалось провести выборы судей, которые были представлены 15 сентября фамилиями Большой Кабарды и 16 сентября фамилиями Малой Кабарды господину наместнику генералу Ивану Васильевичу Гудовичу, находившемуся в Георгиевске. Председателем княжеского суда с окладом 200 рублей в год был избран от фамилий Мисоста и Атажуки князь Джанхот, сын Сидака; от фамилий Бекмурзы и Кайтуки Малой Кабарды – Али, сын Салтангиреев.

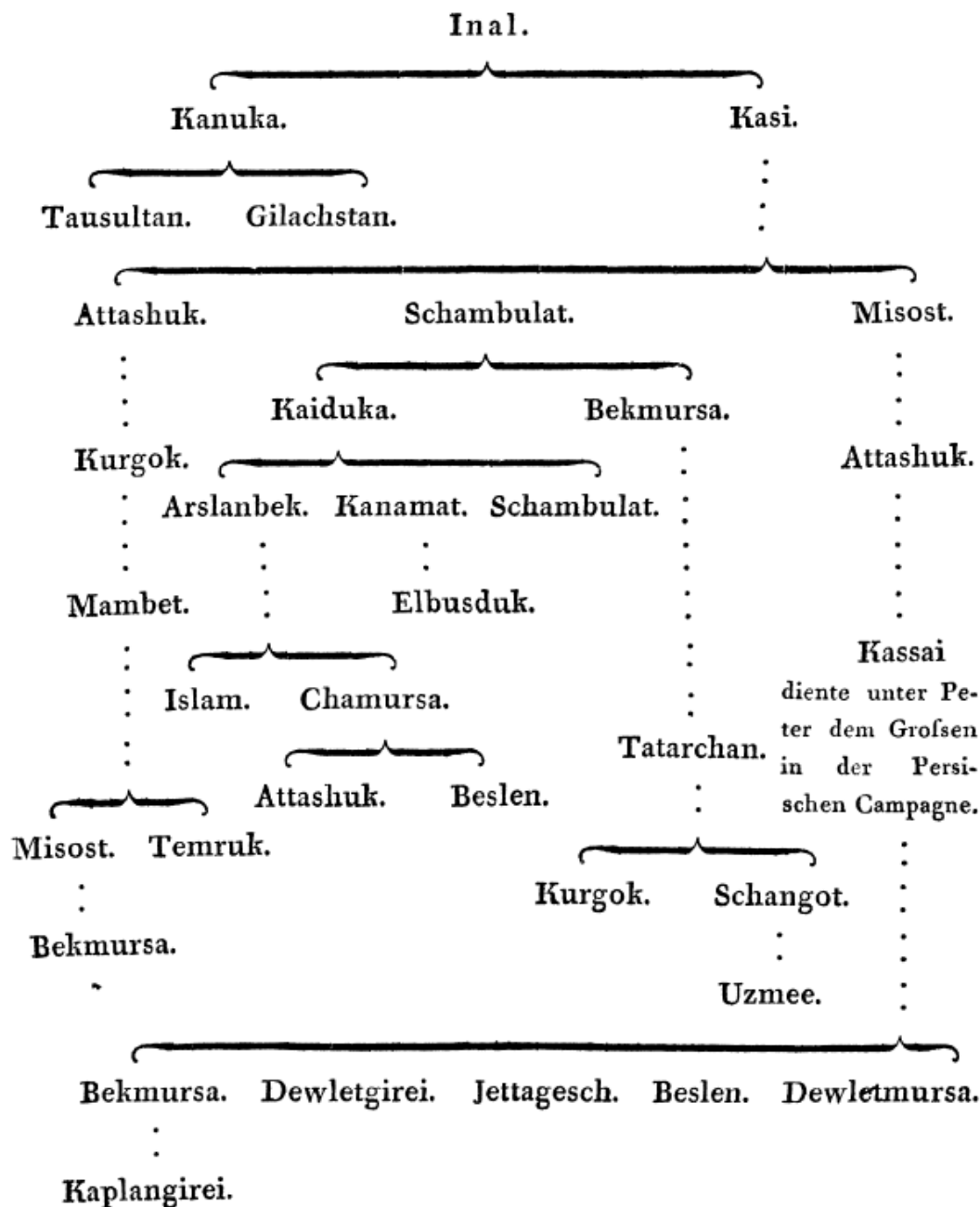
Заседателями с окладом в 150 рублей были избраны князья Мусса, сын Карамурзы, и Адильгерей, сын Темрюка Хаджи. Затем для службы от обоих племен были назначены Атажука, сын Хамурзы, и Атажука, сын Кази. Дворянские или земские суды для каждой Кабарды состояли из знатного узденя в качестве председателя с окладом 130 рублей и семи дворян и духовных заседателей, которые должны были получать по 100 рублей в год. Резиденция этих судов должна была находиться на реке Баксан, где сейчас располагался лагерь. Учреждение судов могло сопровождаться волнениями при таком беспокойном народе, это побудило меня совершить небольшое путешествие в горы до упомянутого лагеря, в которое я отправился 19 сентября в обществе славного и веселого муфтия» [Pallas 1799: 352-353].

Таким образом, свидетельство Палласа – важный источник по истории судебной реформы 1793 г., которая повлекла за собой ряд изменений в функционировании традиционной системы институтов общественной саморегуляции у кабардинцев. С учреждением родовых судов и расправ им было запрещено: самовольно мстить убийцам, барантовать имущество подвластных без разрешения суда, укрывать преступников под видом обычая гостеприимства, организовывать вооруженные группы для проведения наезднических мероприятий, созывать общественные собрания (хасэ) без специального распоряжения родовых судов и расправ [Грабовский 1876: 117].

В целом, используя сравнительно-исторический метод, П.-С. Паллас представляет черкесское общество как «настоящую феодальную систему», сравнивая его воинственный правящий класс с немецкими рыцарями в Ливонии или Пруссии, однако отличающийся еще большей строгостью и беспощадностью. Академик неслучайно большое внимание уделяет этому вопросу, подчеркивая, что «внутренняя вражда и разделение могущества этого героического народа между множеством мелких соперничающих между собой князей сделали их менее опасными противниками». Он считает желательным, чтобы черкесы обратились в добрых поданных России, «более приученных к порядку, однако без вреда их отваге и мужеству; и в этом случае их легкая кавалерия могла бы составить наиболее решительное и устрашающее войско на полях сражений» [Pallas 1799: 373-374]. В этом контексте полученные Палласом научные результаты могли иметь последствия для инклюзивной стратегии империи [Köhler 2012: 184].

Довольно подробно Паллас останавливается на социальной структуре кабардинского общества. Во главе сословной иерархии стояли князья (пши). Следуя преданиям, родоначальником всех известных черкесских княжеских фамилий П.-С. Паллас называет Инала и в своем труде приводит генеалогическую схему, иллюстрирующую происхождение князей Большой и Малой Кабарды от великого предка (Рис.2) [Pallas 1799: 375].

Рис. 2. Генеалогическая схема происхождения князей Большой и Малой Кабарды от Инала

Самыми могущественными и немиролюбивыми из княжеских фамилий не только в отношении соплеменников, но и России, Паллас считает Атажукиных. Менее могущественной являлась фамилия Мисостовых, однако она была наиболее преданной России и поэтому много страдала от Атажукиных. Подвластные князей Джамбулатовых жили у подножия горы Кашкатау, из которой вытекает Черек. Черкесы Малой Кабарды считали своей границей правый берег реки Терек до левого берега реки Сунжа. Их князья происходят от Канука и разделяются на род Таусултан и Гиляхстан [Pallas 1799: 377].

Кроме князей в сословной структуре кабардинского общества Паллас выделяет дворян (уорков/узденей) и крестьян (хокотлей/подданных) [Pallas 1799: 377]. Дворяне разделяются на древнее рыцарское дворянство и на дворян дворян (уздени узденей). Самыми могущественными фамилиями из древней знати являются Куденетовы, Тамбиевы, Анзоровы. Перечисленные академиком фамилии встречаются в многочисленных русских документах XVI-XVIII вв. как «лучшие уздени» Кабарды. П.-С. Паллас указывает, что основными занятиями кабардинских князей и дворян являлись только война, грабежи и охота. Им раскрыта система вассальных отношений у кабардинцев, которая, по мнению ученого, играет такую же важную роль, как и в других феодальных обществах. «Согласно их феодальной системе, – пишет Паллас, – всякий человек, способный носить оружие, особенно знатный, должен отправиться с князем на войну, трусость наказывается презрением» [Pallas 1799: 386]. Ученый достаточно ясно показывает угнетенное положение зависимого населения. Он подробно описывает систему повинностей, выполняемых крестьянами, которая выступала в виде барщинных отработок и оброчных обязательств.

Особо следует подчеркнуть народоведческий дискурс рассматриваемого труда. Паллас представил в нем систематизированное по последнему слову науки того времени этнографическое описание кабардинцев. Прежде всего, оно включает характеристику их антропологических особенностей. «Вообще черкесы красивый народ. Мужчины, особенно дворяне, большей частью высокого роста, стройные, геркулесовского телосложения, очень худые в бедрах, с маленькими ногами, крепкими руками...Обычно у них римский воинственный облик, однако можно проследить некоторые черты, указывающие на то, что их матери принадлежали некогда к племени ногайцев. Женщины, правда, не все черкесской красоты, но большей частью хорошо сложены, белокожие, с каштановыми или черными волосами, с правильными чертами лица...» [Pallas 1799: 380].

Паллас довольно подробно описал хозяйство кабардинцев. «Что касается экономики черкесов, то они занимаются как земледелием, так и скотоводством. Больше всего сеют просо, из которого готовят кашу, делают всевозможные мучные изделия и лепешки, а также готовят обычный напиток, который они называют хантхупс... Кроме того они сеют кукурузу, которая служит им во время путешествий и походов едой, спасающей от голода. Они сажают также некоторые огородные растения: морковь, свеклу, брюкву, лук, тыкву, арбуз и т.д. Из дикой конопли их жены изготавливают крепкие нити, но они не умеют ткать полотно. Их скот состоит в основном из коз, овец, коров и лошадей. Их овцы длиннохвостой породы и обычно с белой шерстью, которую они отвозят на рынок, также их женщины зачастую ткут и продают хорошее, но узкое и некрашеное сукно, как и сшитую из него верхнюю одежду. Из наиболее грубой и черной шерсти они изготавливают бурки» [Pallas 1799: 392].

По Палласу, хозяйственная жизнь кабардинцев выглядит следующим образом: «землю возделывают большими плугами, запряженными от 6 до 8 быков, пасут стада, подвозят дрова и строительный лес, строят жилища, жнут

хлеб и заготавливают сено, которым зимой кормят животных» [Pallas 1799: 384].

Весьма профессионально и подробно П.-С. Паллас описывает все элементы материальной культуры кабардинцев: поселения, жилища, одежду, обувь, украшения, орудия труда, оружие, предметы культа, надмогильные сооружения и т.п.

Не менее обстоятельно в его труде представлены и все компоненты духовной культуры кабардинцев: язык, ценности, религиозные представления, общественные нормы, образцы поведения, система воспитания, танцы. Особое внимание Паллас, как и другие исследователи, уделил изучению таких «противоположных обычаев» как гостеприимство и кровная месть. Среди обрядов первостепенное место уделено описанию обрядов жизненного цикла кабардинцев.

Таким образом, с именем Палласа связано начало научного изучения истории кабардинцев. А его характеристика общественного строя, культуры и быта черкесов по своей глубине и достоверности выгодно выделяется из числа других нарративных источников второй половины XVIII в. и представляет собой достаточно полную энциклопедию народной жизни.

Не меньшее значение рассматриваемый труд Палласа имеет и для изучения истории балкарцев, особенно, если учесть незначительное количество ранних источников по этой проблеме.

Как и его предшественники, Паллас находит балкарцев высоко в горах, в верховьях рек Аргудана, Черема и Чегема, описывая их локализацию по отдельным ущельям. Помимо уточненных сведений о количестве дворов и расселении балкарцев-басиан (1236 семей в 9 поселках) и чегемцев (368 семей – в 11 поселках), большое внимание, как того требовала программа академических экспедиций, Паллас уделяет характеристике их религиозных представлений. Прежде всего, он подтверждает наличие в горах Балкарии многочисленных христианских древностей, сведения о которых поступали в правительственные учреждения России весь XVIII в. Вслед за Гюльденштедтом, Паллас полагает, что в недалёком прошлом балкарцы «были христианами, и у них были церкви, среди которых очень примечательной является церковь у реки Чегем. Она расположена на скале, в которой пробили извилистый проход, снабженный с обеих сторон железными перилами. Здесь сохранились еще остатки книг». С большим риском Паллас добыл несколько страниц, отправив туда человека; по его сведениям, «один лист оказался из Евангелия на древнегреческом языке, другие – из греческих церковных книг» [Pallas 1799: 407-408]. Кроме остатков христианских сооружений Паллас указывает на наличие у балкарцев священных источников, «рядом с которыми не разрешается рубить деревья». О распространении ислама среди горцев свидетельствует замечание ученого о том, что «их старейшины исповедуют магометанскую религию» [Pallas 1799: 410].

Кратко, но очень точно Паллас характеризует экономику балкарских обществ. «У них изрядное скотоводство, но пользуются вместо лошадей разнообразностью мула, которую они называют «кадир». Пашня, вследствие ее

недостатка, является у них самым большим богатством, ее обрабатывают усердно и кропотливо удобряют. Они выращивают просо и овес, последний используют для приготовления напитка и на корм мулам. Их мед превосходный, у них также иногда есть опьяняющий мед, о котором упоминает Ксенофонт» [Pallas 1799: 408]. «У них есть железная руда, которую они расплавляют. Из Каргашин (Свинцовой горы) они получают свинцовую руду, которая лежит на поверхности, и из которой они плавят пули. Они делают также селитру и продают порох» [Pallas 1799: 409].

Несколько летних месяцев в году, когда открывались горные перевалы, балкарцы ездили торговать в Имеретию до Рачи и Они. «Изделиями, которые они приносят в Рачу, являются войлок, бурка, одежда из грубой ткани, шкуры куниц, лис и других животных; их они обменивают на каменную соль, грубые хлопчатобумажные изделия и разный мелочной товар» [Pallas 1799: 409].

Также в труде П.С. Палласа нашли отражение взаимоотношения горских народов в контексте политики России на Кавказе в последней четверти XVIII в. Изучая этнополитическую композицию региона, он пишет, что «только горские народы, которые должны платить дань черкесским князьям, например, абазины, осетины, дугоры, базиане, балкарцы, карачаи и карабулаки, дают из каждой семьи обычно овцу или ее стоимость войлоком, буркой, полотном, медной посудой и тому подобное. Каждый, у кого есть овца, будь то отара большая или маленькая, дает летом князю овцу, за что князь постоянно угощает» [Pallas 1799: 484-485].

Здесь надо уточнить, что активизация политики России на Северном Кавказе после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. привела к тому, что ряд горских народов, до этого плативших дань кабардинским князьям за покровительство и пользование зимними пастбищами, отказался от прежних обязательств. Еще в 1783 году кабардинские князья и уздени обратились к князю Потемкину с ходатайством, чтобы русские войска не препятствовали им по-старому взимать дань с разных народов Северного Кавказа. Однако Потемкин разрешил взимать плату только с тех соседей, которые еще не присягнули на верность России [Грабовский 1876: 165]. Видимо, это инициировало обращения балкарцев к командованию на Кавказской линии в последние десятилетия XVIII в. По сведениям П.-С. Палласа, балкарцы «ищут способа прийти под русское покровительство, чему черкесы всеми силами стараются препятствовать и поэтому никого не пропускают на Линию. В 1783 г. несколько базиан, посланных искать этого покровительства, пробились окольными путями к обер-лейтенанту Л.Л. Штедеру. Но возвратились они лишь с голыми обещаниями» [Pallas 1799: 408-409].

По данным П.Г. Буткова, попытки освободиться от навязанного покровительства предпринимались и в 1787-1794 гг., когда «по беспокойному духу кабардинцев, они нередко простирали претензии свои на балкарцев», о чем те жаловались российскому правительству, «предоставив себя в Российское подданство» [РГВИА. Ф. 482. Д. 192. Л. 140 об.-141]. Эти обращения балкарцев судьбоносных последствий для них не имели. Свидетель этих событий П.-С. Паллас, находившийся тогда в расположении русского военного отряда, пишет,

что кабардинцы сообщили русским военачальникам о появлении в Балкарии эпидемии чумы. «Под этим предлогом они заняли узкие проходы, которые ведут туда, и грозили расстрелять каждого, кто намеревался пересечь Кабарду, чтобы отрезать балкарцев от связи с нами» [Pallas 1799: 409-410]. Очевидно, что в сложившемся историческом контексте Кабарда стремилась к сохранению статус-кво, в то время как другие народы Центрального Кавказа, воспользовавшись политической ситуацией, постепенно уходили из-под ее влияния. К концу XVIII в традиционная система этнополитического равновесия в этом регионе была полностью нарушена установлением военно-политического контроля России на Центральном Кавказе.

Таким образом, рассмотренный труд П.-С. Палласа «*Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*» имеет большое значение для этноисторического изучения Кабарды и Балкарии. Как исторический источник он отличается академизмом, достоверностью и системностью изложения материала. Содержащиеся в нем историко-этнографические сведения о кабардинцах и балкарцах, с одной стороны, хорошо фундированы и перепроверяются другими источниками, а, с другой стороны, порой уникальны, поскольку зафиксированы непосредственным свидетелем и участником событий.

В целом, можно констатировать, что находясь на передовых рубежах европейской науки того времени, стремясь к составлению систематических географических описаний, всевозможных классификаций и этно-исторических обзоров, П.-С. Паллас и другие участники академических экспедиций XVIII в. на Кавказ оставили труды, которые были не просто путевыми заметками дневникового характера, а полноценными научными трудами, составленными по специальной исследовательской программе, основанными на трудах предшественников, личных наблюдениях и письменных источниках. Их работы не только расширяли кругозор читающей публики, удовлетворяя познавательный интерес различных слоев российского просвещенного общества, но, в первую очередь, стали научным фундаментом для дальнейших кавказоведческих исследований, во многом определив их методику и основные направления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адыги... 1974 – *Адыги*, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

Головнев, Киссер 2015 – *Головнев А.В., Киссер Т.С.* Этнопортрет империи в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги // *Уральский исторический вестник*. – 2015. – № 3. – С. 59-69.

Грабовский 1876 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // *Сборник сведений о кавказских горцах*. – Вып. IX. – Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1876. – Отд. I. – С. 112-212.

Кавказ... 2010 – *Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков* / Сост. В. Аталиков. – Вып. III. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. – 304 с.

Колесникова 2010 – *Колесникова М.Е.* У истоков отечественного кавказоведения: академические экспедиции на Северный Кавказ во второй половине XVIII – начале XX в. // *Вопросы истории естествознания и техники*. – 2010. – №1. – С. 55-62.

- Косвен 1955 – *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. – Вып.1. – М., 1955. – С. 265-374.
- Лавров 1976 – *Лавров Л.И.* К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. – Вып. 6. – М., 1976. – С. 3-10.
- Маракуев 1877 – *Маракуев В.Н.* Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. – М.: тип. А.А. Торлецкого и К°, 1877. – 214 с.
- Материалы... 1940 – *Материалы* для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 310 с.
- Махмудова 2009 – *Махмудова К.З.* Материалы этноисторических исследований вайнахов в российской науке в конце XVIII – начале XIX века. Анализ источников // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2009. – № 3-С. – С. 68-71.
- Осетины... 1967 – *Осетины* глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.) / Сост. Б.А. Калоев. – Орджоникидзе: Ир, 1967. – 320 с.
- Паллас 2008 – *Паллас П.С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Том 1 (избранное): перевод с немецкого. – Астрахань: Агентство по печати и информ. коммуникациям Астраханской обл., 2008. – 303 с.
- Паллас 1999 – *Паллас, Петр Симон.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах / Пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – 246 с. (Научное наследство; Т. 27).
- Полиевктов 1935 – *Полиевктов М.А.* Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу [справочник]. – Тифлис: 1-я тип. Сахелгани, 1935. – 221 с.
- РГВИА – *Российский* государственный военно-исторический архив.
- Ткаченко 2015 – *Ткаченко Д.С.* Экспедиции Академии наук в становлении образа Кавказа в Российской империи рубежа XVIII – XIX вв. // История: факты и символы. – 2015. – № 3. – С.82-94.
- Штедер 2016 – *Штедер Л.Л.* Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году / Сост. Г.И. Цибиров. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. – 368 с.
- Die Kenntnis... 2006 – *Die Kenntnis* Russlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das russische Reich. Hrsg. Dittmar Dahlmann. – Bonn University Press, 2006. – 313 s.
- Gärtner 2001 – *Gärtner, Rainer W.* Pallas, Peter Simon // Neue Deutsche Biographie 20 (2001). S. 14-16 [Online-Version]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd118591371.html#ndbcontent> (date of access: 12.08.2018)
- Güldenstädt 1787-1791 – *Güldenstädt, Johann Anton.* D. Johann Anton Güldenstädt Russisch-Kaysersl. Akademikers und Professors der Naturgeschichte auch der Churfürstl. Maynzischen und der Berlin, Naturforschenden, wie auch der St. Petersburgischen ökonomischen Gesellschaft Mitgliedes, Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge / Auf Befehl der Russisch-Kayserslichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P.S. Pallas ... St. Petersburg [St.- Peterburg]: Bey der Kayserl. – Akademie der Wissenschaften, 1787-1791. – Th.1. 1787. – 511 s. Th .2. – 1791. – 552 s.
- King 2008 – *King Charles.* The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. – New York: Oxford University Press, 2008. – 291 p.
- Köhler 2012 – *Köhler Marcus.* Russische Ethnographie und imperiale Politik im 18. Jahrhundert. – Göttingen: V&R unipress, 2012. – 299 s.
- Pallas 1799 – *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. – Band 1. – Leipzig, 1799. – 516 s.
- Pallas 1801 – *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. – Band 2. – Leipzig, 1801. – 527 s.

Pallas 1812 – *Pallas P.S. Travels through the Southern provinces of the Russian empire performed in the years 1793 and 1794 in two volumes.* – Vol. 1. – London, 1812. – 552 p.

REFERENCES

Adygi, balkartsy i karachayevtsy v izvestiyakh yevropeyskikh avtorov XIII-XIX vv. / Sost. V.K. Gardanov [Adyge, Balkars and Karachays in the news of European authors of the 13th-19th centuries / Comp. V.C. Gardanov]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – 635 p. (In Russian)

Die Kenntnis Russlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das russische Reich. Hrsg. Dittmar Dahlmann. – Bonn University Press, 2006. – 313 p.

GÄRTNER, RAINER W. Pallas, Peter Simon. IN: *Neue Deutsche Biographie* 20 (2001). P. 14-16 [Online-Version]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd118591371.html#ndbcontent> (date of access: 12.08.2018)

GOLOVNEV A.V., KISSER T.S. *Etnoportret imperii v trudakh P.S. Pallasa i I.G. Georgi.* [Ethnographic portrait of the empire in the works of P.S. Pallas and I.G. Georgi]. IN: *Ural'skiy istoricheskii vestnik* [The Urals Historical Herald]. – 2015. – No. 3. – P. 59-69. (In Russian)

GRABOVSKII N.F. *Prisoyedinenie k Rossii Kabardy i bor'ba ee za nezavisimost'* [Accession of Kabarda to Russia and its struggle for independence]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [A collection of information about the Caucasian mountaineers]. – Issue IX. – Tiflis: Typography of the main directorate of the governor of the Caucasus, 1876. – Part I. – P. 112-212. (In Russian)

GÜLDENSTÄDT, JOHANN ANTON. D. Johann Anton Güldenstädt Russisch-Kayserl. Akademikers und Professors der Naturgeschichte auch der Churfürstl. Maynzischen und der Berlin, Naturforschenden, wie auch der St. Petersburgischen ökonomischen Gesellschaft Mitgliedes, Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge / Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P.S. Pallas ... St. Petersburg [St.- Peterburg]: Bey der Kayserl. – Akademie der Wissenschaften, 1787-1791. – Th.1. 1787. – 511 p. Th.2. – 1791. – 552 p.

Kavkaz: evropeiskie dnevniki XIII-XVIII vekov [The Caucasus: European diaries (source material) of the XIII-XVIII centuries] / Comp. V. Atalikov. – Issue III. – Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov, 2010. – 304 p. (In Russian)

KING CHARLES. *The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus.* – New York: Oxford University Press, 2008. – 291 p.

KÖHLER MARCUS. *Russische Ethnographie und imperiale Politik im 18. Jahrhundert.* – Göttingen: V&R unipress, 2012. – 299 s.

KOLESNIKOVA M.E. *U istokov otechestvennogo kavkazovedeniya: akademicheskie ekspeditsii na Severnyi Kavkaz vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX v.* [At the origins of the national Caucasus studies: academic expeditions to the North Caucasus in the second half of the XVIII – early XX century]. IN: *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the history of science and technology]. – 2010. – No. 1. – P. 55-62. (In Russian)

KOSVEN M.O. *Materialy po istorii etnografii Kavkaza v russkoy nauke* [Materials on the history of ethnography of the Caucasus in Russian science]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. – Issue.1. – M., 1955. – P. 265–374. (In Russian)

LAVROV L.I. *K 250-letiyu akademicheskogo kavkazovedeniya v Rossii* [To the 250th anniversary of academic Caucasian studies in Russia]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. – Issue. 6. – M., 1976. – P. 3-10. (In Russian)

MAKHMUDOVA K.Z. *Materialy etnoistoricheskikh issledovaniy vaynakhov v rossiyskoy nauke v kontse XVIII – nachale XIX veka. Analiz istochnikov* [Materials of ethno-historical studies of the Vainakhs in Russian science at the end of the XVIII – beginning of the XIX century. Source analysis]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennyye nauki* [News of higher educational institutions. North-Caucasian region. Series: Social Sciences]. – 2009. – No. 3-S. – P. 68-71. (In Russian)

MARAKUEV V.N. *Petr Simon Pallas, ego zhizn', uchenye trudy i puteshestviya* [Peter Simon Pallas, his life, scholarly labors and travels]. – M.: tip. A.A. Torletskogo i K°, 1877. – 214 p. (In Russian)

Materialy dlya istorii ekspeditsii Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh: khronologicheskie obzory i opisaniye arkhivnykh materialov [Materials for the history of expeditions of the Academy of Sciences in the XVIII and XIX centuries: chronological reviews and descriptions of archival materials] / Comp. V.F. Gnucheva. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. – 310 p. (In Russian)

Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (XIII-XIX vv.) [Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers (XIII-XIX centuries)] / Comp. B.A. Kaloev. – Ordzhonikidze: Ir, 1967. – 320 p. (In Russian)

PALLAS P.S. *Zametki o puteshestvii v yuzhnye namestnichestva Rossiiskoi imperii v 1793 i 1794 godakh. Tom 1 (izbrannoe): perevod s nemetskogo.* [Travels through the Southern provinces of the Russian empire performed in the years 1793 and 1794]. Volume 1 (elected): translation from German. – Astrakhan': Agentstvo po pečati i inform. kommunikatsiyam Astrakhanskoi obl., 2008. – 303 p. (In Russian)

PALLAS P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794.* – Band 1. – Leipzig, 1799. – 516 s.

PALLAS P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794.* – Band 2. – Leipzig, 1801. – 527 s.

PALLAS P.S. *Travels through the Southern provinces of the Russian empire performed in the years 1793 and 1794 in two volumes.* – Vol. 1. – London, 1812. – 552 p.

PALLAS, PETR SIMON. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 godakh* [Travels through the Southern provinces of the Russian empire performed in the years 1793 and 1794] / Translation from German. – M.: Nauka, 1999. – 246 p. (*Scientific heritage*; Volume 27). (In Russian)

POLIYEVKTOV M.A. *Evropeyskie puteshestvenniki XIII-XVIII vv. po Kavkazu [spravochnik]* [European travellers of XIII-XVIII centuries in the Caucasus]. – Tiflis: Sahelgani, 1935. – 221 p. (In Russian)

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voyenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. (In Russian)

SHTEDER L.L. *Dnevnik puteshestviya iz pograničnoy kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu* [Diary of a journey from the borderfortress of Mozdok in the inner areas of the Caucasus, taken in 1781] / Sost. G.I. Tsibirov. [Comp. GI Tsibirov]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAN, 2016. – 368 p. (In Russian)

TKACHENKO D.S. *Ekspeditsii Akademii nauk v stanovlenii obraza Kavkaza v Rossiiskoi imperii rubezha XVIII-XIX vv.* [Expeditions of the Academy of Sciences in the formation of the image of the Caucasus in the Russian Empire at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries]. IN: *Istoriya: fakty i simvolyy* [History: facts and symbols]. – 2015. – No. 3. – P.82-94. (In Russian)

УДК 94(470.64+638)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-29-44

ТАМБИЕВЫ В РАЙОНЕ ПЯТИГОРЬЯ (ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ АДЫГОВ)¹

В.А. ФОМЕНКО

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
[E-mail: kbigi@mail.ru](mailto:kbigi@mail.ru)*

Аннотация. В статье кратко рассматривается история группы адыгов-христиан – Гаур-Тамбиевых. В начале XIX ст. Гаур-Тамбиевы² переселились со своими подданными из Кабарды в соседнее Пятигорье (район Кавказских Минеральных Вод). Здесь известны селения Тамбиевых около Пятигорска и вблизи Кисловодска. Местные российские власти покровительствовали Гаур-Тамбиевым в XIX и начале XX в. С 80-х гг. XIX в. Гаур-Тамбиевы были крупными коннозаводчиками и землевладельцами; в конце XIX – начале XX в. занимались предпринимательской деятельностью. Некоторые Гаур-Тамбиевы были военными. В районе Пятигорья сохранились отдельные погребальные памятники и топонимы связанные с Тамбиевыми. Статья содержит фотографии некоторых из этих памятников.

Ключевые слова: Кабарда; Тамбиевы; сословие тлакотлеш; армяно-григорианское вероисповедание; Гауровы; Пятигорск; Кисловодск.

THE TAMBIEVS IN THE PYATOGORIE AREA (FROM THE HISTORY OF ONE ETHNO-CONFESSIONAL GROUP OF THE CIRCASSIANS)

V.A. FOMENKO

*The Institute for the humanities research – affiliate of The Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, Nalchik, Pushkin Street, 18
[E-mail: kbigi@mail.ru](mailto:kbigi@mail.ru)*

Abstract. Article briefly discusses the history of the Christian Circassians – the Gaur-Tambievs. At the beginning of 19th century the Gaur-Tambievs moved with their subjects from Kabarda to

¹ Работа представляет собой дополненный вариант доклада «Селения Тамбиевых в районе Пятигорья» представленного на круглом столе «Проблемы генеалогии и этнонимии народов Северного Кавказа» памяти А.А. Максидова (г. Нальчик 17 октября 2014 г.). [Фоменко 2015: 150-158].

² В литературе середины XIX – начала XX в. христианская ветвь Тамбиевых именуется без корня «гаур».

neighboring Pyatigorsk (the region of the Caucasian Mineral Waters). Here are known villages of the Tambievs near Pyatigorsk and near Kislovodsk. Local Russian authorities patronized Gaur-Tambiyev in the 19th and early 20th centuries. Since the 1880s the Gaur-Tambievs were large horse breeders and landowners in the late 19th – early 20th centuries engaged in business activities. Some the Gaur-Tambievs were in military service. In the area of Pyatigorsk there are separate burial sites and toponyms associated with the Tambievs. The article contains photographs of some of these monuments.

Key words: Kabarda; the Tambievs; tlakotlesh social estate; the Armenian-Gregorian confession; the Gaurovs; Pyatigorsk; Kislovodsk.

Тамбиевы до начала XX в. относились к наиболее значительным фамилиям Кабарды («высокостепенное» сословие тлакотлеш (по-кабардински – ллакъуэлІэш)) [Правовые нормы ... 1997: 45, 80, 211-212, 286]. Часть Тамбиевых, согласно преданиям, во второй половине XVI в. приняли христианскую веру (т.н. «армяне Тамбиевы») [Бейтуганов 1990: 146-157]. Эта фамилия также получила распространение у абазин (тапанта и шкарауа) [Ионова 2006: 365-366] и у карачаевцев [Тамбиев 2013].

Отдельные упоминания и сведения о христианах Тамбиевых известны в отечественной историографии еще с досоветской эпохи [Смирнов 1864: 39-40; Смирнов 1867: 93; Акты ... 1884: 40-41, 408; Владыкин 1885: 140-141]. Однако наибольший интерес к истории этой этноконфессиональной группы адыгов проявился после публикации в 1990 г. книги историка-архивиста С.Н. Бейтуганова, где Гаур-Тамбиевым был посвящен небольшой раздел [Бейтуганов 1990: 146-157]. Позже Сафарби Нагманович опубликовал основные документы по истории «армян Тамбиевых» [К истории ... 2006: 97-106]. Историк А.А. Максидов продолжил публикации [Максидов 2007: 25-33; Максидов 2008: 42-50] о христианах Тамбиевых, опираясь на ранее введенные в научный оборот документы. А.В. Казаковым были опубликованы биографические данные о Тамбиевых (в т.ч. и Гаур-Тамбиевых), которые во второй половине XIX и начале XX в. были военными [Казаков 2006: 235-243]. Автор этих строк также ранее опубликовал несколько небольших работ об Армянском ауле или хуторе Тамбиева близ Пятигорска, о селении Тамбиевых близ Кисловодска, а также о некоторых погребальных памятниках связанных с этими давно исчезнувшими поселениями [Месропян 2016: 22-24].

Теперь обзорно рассмотрим сведения известные об истории христианской ветви Тамбиевых и об их пребывании в районе Пятигорья.

Сохранившееся в документах 20-х гг. XIX в. семейное предание Тамбиевых гласит, что у Тлостанеша Тамбиева (жил в сер. и второй пол. XVI в.) было три сына: Бекмурза, Умахош и Бий. Младший из братьев, Бий, решил жениться на дочери армянского священника, жившего в те времена в Кабарде. Родственники Бия были против этого брака, и Бий уехал со своей возлюбленной за Кубань. Из Закубанья, опасаясь преследования, уехал в Крым, где, «приняв веру армянскую, женился» и «остался жить между тамошними армянами». При крещении Бий получил имя Иосиф. Узнав о смерти своего отца Тлостанеша, Бий (Иосиф) захотел помириться с братьями и вернулся в Кабарду

вместе с четырьмя сыновьями. Однако братья не стали с ним мириться и не приняли в свою среду. Кроме того, они запретили ему именоваться фамилией Тамбиевых и за «поступки его против веры и родства и по деянию его стали называть Жигат Гауром, то есть Герой Неверный» [Бейтуганов 2006: 28-29].

В начале XIX в. (согласно преданию, приблизительно в 1804 г.) христианская ветвь Тамбиевых – Гауровы, «оставя Кабарду, имея на отцов их неудовольствие» и опасаясь за свое спокойствие «вследствие принятия ... христианской веры», перешли под покровительство России и поселились со своими подданными под Лысой горой в Пятигорье [Бейтуганов 2006: 29; Волкова 1966: 262].

Представители рода Гаур-Тамбиевых, основавшие селение у Лысой горы (Рис. 1), многократно упоминаются в документах XIX в., т.к. они пытались доказать свое знатное кабардинское происхождение и просили причислить их к дворянскому сословию [Бейтуганов 2006: 22-36].

Рис. 1. Остатки российского укрепления у горы Лысой, рядом с которым находилась Армянско-Лысогорская станица. Фото автора, 2003 г.

Командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал Г.А. Емануэль отмечал, что «дело Тамбиевых может иметь большое влияние и на прочих узденей азиатского происхождения, которые со временем пожелали бы воспринять христианскую религию и вступить в подданство Российского престола». В документе от 28 февраля 1830 г. Емануэль писал: «Все сие обстоятельство представляя правительствующему сенату, я имею честь присовокупить, что обитатели аула у Лысой Горы Гаур-Тамбиевы, зачисленные в Волгский казачий полк, будучи токмо армянского исповедания, но, происходя из рода кабардинских армян, не суть армяне, следовательно, и к обществу моздокских армян, пользующихся особенными привилегиями, причислены быть не могут». Однако, утверждал Емануэль: «принимая соображения, что состоящие под покровительством Российского правительства князья и уздени, сохраняющие свое вероисповедание, пользуются по службе и в отношении к их подвластным преимуществами своего рода, то несправедливо бы было стеснять или ограничить права тех из них, кои водворились в пределах России, даже приняли веру христианскую или для сохранения оной оставили своих однородцев» [ЦГА КБР Ф. 2. О. 1. Д. 740. Л. 25 об., 27 об., 35, 36 об., 38, 40 об.]. Дело Гаур-Тамбиевых получило широкий общекавказский и общероссийский резонанс и постепенно превратилось в дело о правах вообще «обитающих в

России греков и мухаммедан». Этот вопрос в 1838 г. был внесен в Государственный совет, но окончательного закрепления своих сословных прав Гаур-Тамбиевы в то время не добились.

В 1846 г. жители «Армянско-Лысогорской станицы Тамбиевых» 180 душ крепостных вместе со своими владельцами были переселены на Кубань выше крепости Прочно-Окопской [ЦГА КБР Ф. 16. О. 1. Д. 429. Л. 5, 10, 86] (окрестности современного Армавира). Причем, как следует из документов, Тамбиевы были христианами, а их подвластные – мусульманами. В 40-х гг. XIX в. «армяне Гауровы, по воле начальства», переселяются также в станицу Успенскую близ Армавира [Материалы ... 1956: 151, 157].

Вместе с тем, вполне определенно можно сказать, что Армянский аул у горы Лысой несмотря на переселение оставался и на прежнем месте. Так, на карте района Кавказских Минеральных Вод середины XIX в. у горы Лысой обозначен Армянский аул и на «Геологической карте Пятигорского края» 1875 г. Армянский аул также отмечен на левом берегу реки Подкумок к северо-западу с отклонением к западу от горы Лысой [Геологическое описание ... 1876: карта-вклейка].

Селение (хутор) Тамбиева обозначено вблизи станицы Горячеводской на «Карте Кабарды, Балкарии и Ставропольской губернии 30-40-х гг. XIX в. с более поздними обозначениями» [ЦГА КБР Ф. 40. Оп. 1. Д. 209. Л. 156]. Ныне территория этого хутора застроена разросшимся поселком Горячеводским (часть города Пятигорска Ставропольского края). У местного населения сохранилось предание о существовании здесь т.н. армянского аула. Уцелело также название Армянский лес в соседней долине р. Юцы [Рунич 1978; Асадов 1996: 3-15; Фоменко 2002: 51-52].

Известный на Кавказских Минеральных Водах ученый и общественный деятель С.А. Смирнов в своей книге, опубликованной в 1864 г., писал: «Верстах в 7 от Пятигорска по ту сторону Подкумка, на извилистом берегу реки Юцы, расположен черкесский аул, называемый Армянским преимущественно потому, что зажиточнейшая часть жителей из армян. Для посетителя, не бывшего далее на Кавказе, он представляет тот интерес, что в нем можно видеть сохранившуюся внутреннюю жизнь черкесских аулов при переходе ее к более цивилизованным формам. Внутреннее расположение домов, одежда и украшение женщин, их гостеприимные обычаи и проч. переносят небывалого европейца в совершенно новый для него мир. Дорога в этот аул довольно удобна» [Смирнов 1864: 39-40]. Приблизительно тот же текст под названием «Прогулка в Армянский аул» повторяется позже. Только расположение этого аула на реке Юце указано уже в 4 верстах от Пятигорска [Смирнов 1867: 93; Владыкин 1885: 140-141].

Сведения об этом населенном пункте сохранились в архиве краеведа Н.М. Егорова, хранящемся в Пятигорском краеведческом музее. 28.07.1933 Н.М. Егоров зафиксировал в своих записях воспоминания казака станицы Горячеводской 1866 года рождения. Казак сказал, что еще помнит этот аул, он был небольшой, и владельцем лицом в нем являлся Тамбиев. Обстоятельств исчезновения этого аула он не помнит и не знает. Расположен он был на левом

берегу р. Юцы. Станица Горячеводская уже заняла (к 30-м гг. XX в. – В.Ф.) всю его площадь и даже подвинулась еще вверх по р. Юце [Пятигорский краеведческий музей. Архив Н.М. Егорова. Д. 18. Л. 20 и об. (карта)].

Рис. 2. Надгробие М.Д. Тамбиева. Общий вид и надпись. Фото автора. 2000 г.

Кроме того, осматривая в 2000 г. старое кладбище станицы Горячеводской, я обратил внимание на сохранившийся здесь массивный памятник в виде креста из серого камня с надписью «Тамбиев Макар Давыдович скончался 5-го января 1881 года» (Рис. 2). Вполне возможно, что здесь похоронен владелец (или близкий родственник владельца) упомянутого селения (аула, хутора) [Фоменко 2015: 151].

Похоже, что именно в конце 20-х гг. XIX в. при командующем войсками Кавказской линии и Черномории генерале Г.А. Емануэле и был создан хутор Тамбиева близ города Пятигорска (до 1830 г. – селение Горячие Воды). Незадолго до этого в 1825 г. была основана станица Горячеводская, к которой, видимо, и относился хутор Тамбиева, обозначенный на карте. Похожая история была и с Армянским аулом (по-черкесски Ермэлхабль) на Средней Кубани, который появился только в 1837-1839 гг. у российского укрепления Прочный Окоп [Щербина 1916: 5-13]. До этого времени закубанские армяне – черкесогаи, были разобщены по многим горским (черкесским) селениям.

Вместе с тем, детальное изучение картографических, фольклорных источников, данных топонимики позволяет существенно дополнить известные сведения письменных источников. Например, выбор района Пятигорья и конкретно долины реки Подкумок для поселения Гаур-Тамбиевых в начале XX в. вероятно был связан не только с необходимостью российской защиты, но и с тем, что Пятигорье когда-то было территорией, где жили Тамбиевы. Об этом

свидетельствуют топоним Тамбукан [Темирова 2002] и значительная концентрация кабардинских курганных могильников XIV-XVII вв. в долине Подкумка и особенно у подножия горы Машук [Фоменко 2002: 37].

Близость к Пятигорску – административному центру (уезда, а затем отдела) и известному курорту – оставила в тени историю соседнего маленького горско-армянского селения Тамбиевых. Однако, опираясь на воспоминания казака станицы Горячеводской, отраженные в архиве Н.М. Егорова и упомянутые выше, а также на дату смерти М.Д. Тамбиева, похороненного на кладбище станицы Горячеводской, можно предположить, что селение Тамбиевых на реке Юце близ Пятигорска и на окраине Горячеводской станицы существовало до начала 80-х гг. XIX в.

В 50-х гг. XIX в. «армяне Тамбиевы» жили и в окрестностях станицы Боргустанской. Два семейства лысогорских армян Тамбиевых (Антон Емельянович и Макар Григорьевич) в 1856 г. были причислены к станице Боргустанской «для сближения жительством с дядею их, жившим в ауле майора Хаджи Абукова». Спустя два года они добились, чтобы их причислили к аулу Абукова [Бейтуганов 2006: 31-32]. С 60-х гг. XIX в. встречаются сведения, что армяне Тамбиевы проживали в горских селениях, например, в верховьях Кумы в ауле князя Жантемирова [ЦГА КБР Ф. 24. О. 1. Д. 295. Л. 113]. В 60-х гг. XIX в. части Гаур-Тамбиевых удалось переселиться в Кабарду, воспользовавшись реформой укрупнения аулов. Причисленный к Прочно-Окопскому армянскому аулу и проживающий в станице Боргустанской уздень Сергей Тамбиев в январе 1865 г. просит руководство Терской области зачислить его в число жителей Большой Кабарды, где прежде жили предки, и отнести его с братьями, семейством в среду Атажукинской фамилии. Начальник Терской области разрешил узденю Сергею Тамбиеву переселиться на жительство в аул князя Хасанби Атажукина [Бейтуганов 2006: 32-33].

Очевидно, что не все Гаур-Тамбиевы одновременно переселились в Большую Кабарду. Из документа 1866 г. следует, что «... те же из Тамбиевых, которые принадлежат к казачьему сословию, живут в настоящее время также на месте бывшего аула Абуковского» (ныне сел. Первомайское в Малокарачаевском районе Карачаево-Черкесии, в окрестностях Кисловодска). В составе казаков, проживавших здесь «особым от аула поселком» (приобретен ими «покупкою у статского советника Кодзокова»), числился Макар Тамбиев, которому в 1866 г. был 81 год. Всего же в ауле жило Тамбиевых 23 человека [Бейтуганов 2006: 33]. Не все Тамбиевы были зачислены в казачье сословие. Сергей Тамбиев писал: «... мои дяди (Макар, Емельян, Багдасар) впоследствии времени перешли в казачье сословие и разделили между собой имение; отец же мой (Каспар) приписался к обществу гор. Моздока» [ЦГА КБР. Ф. 2. О. 1. Д. 744. Л. 14].

Крестьянам Тамбиевых, перешедшим в казачье сословие, была дана свобода. Эти Тамбиевы были исключены из Терского казачьего войска в 1870 г. «с тем, чтобы в течение шести месяцев избрать другой род жизни». С 1 января 1873 г. их причислили к сел. Ашабово (ныне сел. Малка Зольского района Кабардино-Балкарии) [ЦГА КБР. Ф. 3. О. 1. Д. 151. Л. 109]. Однако Тамбиевы,

приписанные к сел. Ашабово, были христианами и пожелали «быть причислены к приходу Свято-Георгиевской армяно-григорианской церкви в гор. Георгиевске» [Бейтуганов 2006: 33].

К 80-м гг. XIX в. Тамбиевы (Гаур-Тамбиевы) стали крупными коннозаводчиками и землевладельцами. В 1886 г. в сел. Ашабово проживал 71-летний Тамбиев Лазарь Макарович, владевший 835 лошадьми и более чем 1,5 тысячами овец. Тамбиев Антон Емельянович имел 3122 дес. земли и 1621 голову крупного и мелкого рогатого скота [ЦГА КБР. Ф. 9. О. 1. Д. 46].

Многие Тамбиевы (Гаур-Тамбиевы) были военными. Биографические данные о них собрал и опубликовал историк А.В. Казаков.

Тамбиев Артем Емельянович (? – не позднее 1863 г.), есаул (07.09.1855), из кабардинских узденей, вероисповедания армяно-григорианского. Служил во 2-м полку 1-й Волгской казачьей бригады. Проживал в своем хуторе (Тамбиево) близ станицы Боргустанской Пятигорского отдела. Был женат на дочери кабардинского узденя 1-й степени (в крещении Мария). Сын Емельян и брат Антон к 1907 г. проживали в Кабарде в слободе Нальчик.

Тамбиев Георгий Мартиросович (26.07.1867 – не ранее 15.01.1900 г.), штабс-ротмистр (15.03.1899), из кабардинских узденей Терской области, вероисповедания – армяно-григорианского.

Тамбиев Георгий Мартиросович (06.03.1883 – не ранее 1908 г.) сын кабардинского узденя 1-й степени Терской области, вероисповедания – армяно-григорианского. Произведен в корнеты 14.06.1907 г. с зачислением в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк. Проживал в Терской области.

Тамбиев Иван Саркисович (02.10.1867 – не ранее 1914 г.), ротмистр (13.04.1912, со старшинством – с 11.06.1909 г.), из кабардинских узденей Терской области, вероисповедания армяно-григорианского. В Первую мировую войну воевал на Турецком фронте в составе Кавказской армии.

Тамбиев Сосри (? – не позднее 1864 г.), хорунжий (к 1863 г.), из кабардинских узденей, вероисповедания армяно-григорианского. Служил казаком, урядником, офицером в 1-м Волгском казачьем полку. Жена «Софья, дочь кабардинского узденя 1-й степени, православного исповедания». Проживал в Терской области.

Тамбиев (26.09.1867-18.02.1919), полковник (к 1919 г.). Из кабардинских узденей Терской области, вероисповедания армяно-григорианского. Участвовал в русско-японской войне. Ротмистр – к 1911 г. Участник Первой мировой войны. Проживал в Терской области. Предположительно, во время Гражданской войны (с 11.12.1918 г.) он командовал 3-м Черкесским (Кабардинским) полком белогвардейской Черкесской конной дивизии [Казаков 2006: 235-243].

Отдельно следует сказать о вышеупомянутом хуторе Тамбиева близ Кисловодска. По данным С.В. Боглачева и С.Н. Савенко, владельцы хутора (Тамбиевы) были выходцами из-под Армавира. Земли близ абазинского аула Абуковского (современное село Первомайское) они приобрели около 1870 г. Здесь у Тамбиевых был небольшой конезавод. Они поставляли в Кисловодск верховых лошадей на прокат посетителям курорта.

Кроме того, Тамбиевы разводили породистых овец, завели большие фруктовые сады. Под Кисловодском Емельяну Артемовичу Тамбиеву принадлежали 300 дес. земли [Боглачев, Савенко 2006].

В начале XX в. из крупных землевладельцев-армян в регионе Кавказских Минеральных Вод фигурируют лишь три фамилии, в т.ч. помещики Тамбиевы, владевшие в совокупности 5707 десятинами земли (ближе к Кисловодску). В Терских календарях не позднее 1915 г. упоминается кирпичный завод Карпа Тамбиева в пригороде Кисловодска [Акопян 2006: 97,102].

В окрестностях сел. Первомайское сохранились топонимы, связанные с фамилией Тамбиевых: Тамбийланы кюнбет – урочище на левом берегу реки Подкумок (по-карачаевски солнечная сторона, склон Тамбиевых); Тамбийланы чегет (по-карачаевски лес, северный склон Тамбиевых) [Хапаев и др. 2007: 63].

На окраине Первомайского сохранилось и христианское кладбище хутора Тамбиева. Этот исторический памятник был осмотрен нами в 2011 г.¹ Главный вход на кладбище, имеющее каменную ограду, находится с западной стороны. В стену у входа вмурованы три плиты из камня более темного цвета (Рис. 3). В старой (досоветской) части этого небольшого кладбища сохранилось несколько старинных надгробий (Рис. 4, 5).

Рис. 3. Ограда и главный вход на кладбище Тамбиевых у селения Первомайское. Фото автора. 2011 г.

¹ Пользуясь случаем, благодарю кисловодского историка и краеведа В.С. Яновского за экскурсию на этот исторический памятник.

Рис. 4. Участок с надгробиями досоветской эпохи на кладбище Тамбиевых у селения Первомайское. Фото автора. 2011 г.

Рис. 5. Надгробие досоветской эпохи на кладбище Тамбиевых у селения Первомайское. Фото автора. 2011 г.

На одном памятнике, вырезанном из лабрадорита, имеется надпись «Здесь покоится прах Марии Архиповны Тамбиевой, сконч. 11 июля 1913 г. 84 лет. Дорогой матери от любящих детей». На боковой грани надгробия вырезана метка мастера, изготовившего памятник – «САР» (Рис. 6).

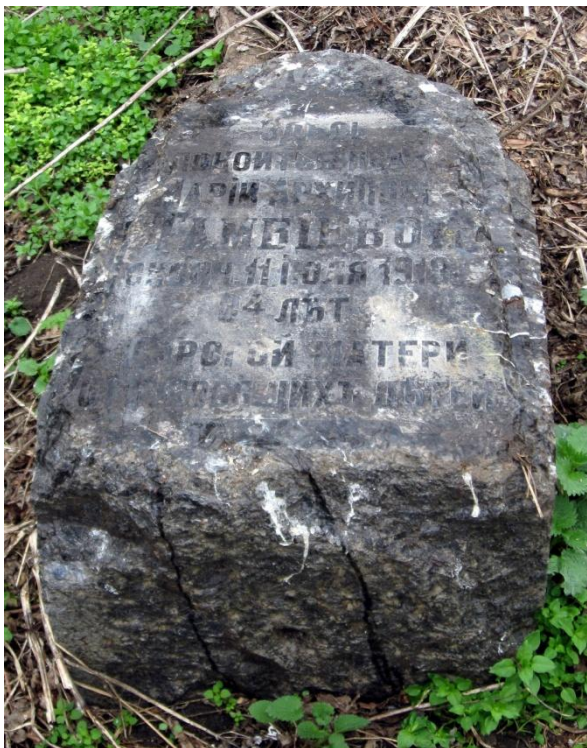

Рис. 6. Надгробие М.А. Тамбиевой на кладбище у селения Первомайское. Фото автора. 2011 г.

Следует сказать, что история Тамбиевых тесно связана и с историей Кисловодска, т.к. они активно занимались предпринимательской деятельностью и в этом курортном городе им принадлежала некоторая собственность. Так, по данным С.В. Боглачева и С.Н. Савенко, в конце XIX в. Е.А. Тамбиев купил в Кисловодске на Курсовой улице участок и дом майорши Свентицкой. После приобретения соседнего участка Емельян Артемович решил построить доходный дом по проекту архитектора Э.Б. Ходжаева. В 1904-1905 гг. это трехэтажное здание в «кирпичном» стиле (Рис. 7) отличающееся художественностью и рассчитанное на 120 меблированных комнат, было возведено. Немного позднее эти номера получили название «Гостиница Большая Московская». Здесь имелся водопровод, электрическое освещение, отопление, ванны и телефон.

Рис. 7. Бывшая гостиница «Большая Московская» Е.А. Тамбиева (по В.С. Яновскому, 2017).

Гостиница была очень популярна. Предпринимателю Е.А. Тамбиеву постоянно помогал его сын Антон. При советской власти здание бывшей гостиницы Тамбиева перешло в собственность государства. В 1923 г. здесь был открыт санаторий имени Интернационала. При капитальном ремонте здание было немного перестроено. Ныне часть помещений этого крупного многоэтажного здания на Красноармейской улице, рядом с городской библиотекой, занимает прокуратура и частная клиника [Боглачев, Савенко 2006].

Рис. 8. Особняк с тамгой Тамбиевых в городе Кисловодске. Фото автора, 2011 г.

В центре Кисловодска, ниже рынка, расположен старинный особняк (Рис. 8) с изображением на фасаде тамги Тамбиевых (Рис. 9) и датой 1915 г. Точное имя первого владельца здания не установлено [Яновский 2017: 168-170].

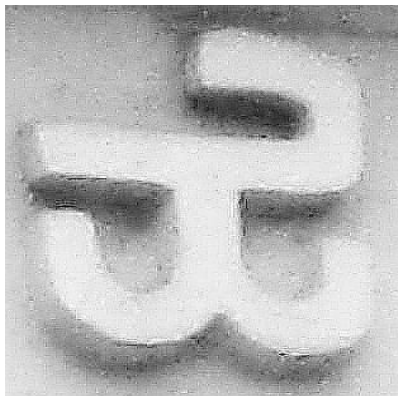

Рис. 9. Тамга Тамбиевых на особняке в городе Кисловодске. Фото автора, 2011 г.

По сведениям кандидата исторических наук В.С. Яновского, часть Тамбиевых, живших в Кисловодске и его окрестностях перешла в православие [Яновский 2017: 255].

Тамбиевский аул близ Кисловодска известен тем, что в 1918 г. здесь скрывались от набравшей силу власти Советов представители российской знати: бывший премьер-министр В.Н. Коковцов, князь Георгий Багратион-Мухранский, балерина М.Ф. Кшесинская и др. После завершения Гражданской войны собственность Тамбиевых в Кисловодске и его окрестностях постепенно была национализирована [Яновский 2017: 255].

Потомки Тамбиевых – Жигатовы – ныне живут в сел. Псынадаха Зольского района Кабардино-Балкарии, куда часть этого рода в 1923 г. переселилась из Кызбуруна I (Атажукино) [Бейтуганов 2006: 34].

Существование селений Тамбиевых близ Пятигорска (30-80-е гг. XIX в.) и современного Кисловодска (60-е гг. XIX – начало XX в.) – это всего лишь эпизод более чем 400-летней истории Гаур-Тамбиевых. Следует также сказать, что длительная история христианской ветви Тамбиевых освещена в наши дни фрагментарно, т.к круг архивных и других источников весьма ограничен.

Распространение и поддержка православия, а также близких ему религий были важным средством интеграции входивших в Российскую империю нехристианских народов, в т.ч. и среди кабардинцев. Устойчивые христианские субэтнические группы восточноадыгского населения формировались довольно поздно уже во второй половине XVI-XVIII в. на периферии или в непосредственной близости от Кабарды: кабардинское население Терского города, Кизляра, Моздока и их округи; бабуковцы и другие менее значительные группы казаков в центральной части Азово-Моздокской линии в т.ч. в Пятигорье, состоявшие из абазин и кабардинцев; и конечно Гаур-Тамбиевы.

В возникновении или отделении названных групп христианского кабардинского населения отчетливо видна роль российских властей. Потому вполне закономерно, что Гаур-Тамбиевы и другие численно небольшие и слабо

обособленные этноконфессиональные группы кабардинцев постепенно исчезли после гибели Российской империи. Другая же группа – моздокские кабардинцы, видимо ввиду первоначальной многочисленности и территориальной дистанцированности от Кабарды, напротив сохранилась до наших дней [Фоменко 2017: 120-122].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Акопян 2006 – *Акопян В.* Страницы из истории армянской общины города Пятигорск // Вестник архивов Армении. – 2006. – № 2 (108). – С. 97-110.
- Акты... 1884 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 9. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1884. – 1013 с.
- Асадов 1996 – *Асадов Ю.А.* Дворянская история Пятигорска: очерк // Бекский дом. – 1996. – Вып. 3. – С. 3-15.
- Бейтуганов 2006 – *Бейтуганов С.Н.* «Армяне» Тамбиевы // Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – № 16. – С. 22-36.
- Бейтуганов 1990 – *Бейтуганов С.Н.* Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 181 с.
- Боглачев, Савенко 2006 – *Боглачев С.В., Савенко С.Н.* Архитектура старого Кисловодска. – Пятигорск: Снег, 2006. – 512 с.
- Владыкин 1885 – *Владыкин М.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. – М.: Типография И. И. Родзевича, 1885. Ч. 1. – 366 с.
- Волкова 1966 – *Волкова Н.Г.* О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX в. // Историко-филологический журнал. – Ереван, 1966. – Т. 3 (34). – С. 257-270.
- Геологическое описание... 1876 – *Геологическое описание* Пятигорского края, исследованного в 1875 году командированными с разрешения Наместника Кавказского С. Симоновичем и горным инженером Л. Бацевичем и А. Сорокиным (с атласом) // Материалы для геологии Кавказа. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1876. Сер. 1. Кн. 6. – 112 с.
- Ионова 2006 – *Ионова С.Х.* Фамилии и имена абазин. – Черкесск: Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, 2006. – 480 с.
- К истории... 2006 – *К истории* рода Тамбиевых (лысогорские «армяне») // Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – № 16. – С. 97-106.
- Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 407 с.
- Максидов 2008 – *Максидов А.А.* К истории лысогорских армян из рода Тамбиевых // Бекский Дом. – 2008. – Вып. 15. – С. 42-50.
- Максидов 2007 – *Максидов А.А.* Новые материалы к генеалогии армян Тамбиевых // Армяне Ставрополя и Терека. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – С. 25-33.
- Материалы... 1956 – *Материалы* по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 427 с.
- Месропян 2016 – *Месропян Г.М.* Обзор литературы по истории христиан Тамбиевых (XVI – нач. XX в.) // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2016 – № 6. – Часть 6. – С. 22-24.
- Правовые нормы ... 1997 – *Правовые нормы* адыгов и балкаро-карачаевцев XV-XIX вв. – Майкоп: Меоты, 1997. – 296 с.
- ПКМ. Архив Н.М. Егорова – Пятигорский краеведческий музей. Архив Н.М. Егорова.
- Рунич 1978 – *Рунич А.П.* Поселения прошлого века на КМВ // Кавказская здравница. – Пятигорск, 1978. – 22 сентября.
- Смирнов 1864 – *Смирнов С.А.* Путеводитель к Кавказским Минеральным Водам. – Пятигорск: Типография Управления Кавказских Минеральных Вод, 1864. – 131 с.

- Смирнов 1867 – *Смирнов С.А.* Путеводитель к Кавказским Минеральным Водам. – Пятигорск: Типография Управления Кавказских Минеральных Вод, 1867. – Ч. 1. – 257 с.
- Тамбиев 2013 – *Тамбиев А.Р.* О происхождении фамильного рода Тамбиевых // Сайт школы № 7 селения Учкекен Малокарачаевского района. URL: http://usosh7.ucoz.ru/publ/o_familnom_ode_tambievkh/1-1-0-1 (дата обращения: 5.09.2018).
- Темирова 2002 – *Темирова Р.Х.* О родословной адыгского просветителя П.И. Тамбиева // Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2002. – № 2. – С. 29-40.
- Фоменко 2017 – *Фоменко В.А.* О некоторых этноконфессиональных группах населения Предкавказья второй половины XVI – начала XX в. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. – Ставрополь: Печатный Двор, 2017. – Вып. 9. – С. 118-125.
- Фоменко 2002 – *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. – Пятигорск: Пятигорский государственный технологический университет, 2002. – 76 с.
- Фоменко 2015 – *Фоменко В.А.* Селения Тамбиевых в районе Пятигорья // «Проблемы генеалогии и этнонимии народов Северного Кавказа». Материалы круглого стола памяти А.А. Максидова (г. Нальчик 17 октября 2014 г.) – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – С. 150-158.
- Хапаев и др. 2007 – *Хапаев С.А., Аджиева М.М., Батдыев А.А., Салпагарова М.Б.* Мало-карачаевский район. Физическая география и топонимия. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет, 2007. – 87 с.
- Щербина 1916 – *Щербина Ф.А.* История Армавира и черкесов-гаев. – Екатеринодар: Печатник, 1916. – 192 с.
- ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики.
- Яновский 2017 – *Яновский В.С.* Кисловодск и его окрестности. Путеводитель. – Пятигорск: Снег, 2017. – 320 с.

REFERENCES

- AKOPYAN V. *Stranicy iz istorii armyanskoj obshiny goroda Pyatigorsk* [Pages from the history of the Armenian community of Pyatigorsk city]. IN: Vestnik arhivov Armenii. – 2006. – No. 2 (108). – P. 97-110. (In Russian)
- Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej: v 12-i t. T. 9* [Documents compiled by Caucasian archeographical commission: In 12 vols. Vol. 9]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1884. – 1013 p. (In Russian)
- ASADOV Yu.A. *Dvoryanskaya istoriya Pyatigorska: ocherki* [The noble history of Pyatigorsk: essay]. IN: Bekskij dom. – 1996. – Iss. 3. – P. 3-15. (In Russian)
- BEYTUGANOV S.N. «*Armyane*» *Tambiev* [«Armenians» Tambievs]. IN: Genealogiya Severnogo Kavkaza. – Nalchik: El-Fa, 2006. – No. 16. – P. 22-36. (In Russian)
- BEYTUGANOV S.N. *Kabardinskie familii: istoki i sudby* [Kabardian surnames: origins and destinies]. – Nalchik: Elbrus, 1990. – 181 p. (In Russian)
- BOGLACHEV S.V., SAVENKO S.N. *Arhitektura starogo Kislovodska* [The architecture of the old Kislovodsk]. – Pyatigorsk: Sneg, 2006. – 512 p. (In Russian)
- VLADYKIN M. *Putevoditel i sobesednik v puteshestvii po Kavkazu* [Travel guide and interviewee on a trip to the Caucasus]. – M.: Tipografia I. I. Rodzevicha, 1885. – Part 1. – 366 p. (In Russian)
- VOLKOVA N.G. *O rasselenii armyan na Severnom Kavkaze do nachala XX v.* [On the resettlement of Armenians in the North Caucasus before the beginning of the XX century]. IN: Istoriko-filologicheskij zhurnal. – Erevan, 1966. – T. 3 (34). – P. 257-270. (In Russian)
- Geologicheskoe opisanie Pyatigorskogo kraja, issledovannogo v 1875 godu komandirovannymi s razresheniya Namestnika Kavkazskogo S. Simonovichem i gornym inzhenerom L. Bacevichem i A. Sorokinym (s atlasom)* [Geological description of the Pyatigorsk Territory (with atlas), investigated in 1875 S. Simonovich and mining engineer L. Bacevich and A. Sorokin by conducted with the permission of the head of the Caucasus]. IN: Materialy dlya geologii Kavkaza. –

- Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1876. Ser. 1. B. 6. – 112 p. (In Russian)
- IONOVA S.Kh. *Familii i imena abazin* [Surnames and names of Abaza]. – Cherkessk: Karachaevo-cherkesskij institut gumanitarnyh issledovanij, 2006. – 480 p. (In Russian)
- K istorii roda Tambievyh (lysogorskie «armyane»)* [On the history of the Tambiev family (the Lysogorskaya “Armenians”)]. IN: *Genealogiya Severnogo Kavkaza*. – Nalchik: EI-Fa, 2006. – No. 16. – P. 97-106. (In Russian)
- KAZAKOV A.V. *Adygi (cherkesy) na rossijskoj voennoj službe. Voevody i oficery. Seredina XVI – nachalo XX v.* [Biograficheskiy spravocnik Adyghe (Circassians) in the Russian military service. Governors and officers. The middle of the XVI – the beginning of the twentieth century. Biographical directory]. – Nalchik: EI-Fa, 2006. – 407 p. (In Russian)
- MAKSIDOV A.A. *K istorii lysogorskih armyan iz roda Tambievyh* [On the history of the Lysogorskaya Armenians from the Tambiyev family]. IN: *Bekskij dom*. – 2008. – Iss. 15. – P. 42-50. (In Russian)
- MAKSIDOV A.A. *Novye materialy k genealogii armyan Tambievyh* [New materials to the genealogy of Armenians Tambiev]. IN: *Armyane Stavropolya i Tereka*. – Pyatigorsk: PGLU, 2007. – P. 25-33. (In Russian)
- Materialy po obychnomu pravu kabardincev. Pervaya polovina XIX v.* [Materials on the customary law of Kabardians. The first half of the XIX century]. – Nalchik: Kabardinskoe knižnoe izdatelstvo, 1956. – 427 p. (In Russian)
- MESROPYAN G.M. *Obzor literatury po istorii hristian Tambievyh (XVI – nach. XX v.)* [A review of the literature on the history of Christians of the Tambiyevs (XVI – beginning of the XX century)]. IN: *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tehnologij*. – Belgorod: Agentstvo perspektivnyh nauchnyh issledovanij, 2016 – No. 6. – Part 6. – P. 22-24. (In Russian)
- Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevcev XV-XIX vv.* [Legal norms of the Circassians and Balkar-Karachai XV-XIX centuries]. – Maikop: Meoty, 1997. – 296 p. (In Russian)
- Pyatigorskij kraevedcheskij muzej. Arhiv N.M. Egorova* [Pyatigorsk Local History Museum. Archive of N.M. Egorov]. (In Russian)
- RUNICH A.P. *Poseleniya prošlogo veka na KMV* [Settlements of the last century on CMW]. IN: *Kavkazskaya zdravnica*. – Pyatigorsk, 1978. – September 22. (In Russian)
- SMIRNOV S.A. *Putevoditel k Kavkazskim Mineralnym Vodam* [Guide to the Caucasian Mineral Waters]. – Pyatigorsk: Tipografiya Upravleniya Kavkazskih Mineralnyh Vod, 1864. – 131 p. (In Russian)
- SMIRNOV S.A. *Putevoditel k Kavkazskim Mineralnym Vodam* [Guide to the Caucasian Mineral Waters]. – Pyatigorsk: Tipografiya Upravleniya Kavkazskih Mineralnyh Vod, 1867. – Part 1. – 257 p. (In Russian)
- TAMбиеv A.R. *O proishozhdenii familnogo roda Tambievyh* [On the origin of the family Tambievs] // Website of school No. 7 of the village Uchkeken of Malokarachaevsky area. URL: http://usosh7.ucoz.ru/publ/o_familnom_ode_tambievkyh/1-1-0-1 (date of access: 5.09.2018) (In Russian)
- TEMIROVA R.Kh. *O rodoslovnoj adygskego prosvetitelya P.I. Tambieva* [About the pedigree of the adyghe enlightener P.I. Tambieva]. IN: *Genealogia Severnogo Kavkaza*. – Nalchik, 2002. – No. 2. – P. 29-40. (In Russian)
- FOMENKO V.A. *O nekotoryh etnokonfessionalnyh gruppah naseleniya Predkavkaz'ya vtoroj poloviny XVI – nachala XX v.* [About some ethno-confessional groups of the population of the Pre-Caucasus of the second half of the 16th – early 20th centuries]. IN: *Iz istorii kultury narodov Severnogo Kavkaza*. – Stavropol: Pечатnyj Dvor, 2017. – Vol. 9. – P. 118-125. (In Russian)
- FOMENKO V.A. *Pyatigorie v XV – seredine XVIII v.* [Pyatigorie in the XV – the middle of the XVIII century]. – Pyatigorsk: Pyatigorskij gosudarstvennyj tehnologičeskij universitet, 2002. – 76 s. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Seleniya Tambievyh v rajone Pyatigorya* [The villages of the Tambiyevs in the Pyatigorsk region]. IN: «Problemy genealogii i etnonimiki narodov Severnogo Kavkaza». Materialy kruglogo stola pamyati A.A. Maksidova (g. Nalchik 17 oktyabrya 2014 g.). – Nalchik: Izdatelskij otdel KBIGI, 2015. – P. 150-158. (In Russian)

КНАРАЕВ С.А., АДЖИЕВА М.М., БАТДЫЕВ А.А., САЛПАГАРОВА М.В. *Malo-karachaevskij rajon. Fizicheskaya geografiya i toponimiya* [Little Karachay region. Physical geography and toponymy]. – Karachaevsk: Karachaevsko-cherkesskij gosudarstvennyj universitet, 2007. – 87 p. (In Russian)

ШЧЕРБИНА Ф.А. *Istoriya Armavira i chepkesov-gaev* [History of Armavir and Cherkessian-Gai]. – Ekaterinodar: Pechatnik, 1916. – 192 p. (In Russian)

Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi respubliki [Central State Archives of Kabardin-Balkar Republic]. (In Russian)

ЯНОВСКИЙ В.С. *Kislovodsk i ego okrestnosti. Putevoditel* [Kislovodsk and its environs. Guide]. – Pyatigorsk: Sneg, 2017. – 320 p. (In Russian)

УДК:35.071.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-45-53

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО И ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАВКАЗОМ В 50-60-Е ГОДЫ XIX В.

З.Ж. ГЛАШЕВА

*Институт гуманитарных исследований – филиал федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: zu-20.80@list.ru*

Аннотация. В правительственных кругах Российского государства в 1850-60-е гг. остро встал вопрос о системе управления окраинами, включая Кавказ. К кардинальному решению кавказского вопроса российское правительство толкала Крымская война, обнажившая внешние и внутренние проблемы государства. С другой стороны, вступивший на престол Александр II, видел необходимость широкомасштабных реформ. Применительно к Кавказу особенность ситуации заключалась в том, что здесь сочетались необходимость усиления военно-колониационного натиска, чтобы завершить его завоевание, и необходимость строить систему управления, обеспечивающую долгосрочные мирные формы интеграции народов региона в социально-политическую систему Российской империи. Особое место в реализации этой стратегии занял наместник на Кавказе в 1856-1862 гг. А.И. Барятинский. В своей реформаторской деятельности новый наместник опирался на опыт предшественников, но внес в систему управления много нового. Обобщенным выражением сущности осуществленных им преобразований стала перестройка Кавказской укрепленной линии, завершившаяся ее ликвидацией. Тем самым ее преимущественно военные функции постепенно уступали место функциям административным, функциям управления народами региона и реформирования их общественно-экономической жизни. В статье, на основе анализа документальных материалов систематически освещается последовательность осуществленных А.И. Барятинским преобразований. Разработанные и реализованные им и его соратниками реформы гражданского и военного управления регионом отвечали задачам, вытекающим из ситуации. В целом, утверждавшийся в регионе новый административный порядок учитывал этносоциальные и этнокультурные особенности Кавказа. В конечном итоге это вылилось в установление военно-народной системы управления, которая с небольшими изменениями просуществовала до начала XX в. В результате происходит окончательная интеграция территорий населенных горскими народами в состав Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя; Кубанская область; Терская область; Дагестанская область; наместничество; приставство; округ; военно-народное управление.

PECULIARITIES OF THE CIVIL AND MILITARY ADMINISTRATION IN THE CAUCASUS IN THE 1850-60'S

Z.Zh. GLASHEVA

*Institute of Humanitarian Researches – affiliated branch of the federal state budget scientific institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: zu-20.80@list.ru*

Abstract. In the middle of the 19th century, when the Crimean War's failure highlighted numerous national problems, the Russian government was challenged by the issue of controlling and regulation on the edges of the Empire. Additionally, the Emperor Alexander II of Russia maintained a major reform process aimed to touch upon a variety of social spheres. The Caucasus-oriented set of reforms was attributable to the fact that the region had been undergoing the establishment of mixed military-civil administration designed to follow through the region's conquest and embed local population into the national legal field. The particular attention of the paper is paid to the reform initiatives of the Caucasian Viceroy A.I. Baryatinskiy who significantly contributed to the transformation of the North Caucasus Line and its subsequent abolition, which had resulted in the shift from the military regime to the completely new governance system. Not only were Baryatinskiy's improvements based on the achievements of his predecessors; he had also brought new insights to this endeavour. Accordingly, based on the official document analysis, the article sheds the light on the scope of the Viceroy's steps to lay the foundations of what he had seen as a sought-after model for the newly acquired territories of the Russian Empire that lasted up to the beginning of the 20th century. This system considered local ethnic specifics and was conducive to the integration of the indigenous population into the Russian society.

Key words: Russian Empire; Kuban Oblast; Terek Oblast; Dagestan Oblast; viceroyalty; *pristavstvo*; district; military-civil administration.

Введение

С расширением Российского государства в правительственных кругах в 50-60-е гг. XIX в. остро встал вопрос о системе управления окраинами. Данный период считается, временем окончательного закрепления Российской империи на Кавказе. К кардинальному решению кавказского вопроса российское правительство толкала Крымская война, обнажившая внешние и внутренние проблемы государства. Александр II вступивший на престол видел дальнейшее развитие государства в широкомасштабных реформах, которые должны были затронуть социальную и экономическую сферы. Затянувшаяся Кавказская война требовала огромных финансовых и людских затрат.

Крымская война завершилась Парижским мирным договором, подписанным 18 (30) марта 1856 г. Снизившаяся активность европейских стран участниц войны не означала их окончательного отказа от притязаний на Западный Кавказ и прикаспийские территории. Парижский мирный договор «нейтрализовавший» Черное море, «резко ограничивал для России возможность препятствовать британским проискам в западной части Кавказа. Лондон, также утративший право вмешиваться в кавказские дела, продолжал действовать через подставных лиц, прежде всего, турок» [Блиева 2007: 38]. В таких условиях оборонительная военно-политическая тактика, проводимая Кавказским наместником Н.Н. Муравьевым (29 ноября 1854 – 22 июля 1856 гг.) была малоэффективна. Оборонительная тактика актуальная в период Крымской войны, после ее завершения могла привести только к политической

нестабильности в регионе. Также она не находила поддержки у нового поколения кавказских генералов и офицеров.

Выдвинутые императором Александром II стратегические задачи по скорейшему завершению Кавказской войны и полной интеграции региона в состав Российской империи должен был решать новый Кавказский Наместник который наделялся неограниченными полномочиями и полной самостоятельностью. Им должен был стать человек решительный, хорошо знавший специфику региона нравы «местных народов» и обладавший мужеством возложить на себя неограниченные права и еще большую ответственность. Александр II остановил свой выбор на командующем Левым флангом Кавказской линии князе А.И. Барятинском. Он был назначен указом императора от 22 июля 1856 г. Наместником Кавказа. Опытный военачальник, генерал-фельдмаршал, князь А.И. Барятинский – человек с именем которого связана важная веха в становлении системы управления краем (1856-1862 гг.).

Административная деятельность А.И. Барятинского на посту наместника

А.И. Барятинский хорошо знал Кавказ, его особенности, связанные с разнообразием этносов его населяющих. В своей реформаторской деятельности новый наместник опирался на опыт предшественников, хотя внес в систему управления много нового. В период наместничества А.И. Барятинского произошло усиление военного и гражданского административного аппарата. При нем вводится и продолжает постоянно интенсивно усовершенствоваться новая система административно-территориального деления наместничества. Структура Кавказской линии, существовавшая более ста лет, сначала была существенно перестроена, а затем упразднена. Это было связано с тем, что к этому периоду народы центральной части Северного Кавказа уже были включены в состав Российской империи. Военные действия продолжались на Северо-Западном Кавказе против адыгских народов и на востоке против Шамиля. Война шла к концу, и было понятно, что она закончится в пользу Российской империи, поэтому Кавказская администрация была озабочена необходимостью приступить к послевоенной интеграции горских народов в состав империи.

Свою административную деятельность А.И. Барятинский начал, опираясь на именной указ от 16 августа 1856 г. «Об учреждении новых Управлений на Кавказе» [ПСЗРИ 1857: 717]. Согласно ему: а) Правое крыло Кавказской линии, в состав которого входили правый Фланг, центр и Черноморья, с присоединением к ней бывшего 1-го Отделения Черноморской береговой линии, со всеми морскими средствами подчиниться начальнику 19-й пехотной дивизии, который стал называться начальником 19-й пехотной дивизии и командующим войсками Правого крыла Кавказской линии; б) Левое крыло Кавказской линии, в состав которого поступают Владикавказский округ и Левый фланг Кавказской линии, подчинялись начальнику 20-й пехотной дивизии, который стал начальником 20-й пехотной дивизии и командующим войсками левого крыла Кавказской линии; в) При-Каспийский край подчинялся

начальнику 21-й пехотной дивизии, который стал начальником 21-й пехотной дивизии и Командующим войсками в При-Каспийском крае; г) Лезгинская кордонная линия, с Джаро-Белоканским военным округом, подчинялась начальнику Кавказской гренадерской дивизии, который стал начальником Кавказской гренадерской дивизии и Командующим войсками Лезгинской кордонной линии; д) Управление Кутаисской губернией и бывшим 3-м Отделением Черноморской береговой линии, со всеми войсками и морскими средствами, там находящимися, соединить в ведении одного генерал-губернатора, которым становился Кутаисский генерал-губернатор. Левое крыло, Прикаспийский край и Лезгинская линия были признаны блокировать отряды Шамиля. Правое крыло и Кутаисский генерал-губернаторство создавалось для борьбы с горами Западного Кавказа

4 апреля 1857 г. учреждается Временное отделение при Главном управлении наместника. Задачей отделения стала разработка проектов по дальнейшему реформированию управления краем. А.И. Барятинский добился значительного расширения аппарата управления [Эсадзе 1907: 90]. 6 декабря 1857 г. Отдельный Кавказский корпус был преобразован в Кавказскую армию, а Главнокомандующий Корпусом стал Главнокомандующим Кавказской Армией [ПСЗРИ 1858: 987-988]. 10 декабря Высочайше утверждается положение, объявленное Сенату министром юстиции, «О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа» [ПСЗРИ 1858: 995-996.]. Кавказский край в военном отношении, разделяется на отделы: 1) Правое крыло Кавказской линии; 2) Левое крыло Кавказской линии; 3) При-Каспийский край; 4) Лезгинская кордонная линия; 5) Кутаисское генерал-губернаторство.

На правом крыле Кавказской линии, вместо существующих шести Приставств, образовывалось четыре: а) Нижне-Прикубанское, б) Закубанских ногайцев, в) Тахтамышевское и г) Карачаевское [АКАК 1904: 645]. Начальникам округов в Черномории подчинялись приставы обитающих в пределах каждого округа покорных народов, именно: Начальнику Лабинского округа – приставства: Нижне-Прикубанское и Закубанских Ногайцев; Начальнику Верхне-Кубанского округа – приставства: Тахтамышевское и Карачаевское.

По значительности покорного населения в пределах Левого крыла Кавказской линии, разделение этого края было преимущественно административное. Все покорное население на этом крыле Кавказской линии разделялось по народам на четыре округа: а) Кабардинский; б) Военно-Осетинский; в) Чеченский; г) Кумыкский [АКАК 1904: 646-647; РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 347. Л. 8-22]. Они охватывали весь район Левого крыла, за исключением, расположенных по р. Тереку полков линейного казачьего войска. Для управления каждым из этих округов назначаются особые начальники, в чине полковников или генерал-майоров, которые подчинялись непосредственно Командующему войсками Левого крыла. В военном отношении командование на местах возлагалось на окружных начальников, или на командиров частей войск расположенных в крае или на командиров казачьих бригад.

Левое крыло Кавказской линии также как и При-Каспийский край по значительности покорного населения, разделялось на участки в административном отношении. В военном отношении никаких особых разделений в крае не проводилось. Лезгинская кордонная линия, разделялась на два фланга: Правый и Левый, начальникам флангов подчинялись в военном отношении: уезд Нухинский – начальнику Правого фланга, округ Тушино-Пшаво-Хевсурский – начальнику Левого фланга. В Кутаисском генерал-губернаторстве особому местному начальнику подчинялась в военном отношении Абхазия, как страна, удаленная от места пребывания генерал-губернатора. Звание начальника войск в Абхазии присваивается инспектору линейных батальонов в Кутаисском генерал-губернаторстве. Все эти преобразования законодательно закрепляются 1 апреля 1858 г. «Высочайшим положение об Управлении Кавказской Армией» [ПСЗРИ 1860: 367-390].

1 января 1859 г. начали действовать «Положение о Главном управлении и Совете наместника Кавказского», в соответствии с которым учреждается Главное управление, состоявшее из 5 департаментов: общих, судебных, финансовых, контрольных дел и государственных имуществ. Начальник главного управления выполнял обязанности помощника наместника Кавказа и руководил всеми делами в крае. Пользуясь своим авторитетом, А.И. Барятинский добился значительного расширения аппарата управления краем. Совет наместника был превращен в совещательный орган, занимающийся вопросами реформирования края. Также он занимался финансовыми вопросами, по отношению к Кавказскому краю выполнял функции Совета Министров. Начальник гражданского управления «получил право непосредственного сношения с министрами» [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1662. Л. 5 об]. Наместник Кавказа вместе с Советом и начальником Главного управления, наделенный правами имперского министра, по полномочиям не имел себе равных среди должностных лиц Российской империи [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1662. Л. 6 об]. Указом императора Александра II от 10 февраля 1859 г. было предусмотрено, что Положение и штат Главного управления и Совета наместника вводились в виде опыта на два года [ПСЗРИ 1861: 98-99].

29 марта 1859 г. был утвержден «Проект Положения о военном разделении Прикаспийского края» [ПСЗРИ 1861: 235-236], по которому военное управление в Прикаспийском крае, передовых его линии и прилегающие к ней территории были разделены на три отдела: 1) Северный Дагестан – состоящий из Салатавии, Сулакской линии и всего лежащего за нею пространства до Каспийского моря; 2) Средний Дагестан, в который входили передовая линия от Агач-Кале до Цудахарских ворот, Даргинский округ, Мехтулинское Ханство с частью Шамхальства и Сюргинское общество; 3) Южный Дагестан – включающий в себя Казыкумухское и Кюринское владения и Самурский округ. Отделы управлялись в военном отношении особыми начальниками, именуемыми начальниками войск в Северном, Среднем и Южном Дагестане [Зверинский 1887: 28].

Пространство к северу от главного Кавказского хребта с 15 февраля 1860 г. стало именоваться Северным Кавказом, в который вошли Терская и

Кубанская области, а также Ставропольская губерния. Кубанская и Терская области были образованы 20 февраля 1860 года. «Проект положения об управлении Дагестанской областью» от 5 апреля 1860 г. юридически закрепил образование Дагестанской области и Закатальского округа [АКАК 1904: 434-440]. В порядке управления Дагестанская область разделялась на 4 военные отдела и два гражданских управления. Военные отделы: 1) а) Северный Дагестан, б) Южный Дагестан, в) Средний Дагестан, г) Верхний Дагестан; 2) Гражданские управления: а) Дербентское градоначальство; б) управление портовым городом Петровском.

Северный Дагестан подразделяется на 4 управления: 1) Округ Даргинский с присоединенным к нему Сюргинским обществом; 2) Владение Тарковское; 3) Ханство Мехтулинское; 4) Наибство Присулакское, состоящее из Присулакских и других селений, не входящих в состав округов и ханских управлений.

Южный Дагестан подразделялся на 3 управления: 1) Округ Кайтаго-Табасаранский, состоящий из Верхнего и Нижнего Кайтага и Табасарана – Северного и Южного; 2) Ханство Кюринское; 3) Округ Самурский с присоединением бывших горных магалов, т.е. верховнего Самура.

Средний Дагестан подразделяется на 4 управления: 1) Округ Гунибский, в состав которого входили общества: Андаляльское, Согратлинское, Тилитлинское, Карахское, Тлейсерухское, Ратлу-Ахвахское, Корода-Куядинское, Салтинское и Койсубулинское; 2) Округ Казикумухский, который состоял из земель, входивших в Казикумухское ханство до 1843 г.; 3) Ханство Аварское, которое состояло из земель, входивших в это ханство до 1843 г.; 4) Общество Карата, Богулял, Цунта-Ахвах и Бахлук, управление которыми возлагалось на хана Аварского.

Верхний Дагестан состоял из обществ: Джурмут, Канада, Бохнода, Тебель, Ухнада, Таш, Кель-Анцросо, Анцух, Косдода, Томе, Дидо, Иланхеви, Хварши и Тиндал, из которых образовался Бежитский округ. Начальнику Верхнего Дагестана подчинялся временно округ Закатальский, образованный из Джаро-Белоканского округа, за исключением горных магалов, причисляемых, как сказано выше, к округу Самурскому.

Дербентское градоначальство состояло из города Дербента со всеми землями, принадлежащими к нему, и причисленными к нему же (в виде подгородных деревень) Улусским магалом. В управление портовым городом Петровском входил город с принадлежащими к нему землями. «Положение» от 5 апреля 1860 г., не решило до конца вопрос о создании однотипной системы административного деления в Дагестане [История народов... 1988: 279].

В Кубанской области административно-территориальные изменения произошли на основании указа от 14 июля 1861 г. «О преобразовании Управлений покорными племенами Кубанской области и образовании особого Бжедуховского общества» [ПСЗРИ 1862: 151-152]. Верхне-Кубанский округ и управление этим округом, а также приставства Бжедуховское, Тахтамышеское и Нижне-Прикубанское упразднились. Приставство Карачаевское переименовывалось в Верхне-Кубанское с присоединением к нему и всех аулов

бывшего Тахтамышевского приставства. Приставство Закубанских ногайцев переименовывалось в Нижне-Кубанское, в состав которого входило все население бывшего Нижне-Прикубанского приставства. Для управления горскими народами, живущими между реками Лабой и Белой, так и вновь поселенными на этом пространстве, образовывалось особое Лабинское приставство. Вместо упраздняемого Бжедуховского приставства образовывался особый Бжедуховский округ в состав которого входило бжедугское население [Зверинский 1887: 18].

Новое административно-территориальное деление Терской области было введено 29 мая 1862 г. на основе «Положение об управлении Терскою областью» [ПСЗРИ 1865: 497-509]. Она включала в себя: 1) три военных отдела: западный, средний, восточный; 2) отдельное Управление Военного Начальника округа Кавказских минеральных вод; 3) Владикавказское Городовое Управление.

Западный отдел подразделялся на три округа: 1) Кабардинский, состоящий из Большой и Малой Кабарды и горских обществ: Балкарского, Безенгейского, Хуламского, Чегемского и Урусбийского; 2) Осетинский, состоящий из селений собственно Осетинского племени; 3) Ингушевский, состоящий из обществ: Назрановского, Карабулакского, Галгаевского, Кистинского, Акинского и Цоринского.

Средний отдел включал 3 округа: 1) Чеченский, состоящий из Большой и Малой Чечни, Надтеречных и Качкальковских Чеченцев; 2) Аргунский, состоящий из обществ: Шатоевского, Чантинского, Чаберлоевского и Шароевского; 3) Ичкерийский – из Ичкерии.

В Восточный отдел входили 2 округа: 1) Кумыкский – из жителей Кумыкской плоскости; 2) Нагорный, состоящий из обществ: Салатавского, Ауховского и Зандакского [ПСЗРИ 1865: 499].

Управленческий аппарат Терской области делился на три отделения: военное (управление войсками), гражданское и управление горскими народами на особых правах. Все эти отрасли соединялись в лице начальника Терской области, который по военному управлению имел звание Командующего войсками Терской области. В Терской области «реализовывался план по дроблению горских округов с целью облегчения управленческих задач» по «умиротворению» местного населения с опорой на военную власть [Глашева 2017: 48].

Заключение

Необходимость применения совершенно новых институтов управления на Кавказе стала очевидной еще в ходе Кавказской войны. Не представлялось возможным использование в горской среде унифицированных форм российской системы управления. Бурная реформаторская деятельность кавказского руководства в 1850 – начале 1860-х гг. была связана с поиском путей скорейшего завершения войны. К этому времени Наместник Кавказский сосредоточил в своих руках высшую административную и военную власть. Относительно независимое положение края от центра на первый взгляд выступает как «военная диктатура» обусловленная сохраняющейся военной

обстановкой в регионе. Но опираясь на нее А.И. Барятинский выполнил поставленную перед ним задачу по завершению Кавказской войны.

Разработанные и реализованные им и его соратниками реформы по гражданскому и военному управлению регионом, также в значительной степени отвечали задачам, поставленным императором. На протяжении всего исследуемого периода не прекращались столкновения интересов гражданского и военного ведомств, сторонников жестких мер и их оппонентов, а вводимое административно-территориальное деление в своих деталях отличалось многими погрешностями, нестыковками. Но в целом, создаваемая в регионе система управления учитывала этносоциальные и этнокультурные особенности Кавказа. В конечном итоге это вылилось в установление военно-народной системы управления, которая с небольшими изменениями просуществовала до начала XX в. В результате происходит окончательная интеграция территорий населенных горскими народами в состав Российской империи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АКАК 1904 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Том XII. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Блиева 2007 – *Блиева З.М.* А.И. Барятинский: концепция гражданского и военного управления Кавказом // *История народов России в исследованиях и документах*. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Трепавлов. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 38-60.

Глашева 2017 – *Глашева З.Ж.* Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в период наместничества А.И. Барятинского (1856-1862 гг.) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2017. – Т. 9. – № 4/1. – С. 45-49.

ГАРФ – *Государственный архив* Российской Федерации.

Зверинский 1887 – *Зверинский В.В.* Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г. – СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1887. – 54 с.

История народов 1988 – *История народов* Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: «Наука», 1988. Т. II. – 659 с.

ПСЗРИ 1857 – *Полное собрание* законов Российской империи. Собр. II. 1856. Т. XXXI. Отд. 1-е. №30850. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – 1111 с.

ПСЗРИ 1858 – *Полное собрание* законов Российской империи. Собр. II. 1857. Т. XXXII. Отд. 1-е. №32529; №32541. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. – 1067 с.

ПСЗРИ 1860 – *Полное собрание* законов Российской империи. Собр. II. 1858. Т. XXXIII. Отд. 1-е. №32938. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1860. – 804 с.

ПСЗРИ 1861 – *Полное собрание* законов Российской империи. Собр. II. 1859. Т. XXXIV. Отд. 1-е. №34148; №34296. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1861. – 840 с.

ПСЗРИ 1862 – *Полное собрание* законов Российской империи. Собр. II. 1860. Т. XXXV. Отд. 2-е. №37239. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – 920 с.

ПСЗРИ 1865 – *Полное собрание* законов Российской империи. Собр. II. 1862. Т. XXXVII. Отд. 1-е. №38326. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1865. – 837 с.

РГВИА – *Российский* государственный военно-исторический архив.

Эсадзе 1907 – Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом: в 2-х т. Т. 1. – Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. – 616 с.

REFERENCES

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12 t. Tom XII [Documents compiled by Caucasian archeographical commission: In 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russian)

BLIEVA Z.M. A.I. *Baryatinskii: kontseptsiya grazhdanskogo i voennogo upravleniya Kavkazom* [A.I. Baryatinsky: the concept of civil and military governance of the Caucasus]. IN: *Istoriya narodov Rossii i v issledovaniyakh i dokumentakh. Iss. 2* [The history of the peoples of Russia in researches and documents. Issue 2] / Ed. by V.V. Trepavlov. – M.: IRI RAN, 2007. – P. 38-60. (In Russian)

ESADZE S.S. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom: v 2-kh t. T. 1* [Historical memorandum on the administration of the Caucasus: in 2 volumes. Vol. 1]. – Tiflis: Tipografiya «Guttenberg», 1907. – 616 p. (In Russian)

GLASHEVA Z.Zh. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Severnom Kavkaze v period namestnichestva A.I. Baryatinskogo (1856-1862 gg.)* [Administrative-territorial transformations in the North Caucasus in governorship of A.I. Baryatinsky (1856-1862)]. IN: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. – 2017. – Т. 9. – No. 4/1. – P. 45-49. (In Russian)

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation] (In Russian)

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (the late 18th century – 1917)]. – M.: «Nauka», 1988. Vol. II. – 659 p. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. 1856. Vol. XXXI. Part 1. No.30850. – Sankt-Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1857. – 1111 p. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. 1857. Vol. XXXII. Part 1. No.32529; No.32541. – Sankt-Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1858. – 1067 p. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. 1858. Vol. XXXIII. Part 1. No.32938. – Sankt-Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1860. – 804 p. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. 1859. Vol. XXXIV. Part 1. No.34148; No.34296. – Sankt-Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1861. – 840 p. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. 1860. Vol. XXXV. Part 2. No.37239. – Sankt-Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1862. – 920 p. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. 1862. Vol. XXXVII. Part 1. No.38326. – Sankt-Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1865. – 837 p. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. – F. 38. – Op. 7. – D. 347. (In Russian)

ZVERINSKII V.V. *Ukazatel' izmenenii v raspredelenii administrativnykh edinits i granits imperii s 1860 po 1887 g.* [Index of changes in the placements of administrative units and changes of the borders of the empire from 1860 to 1887]. – SPb.: Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del, 1887. – 54 p. (In Russian)

УДК 93/94

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-54-68

**«ПРО НАС, КАК КРАСНЫХ ПАРТИЗАН, ЗАБЫЛИ И ДУМАТЬ,
ЧТО МЫ ЕСТЬ НА СВЕТЕ»:
КОМБАТАНТЫ ОСЕТИИ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ¹**

С.А. ХУБУЛОВА

*Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова
362025, Северная-Осетия Алания, г. Владикавказ, ул. Церетели, 16
E-mail: hubul@yandex.ru*

Б.Б. ГАГЛОЕВА

*Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова
100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, Московская, 8
E-mail: bellagag@yandex.ru*

Аннотация. В статье осуществлен контент-анализ эго-документов бывших красных партизан времен гражданской войны, хранящихся в материалах региональных архивов. Благодаря этому удалось реконструировать материальную, психологическую и политическую составляющие повседневной жизни комбатантов Осетии в 1920-1930-е гг. В письмах комбатанты сообщают о своем материальном положении, о невозможности устроиться на работу, содержать семью. Анализ отложившегося материала позволяет реконструировать причины, мешавшие их карьерному росту в советской системе. Авторы писем обращаются к бывшим командирам с просьбой об устройстве на работу, на учебу и ходатайствами о персональной пенсии. По их мнению, эти обстоятельства могут обеспечить восходящий карьерный рост и социальный лифт. С помощью жалоб и заявлений, которые направлялись их авторами в разные инстанции, удалось выявить причины лишения статуса, механизмы проведения регулярных «чисток» в партизанском сообществе.

Ключевые слова: партизан; социальная история; анкеты; заявления; статус.

**«THEY FORGOT EVEN TO THINK ABOUT US AS THE RED PARTISANS,
THAT WE ARE STILL PRESENT IN THIS WORLD»:
THE COMBATANTS OF OSSETIA IN EGO-DOCUMENTS**

S.A. KHUBULOVA

*North Ossetian state University named after K.L. Khetagurov
362025, North-Ossetia Alania, Vladikavkaz, Tsereteli st., 16
E-mail: hubul@yandex.ru*

B.B. GAGLOYEVA

*South Ossetian State University named after A.A. Tibilov
100001, Republic of South Ossetia, Tskhinval, Moskovskaya st., 8
E-mail: bellagag@yandex.ru*

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект а/м 16-21-)13001

Abstract. In the article is represented a content analysis of the former civil war red partisans' ego documents stored among the materials of the regional archives. It makes possible to reconstruct the material, psychological and political components of the daily life of Ossetian combatants in the 1920s-1930s. In their combatants inform about their financial situation, inability to get a job, to support a family. Analysis of the deposited materials allows reconstructing the reasons that prevented their career growth in the soviet power system. The authors of the letters are asking their former commanders to help them in getting a job, or education opportunities, or personal pension assignment. In their opinion, these are the conditions that can provide for them upward career growth and social lift. Analysis of complaints and claims that were addressed by their authors to various authorities makes possible to identify the reasons for the deprivation of status, the mechanisms of regular «cleansing» in the veteran partisans community.

Key words: partisans; social history; questionnaires; applications; status.

Завершившаяся гражданская война поставила точку в противоборстве между красными и белыми. Новый режим утверждался повсеместно. Происходила смена традиционных для романовской России политических и социальных институтов. Помещики, дворянство, священнослужители ушли с исторической сцены, став «бывшими» – гражданами, лишенными государственной защиты и поддержки. На их место пришли граждане советской России с новыми социальными ролями. Одной из новых советских страт стали бывшие красные партизаны, которые под знаменами большевиков отстаивали новые ценности и новый порядок.

Долгое время история красных партизан в период, последовавший за гражданской войной, не изучалась и лишь в последние годы социальная история раннесоветской эпохи стала привлекать внимание специалистов [Морозова 2010; Хубулова, Гагроева 2016].

Заметим, что в последние годы издано большое количество «писем во власть» (жалоб, доносов, просьб), которые адресовались как в разные властные структуры, так и отдельным лицам номенклатуры [Лившин, Орлов 1999: 94-102; Письма... 1998; «Проверкой...» 2013].

Эти эго-документы не являются однотипными, наоборот, их отличает большое видовое разнообразие, которое проявляется не только во внешних атрибутах (машинопись, рукопись, стандартные листы, листы из тетради или просто клочок бумаги), но и в побудительных мотивах, манере изложения и целевых установках. Случайная выборка писем, жалоб, прошений позволяет утверждать, что все эти эго-документы весьма информативны и несут сведения не только о тяготах жизни автора, но в конечном итоге, его отношении к существующему режиму, политическим взглядам и жизненным установкам [Даренская 2013].

В фондах комиссий красных партизан (ЦДНИРО, ГАРО, ЦГА РСО-Алания, ЦГА РЮО) отложилось большое количество источников, которые никогда ранее не использовались исследователями, но которые имеют большое значение для реконструкции мировосприятия и жизненных стратегий бывших комбатантов Октября, оказавшихся в мирных условиях недооцененными и забытыми. В условиях мирной жизни с ее кардинальными переменами красные

партизаны не всегда находили себя в новой системе отношений, и более других рефлексировали на перегибы во внутренней политике [Хубулова, Гаглоева 2017]. Это неизбежно закончилось тем, что уязвленные чинимыми несправедливостями бывшие красные партизаны выражали свое недовольство и возмущение в письмах во власть.

Цель статьи – изучить положение бывших красных партизан Юга России в первое послереволюционное десятилетие посредством их эпистолярного наследия. Анализу будут подвергнуты следующие виды писем: жалобы, прошения, письма, заявления.

Обработка личных жалоб как массового источника может быть проведена на основе методики контент-анализа, которая дает возможность получить исключительный материал для характеристики послевоенной повседневной жизни. Указанная методика состоит из двух этапов. Первый заключается в составлении унифицированной анкеты. Для этого путем логического обобщения следует определить те признаки, которые встречаются в источниках многократно [Клинова 2012]. На основе выделенного формируем унифицированную анкету. С одной стороны фиксируем наименование признаков, с другой – соответствующие им подразделения или градации. Существенной сложностью первого этапа работы является как выделение признаков, так и их измерение, поскольку каждая жалоба не имеет четкой внутренней архитектоники.

Анализ жалоб позволяет включить в анкету признаки по проблемам социально-экономического статуса партизана и его семьи, мотивировка просьбы, особенности восприятия социальной политики властей. В анкету дополнительно включаются и такие признаки: куда подается жалоба, характер жалобы. Заложенная в источнике информация позволяет включить в анкету ряд биографических составляющих: фамилия, имя, отчество, личный вклад в годы гражданской войны, социальное происхождение, специальность, наличие или отсутствие работы, состав семьи.

Выработав единую унифицированную анкету, переходим ко второму этапу контент-анализа – непосредственной обработке анкет с помощью метода группировки на предмет взаимосвязи между признаками. В результате обработки источников появляется обширный материал, который позволяет исследовать социальный облик красного партизана, описать его материальное положение, выявить особенности социальной психологии и проч.

Давая общую характеристику источникам, следует отметить, что отложившийся корпус документов достаточно неоднороден, т.к. включает в себя разнообразные по форме и содержанию документы [Кутырева 1991].

Чрезвычайно содержательными и информационно интересными источниками являются жалобы о тяжелой материальной ситуации в семьях бывших красных партизан. Весь комплекс по своему характеру однообразен, включает личные заявления. Большая часть жалоб написана от руки и на клочках бумаги, иногда изложение грамотное, но чаще – с большим количеством ошибок. Все жалобы имеют произвольную форму. Содержательный анализ жалоб позволяет заключить, что все они представляют

картину безрадостного и тяжелого существования бывших партизан. Каждая жалоба имеет очень высокую эмоциональную окраску.

Новая власть, многим обязанная своим сторонникам и солдатам революции, должна проявлять заботу об их материальном и социальном статусе. Прежде всего, сформирована многоступенчатая социальная политика: активные участники революционных боев получали награды, льготы, их продвигали по служебной лестнице. Руководители партизанских отрядов привлекались советской властью в качестве новой элиты в разные властные органы. Показательны в этом плане биографии Д. Жлобы, С. Такоева, К. Бутаева, Е. Рамонова, А. Джатиева, Н. Гассиева и некоторых других, сделавших блестящие карьеры и занявших вакантные ниши на вершине новой политической пирамиды. Как показали подсчеты, такая восходящая карьера пришлась приблизительно на 15-16% бывших красных партизан, гораздо больше комбатантов не получили наград, достойной службы, льготы – самые незначительные. В многочисленных анкетах, заполненных бывшими партизанами, видно, в какой острой нужде они жили: «неимущие», «нет работы», «нет жилья».

Обратимся к материальному положению тех бывших партизан, которые осели в городах Северо-Кавказского края. Подавляющая их часть либо занималась тяжелым и неквалифицированным трудом, либо попадала в разряд безработных. Оценивая свое бедственное состояние на фоне процветающих сослуживцев, комбатанты стремились если не добиться социальной справедливости, то хотя бы несколько ослабить тяжелое положение. Одним из механизмов стали письма-жалобы, заявления и прошения во властные структуры. Прежде всего, речь шла о материальной помощи со стороны государства.

Материальное положение многих партизан было тяжелым, но их заботами власть интересовалась мало: «Мы ждали, чтоб нам пояснили насчет Ваших циркуляров (Д. Жлоба – председатель комиссии красных партизан Северо-Кавказского края – Авт.), но до сего времени мы ничего не видим и не слышим, а когда спрашиваем нашего председателя тов. Попова, где Ваши циркуляры, то нам отвечают: «А на што вам циркуляры, вам удостоверения дали, довольно этого». Этим нас и кормят. Вы говорили, что все красные партизаны должны быть устроены на должности до 1 января 1927 года, но про нас, как красных партизан, забыли и думать, что мы есть на свете» [ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 125].

В своих жалобах в партизанские комиссии комбатанты отмечали, что «большевики плохо заботятся о нас, мы страдаем, а они нас не слышат» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1073. Л. 4-16]. В Всегрозинский Совет красных партизан неоднократно направлялись письма по поводу того, что «876 человек по Южной Осетии абсолютно никем не снабжаются, и Уполномоченный Наркомснаба не включает их в план снабжения (т.е. они лишены материальных выплат и других льгот. – Авт.). В то время, как на иждивении указанных красных партизан находится более 2899 душ» [Гаглыева 2017а: 26].

Жалобы на материальное неблагополучие были полны драматизма и безысходности. Например, партизан Ждан в трагических красках описывал свое существование: «Скажу просто, без прикрас, я голодаю. Прошу помочь красному партизану, ничего не имеющему, кроме одиннадцати ран на теле» [ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 129]. Партизан Марьянов писал: «Хожу раздетый, не имею обуви, даже белья. Вот теперь зима, можно заболеть...» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 788. Л. 17]. Ему вторил комбатант Фидаров, который в отчаянии обращался в партизанскую комиссию за помощью: «Я в крайне критическом положении так, что не имею средств к дальнейшему существованию. Семья моя состоит из жены и двух малолетних детей от 2 лет до 11 месяцев; от плохого питания дети болеют, жена также чувствует себя нездоровой. Занимаемая мною квартира сырая, редко отапливается, т.к. нет средств для покупки топлива...» [ЦГА РСО-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1073. Л. 7].

Вдова бывшего партизана Скуршакова в своем заявлении в партизанскую комиссию делилась своими тяжелыми семейными проблемами: «Прошу Вашего содействия оказать мне помощь, так как я не в силах купить своему сыну верхнюю одежду...Работаю на трамвае кондуктором, заработок у меня маленький, часто болею и мне приходится мало получать» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп.1. Д. 794]. Ей вторила другая просительница – мать расстрелянных деникинцами трех сыновей: «Я персонально получаю пенсию в Чеченской области за своих расстрелянных сыновей в размере 11 руб. 50 коп. Сама я инвалидка (так в тексте – Авт.), признанная ко 2-й группе и в свои 65 лет вполне понятно не имею способности к труду, и других доходов у меня нет. Имея ввиду теперешнюю дороговизну, прожить на эту пенсию очень затруднительно. Почему и прошу назначить мне пенсию централизованным порядком через ВЦИК» [ГАРО. Ф. 2993. Оп.1. Д. 226. Л. 128].

Другой животрепещущей проблемой для многих жителей городов была растущая безработица. В годы нэпа резко увеличилось количество безработных. Если в конце 1921 г. в сфере спроса было около 500 вакансий, то уже в 1922 г. количество предложений превысило спрос в 4 раза. Во Владикавказе открытие Биржи труда состоялось летом 1922 г. Безработные обязаны были регистрироваться на Бирже труда и ждать своей очереди на получение работы. Как явствует из документов, наибольшее количество безработных было представлено в категории «без профессии и квалификации». В 1923 г. на Бирже было зарегистрировано 1,5 тыс. безработных, кроме того, из разных мест во Владикавказ прибывали сотни рабоче-активных когорт, которым также нужно было искать работу. Из статистических данных следует, что в 1924 г. на каждое предложение приходилось лишь 0,5% спроса.

Биржей проводились регулярные «чистки», в ходе которых часть зарегистрированных лишалась статуса ожидающих. В разряд лишенцев попадали люди, стаж работы которых был меньше 3-х лет. Кроме того, существовали категории льготников, которых направляли на работу в первую очередь. К ним относились и бывшие красные партизаны.

Материальное положение безработных, даже зарегистрированных на Бирже и получающих мизерные пособия, было очень трагическим. Пособия не удовлетворяли даже минимальные потребности в пище и одежде.

Учитывая дороговизну предметов первой необходимости и продуктов питания, безработные и их семьи практически голодали, либо покупали суррогаты хлеба, небольшое количество круп. Скудный рацион питания вызывал потерю сил, потерю здоровья, в самых тяжелых случаях – к смерти.

Такая ситуация не могла не сказываться на моральном состоянии нуждающихся, по свидетельствам медиков это приводило к самоубийствам. Нередко безработные подвергались выселению из квартир.

В партизанскую комиссию поступали письма-просьбы бывших красных партизан, в которых они описывали свое бедственное положение. Показательно заявление сына бывшего начальника партизанского отряда Дауда Альтемирова: «Я в настоящее время (1935 г. – Авт.) безработный, причем прошу Вас определить меня на какую-нибудь работу, я имею семь классов образования, по семейным обстоятельствам мне не удалось продолжить образование. Работал заготовителем в Корельдреве, ездил проводником фруктового (так в тексте. – Авт.) вагона в г. Петрозаводск, а после возвращения я – безработный» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1073. Л. 18].

Материальное положение комбатантов можно было поправить, назначив ему персональную пенсию. Об этом пеклись многие красные партизаны, пытаясь заручиться ходатайствами своих бывших командиров. Так, в череде таких просьб можно выделить письмо красного партизана И. Попова, которое он адресовал на имя Д. Жлобы: «Не знаю, куда затерялась бумажка, а без нее никак не получить пенсию. А дело было так: в партию вступил в октябре 1918 года под Царицыным, еще в Стальной дивизии, а выбыл в начале 1922 года в Тифлисе, когда тяжело болел, а потом началось психическое расстройство и именно это неменяемое состояние вынудило меня добровольно выйти из партии. Собственно это же обстоятельство послужило причиной демобилизации...» [ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 128]. Не менее трагично заявление в Северо-Кавказскую комиссию помощи бывшим красногвардейцам и красным партизанам П. Ильяшенко: «...я весь истреplen своими нервами в период империалистической и гражданской войны, 6 раз ранен и 2 раза бит плетью, дальше рисовать Вам нечего... Осмелюсь просить Вашего ходатайства представить мне Персональную пенсию, хотя бы это было через врачебную комиссию, а меня снять с работы, т.к. дальше работать не могу ввиду моего плохого зрения, малограмотности а также по нервной болезни...» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 796]. Многочисленные обращения во власть по поводу персональной пенсии часто оставались без положительного решения.

Не менее болезненно воспринимали бывшие комбатанты отсутствие возможности карьерного роста. Кадровая политика, которую проводила победившая власть, предполагала систему выдвиженчества, позволившую к концу 1920-х гг. сформировать должностную иерархию в новом государстве. Ответственные посты получали работники, преданные большевикам. Небольшая группа. Для успешного прохождения по карьерной лестнице нужно

было получить образование. Это желание вписывалось в государственную политику формирования «новой национальной интеллигенции». Красные партизаны, которые желали повысить свой образовательный уровень, вне конкурса могли попасть в разряд целевиков/командированных в вузы страны, т.к. классовая принадлежность студента была весьма важна для государства. «Мы Джиоев С.А. и Котолов В.Д. при заполнении партизанских анкет указывали, что желаем продолжить учебу. Просьба была удовлетворена. Облпарткомом и Облоно Юго-Осетии были откомандированы на учебу в МГУ г. Москва. Но сейчас просим ЦИК Юго-Осетии принять во внимание наши заслуги перед Советской властью, выражающиеся в участии в партизанских боях 1918-1920 гг., учесть нашу экономически тяжелую ситуацию и выслать материальное пособие (хотя бы единовременное), для продолжения учебы» [ЦГА РЮО. Ф. 27.Оп. 1. Д. 1041. Л. 13]

В центральных вузах обучались делегаты из всех уголков Северного Кавказа. Часть их по возвращении на родину была трудоустроены и смогла сделать карьеру. Стремление комбатантов восполнить нишу «новой национальной интеллигенции» поддерживалось государственными льготами, наградами и должностями, которыми власть благодарила свою надежную опору. Такое отношение государства к красным партизанам давало последним уверенность в справедливости получения ими льгот для успешной жизни.

В годы активного построения нового общества власть должна была обезопасить себя от «попутчиков» и несогласных с ее методами. Поэтому на вооружение были взяты методы принуждения и террора. Государство боролось не только с бывшими помещиками и белыми офицерами, но также с теми своими союзниками, которые не принимали многие реформы в стране. Когда страна вступила в решающий этап построения социализма, власть должна была четко понимать: кто за нее, а кто, несмотря на определенные заслуги в период гражданской войны, встал по другую сторону.

Так, постановлением ЦИК Северо-Осетинской автономной области от 19 мая 1930 г. при всех рай- и горисполкомах были созданы «Комиссии по проверке бывших красных партизан и красногвардейцев», которые начали свою деятельность в 1931 г. В инструкции по «чистке» за 1932 г. отмечалось, что комиссии должны руководствоваться особыми условиями региона и внимательно рассматривать каждый конкретный случай [ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 6. Л. 9]. В других документах конкретизировался сам механизм перерегистрации: «Каждый проходящий перерегистрацию бывший красный партизан (красногвардеец), а также каждый вновь заявивший о своей принадлежности к красно-партизанскому движению – предоставляет в комиссию заявление и не менее двух рекомендаций по прилагаемым формам. При рассмотрении заявления комиссия ведет протокол» [ЦГА РСО-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1097. Л. 82]. Во всех государственных документах этого периода откровенно говорится: «Самым беспощадным образом разоблачать примазавшихся к рядам бывших красных партизан и красногвардейцев антисоветские, кулацкие, разложившиеся элементы, изгоняя их в порядке

самоочистки в процессе повседневной массовой работы, проводя в этих целях специальные кампании по чистке» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 779. Л. 2].

Нами были проанализированы 400 заявлений и прошений комбатантов, которые они направляли в разные инстанции по поводу исключения из рядов красных партизан. Большой интерес представляют те жалобы и заявления, которые касаются не только самого процесса отказа в статусе партизана, но, что особенно важно, дают представление о послевоенной жизни комбатанта, его работе, социальном положении и проч.

Содержательный анализ этого вида документов позволяет утверждать, что все жалобы представляют собой систему доказательств, опровергающих факты, которые вменялись комбатанту: «В сентябре месяце сего года я, - писал Л. Боженев, - проходил чистку бывших красных партизан, и комиссия по чистке в своем протоколе от 9 сентября 1931 г. вычистила меня, якобы, как совершенно не принимавшего никакого участия в октябрьских завоеваниях. Я со всей серьезностью протестую против той неправды, которая написана в выписке из протокола. Прошу Президиум горсовета снова проверить меня, ибо я был, есть и буду красный партизан и красноармеец» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 972. Л. 95]. Красный партизан Г. Брага обращался в Президиум Орджоникидзевского горсовета по поводу неправильно вынесенного решения: «Я – бывший красногвардеец гражданской войны. Осенью 1918 года участвовал в Августовских боях, а также в 1919 году защищал город от банд генерала Шкуро, которым мы были вытеснены и отступили в гор. Тифлис. Я в это время был бойцом на бронепоезде и в отсутствии командира по желанию команды замещал его. В общем, все время активно защищал республику с оружием в руках. В настоящее время комиссия исключила меня из числа красногвардейцев ввиду того, что я работал кузнецом в грузинской армии, но мы де, красногвардейцы, работали по инициативе подпольного комитета Краевого ВКП (б), дабы подготовить восстание и разложить армию, а не по своему желанию. А потому мое исключение я нахожу неправильным и прошу восстановить красногвардейцем» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 992. Л. 132-132 об]. В ходе изучения этих документов нередко случаи, когда сталкивались интересы военно-политического ядра партизанского движения и членов комиссии, которые игнорировали рекомендательные справки первых, а боец, чьими поручителями они выступали, исключался из списков красных партизан. «Я повторно подаю свои документы на утверждение в комиссию по чистке, не понимаю, почему исключен, – писал Дзудцев Н.Д., – все знают меня с хорошей стороны как активного участника боев как против меньшевиков, так и белых банд генерала Хвостикова. О том, что я в никакой контрреволюционной организации не состоял, а, наоборот, выполнял поручение Джатиева А. и Санакоева М.(оба руководители отрядов) отговорить товарищей от вступления в армию Бичерахова., есть подтвержденные справки. Потому прошу зачислить как красного партизана и одного из командного состава всех восстаний» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 973. Л.1-3].

Конечно, каждое письмо – это эмоциональный источник, который дает возможность реконструировать социальную психологию бывших партизан.

Таким образом, эти эго-документы позволяют выявить взаимосвязь между масштабами «чисток» и жалобами как формой социального протеста против таких мероприятий.

Жалобы и заявления – не единственный источник по истории взаимоотношений партизан и власти. Другие комплексы источников дают возможность раскрыть проблемы, связанные с положением бывших красных партизан, выявить наиболее существенные стороны «чисток», что, в конечном счете, привело к появлению таких источников как жалобы и заявления.

Протоколы заседаний комиссий по рассмотрению заявлений красных партизан построены по принципу персонального рассмотрения. Они дают хороший материал о личности претендента. В протоколах содержится материал, раскрывающий социальный статус, политическую ориентацию комбатантов, факты из биографии. Например, из материалов комиссии по «чистке» партизан явствует, что «усматривая, что тов. Рожов из Владикавказа выбыл за три месяца раньше отступления красных войск, находился в Поти, потом попал к белым в Кисловодск. По социальному прошлому – прапорщик, пребывание на территории белых не случайное, и как не принимающий никакого участия в борьбе против белых из списков красногвардейцев исключить, билет отобрать» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 975. Л. 13]. Не менее остро власть реагировала на имущественное «обрастание» комбатантов: «Цагов, член ВКП (б), служащий, член колхоза «Горский колхоз». Цагов вплоть до 1930 г. имел свое собственное землевладение, а хозяйство его имело все признаки кулацкого хозяйства. Постановили: Отказать Цагову в занесении его в список красных партизан. Комиссия выражает глубочайшее возмущение в пребывании Цагова в рядах партии Ленина...» [ГАРО. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 12. Л. 4]. Сохранилось большое количество решений партизанских комиссий об отказе признать претендента красным партизаном. Поводом для отказа могли быть серьезные отклонения в образе жизни комбатанта. Например, в протоколе Ардоно-Алагирской комиссии помощи бывшим красным партизанам было отказано Чехоеву Б., который «выступает против всех проводимых властями компаний, представителей называет бандитами, никого не слушает» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 797. Л. 58]; среди прочих не прошли перерегистрации жители с. Дур-Дур Койбаев Х., который в годы гражданской войны «выступал против белых, но в данное время не состоит в колхозе, выступает против колхозного движения», было отказано учителю Байцаеву Д., который в 1928 году держал батрака [ЦГА РСО-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1075. Л. 62 об].

Но даже незначительные отклонения от канонов могло стать причиной отказа в выдаче партизанской книжки. Так, нахождение на оккупированной территории в течение месяца без уважительных причин могло стать серьезным основанием для отказа в перерегистрации. Поэтому наиболее дальновидные запасались на этот счет свидетельствами своего неучастия на стороне белых. Например, красноармеец Базалин получил от начальника отряда им. Терского народного совета Карсанова справку о том, что по дороге в с. Заманкул попал вместе с 11-ю красноармейцами в плен. Был осужден и приговорен к расстрелу, в ожидании которого провел на территории белых больше месяца, на службе у

деникинцев не состоял. Но то, что он не занимался подпольной работой в это время (абсурдная претензия), ему было поставлено в вину. Одному из видных красных партизан, Джиоеву Сардиону (Цепка), пришлось заручиться поддержкой четырнадцати красных командиров и представить заверенные ими справки о том, что он не служил меньшевистской власти, а был арестован за участие в юго-осетинских восстаниях и заключен в Горийскую тюрьму [ЦГА РСО-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 996. Л. 6-7]. Другой респондент, Сиукаев А.В., в представленной и заверенной одиннадцатью бывшими партизанами справке указывал, что многие из осетин Шоропанского уезда не уходили в Терскую область во время меньшевистского погрома 1920 г., а вели подпольную работу [ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 795. Л. 4]

Еще больше ранило бывших комбатантов то, что в ряде партийных и советских органах к власти пришли их бывшие противники – деникинские офицеры, меньшевики и проч. Причем, что вполне объяснимо, красные партизаны были поражены положением вещей и несправедливостью политики большевистского руководства. Зачастую именно в проникновении бывших противников в органы власти красные партизаны видели корень социальной несправедливости. В партизанскую комиссию поступали письма-разоблачения лже-партизан. Например, Дзассохов А.Г., во главе меньшевистских войск участвовавший в подавлении юго-осетинских восстания в 1919 г., был привлечен в качестве заместителя наркома в Наркомпрос области. Гаглоев Р.Н. впоследствии писал: «Ныне, о, ужас, он цел, и даже у власти. Это ли не вопиющая несправедливость?! И за то, что он сгибал бедных осетин в три погибели, за то, что он шел на них с грузинскими войсками – он теперь в тепле, в почете и даже изволит просвещать южных осетин. И хочется повторить: «Наш век согнут в три погибели торжествующим хамом» [ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 185. Л. 16].

Еще страшнее для этих людей было недоверие, которое проявляли к ним во время партизанских чисток. Даже самые лестные рекомендации, выдаваемые бывшими командирами и однополчанами, не могли гарантировать повышение материального благосостояния, получение работы и проч. Все партизаны оказались разделенными на категории, между которыми существовала большая разница. Особо наказывала власть тех, кто не вписывался в образ беззаветного борца за социализм - «лишенцы», преступники, оппозиционеры. Причем в любую из этих групп человек мог угодить без особых причин. Лишенец Д. Такоев написал: «Лучше мне пулей в лоб или же живым похоронить меня в холодную землю, чем нести на себе такой низкий и грязный позор...» [Хубулова 2017: 139].

Комбатанта могли лишиться не только партизанской книжки, но даже избирательных прав, что делало его беззащитным и бесправным. Нередко бесчисленные обращения в партизанскую комиссию и к боевым командирам не могли переломить ситуацию. В письме в Комитет красных партизан Тедеев В.Н. указывал: «Несмотря на мое участие в отрядах партизан как в Юго-Осетии, так и на Севере, и подтверждением непосредственных военных руководителей мой вопрос о зачислении из-за личных отношений тянулся

целый год. Оттягивали его под разными предлогами, так как лица, кои должны были заняться оформлением, являются моими врагами. На моем заявлении имеется лишь заметка некого красного партизана Архипа Джюева (член Президиума Областного Совета бывших красных партизан – Сост.) «не участвовал». Спрашивается, причем тут какой-то Архип Джюев, если все нужные рекомендации имеются» [ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. Л. 127].

Политический климат 1920-х гг. сильно отразился на сообществе красных партизан: стали появляться такие, кто в целях продвижения, устранения соперников мог оклеветать бывших однополчан. Следует отметить, что тяжелое послереволюционное материальное и психологическое состояние, политическое давление во время партийных чисток, несправедливое составление списков красных партизан и лишение многих льгот впоследствии, тяжело сказывалось на всем обществе.

Но были и такие партизаны, которые открыто протестовали против нового порядка. В массе комбатантов постепенно складывалось недовольство карьерой небольшой и может не самой героической части партизан, а также теми политическими механизмами, с помощью которых власть строила «светлое» будущее. В некоторых колхозах Осетии были зарегистрированы случаи антигосударственной агитации со стороны бывших красных партизан. Противоречия и различие между положением красных партизан и властью более выявилось во время коллективизации. По совершенно надуманным поводам некоторые красные партизаны оказались в списках раскулаченных. Так, в Дигорском районе Северо-Осетинской АО местные власти проявили безобразно-преступное отношение не только к середнякам, но и бедноте и красным партизанам. Так в с. Христиановском был раскулачен С. Едзаев, «несмотря на то, что его два брата погибли на страже защиты революции – красные партизаны, из коих один повешан, другой убит, сам Едзаев всегда оказывал им большую помощь»; жертвой произвола стали партизаны Салбиев Т., Гадиев Д., Гадиев С., которые на объединенном собрании колхозников сел. Ногир «высказались за оставление пока мелких колхозов. Это выступление Бязыровым (уполномоченным из обкома ВКП (б) было понято как антиколхозное выступление и как срывающих колхозное строительство означенных граждан держали под арестом до 20 дней» [НА СОИГСИ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 68].

К концу 1920-х гг. началась травля тех, кто был недоволен политикой государства в деревне. В это время на самых разных властных уровнях заговорили о «несознательных» партизанах, которые объединялись с кулаками против коллективизации. Таких следовало проучить: объявляли их чуждым советской власти элементом, раскулачивали и отправляли в ссылку.

Многие бывшие партизаны что естественно, стремились именно к восстановлению (а также укреплению) своих хозяйств, разоренных во время войны. При этом они не без оснований полагали, что заслужили право хозяйствования на своей земле. Однако, любое такого рода устремление как развитие единоличного хозяйства, рассматривалось молодой советской властью как укрепление позиций «кулачества». Согласно привлеченным к работе

архивным документам, во время второй волны «чисток» специальными проверочными комиссиями, этот слой попадал в разряд кулаков и лишался партизанских книжек. Встречаются случаи несправедливых постановлений. К примеру, Дзагоев Б. Р. заявлял: «Я активно участвовал во всех юго-осетинских восстаниях и во время трехкратной «чистки» красных партизан против меня не было никаких отводов. Причиной не включения меня в ряды красных партизан стало не мое положение, а донос, что я числился в списках зажиточных в с. Ногир. Это враги незаконно включили меня в этот список, о чем я лично писал в Московский ЦИК» [Гаглоева 2017б]. Таким образом, советская власть стремилась использовать бывших партизан как надежную опору и через них воздействовать на других крестьян региона, при этом даже беспартийных партизан они считали коммунистами, не особенно понимая, что имущественное положение бывших партизан зачастую было очень плачевным и отношение к действиям власти было не всегда лояльным, а подчас даже враждебным. Как в гражданскую войну, крестьяне были оппозиционны к любой власти, притеснявшей их. Подобное непонимание истинных настроений большинства партизан обернулось в период массовой коллективизации в антиправительственное движение.

Даже непроверенные доносы могли стать причиной отказа. Так, некто П. написал донос на своего соседа Тотусова М., который, по мнению П., «не может быть партизаном, ибо партизан не бывает простым болтуном, а должен быть участником боевых действий, или являться подпольщиком» [ЦГА РЮО Ф. 27. Оп. 1. Д. 192. Л. 19]. Джигоев В.А. писал «У комиссии партизан не было никакого основания для моего исключения, кроме доноса мало заслуженного партизана Г. В., который со мной во враждебных отношениях...» [ГАРО. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 224. Л. 1].

Лишенцами становились не только зажиточные крестьяне, но и те, кто проявлял несогласие с проводимыми реформами. Раскол партизанского братства в ходе «чисток» привел к противоречиям внутри этого союза. С 1931 г. все партизаны оказались разведенными по разным группам, наиболее незащищенными стали те из них, кто утратил статус красного партизана из-за разных причин (лишенчество, преступление, неподтвержденность участия на стороне большевиков и проч.). Участник революционных боев в с. Христиановском Д. Такоев, который позже попал в немилость к властям и стал лишенцем, в отчаянии писал: «Лучше мне пулей в лоб или же живым похоронить меня в холодную землю, чем нести на себе такой низкий и грязный позор...» [ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 88. Л. 94].

Комбатанта могли лишить не только партизанской книжки, но даже избирательных прав, что делало его беззащитным и бесправным. Нередко бесчисленные обращения в партизанскую комиссию и к боевым командирам не могли переломить ситуацию. В письме в Комитет красных партизан Тедеев В.Н. указывал: «Несмотря на мое участие в отрядах партизан как в Юго-Осетии, так и на Севере, и подтверждением непосредственных военных руководителей мой вопрос о зачислении из-за личных отношений тянулся целый год. Оттягивали его под разными предложениями, так как лица, кои должны

были заняты оформлением, являются моими врагами. На моем заявлении имеется лишь заметка некоего красного партизана А.Д. (член Президиума Областного Совета бывших красных партизан – Авт.) «не участвовал». Спрашивается, причем тут какой-то А.Д., если все нужные рекомендации имеются» [ЦГА РСО-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1092. Л. 6].

Следует отметить, что тяжелое послереволюционное материальное и психологическое состояние, политическое давление во время партийных чисток, несправедливое составление списков красных партизан и лишение многих льгот впоследствии, тяжело сказывалось на всем обществе. Все это приводило к череде самоубийств среди части партизан и коммунистов. Высокая смертность вынудила провести специальные заседания ЦК КП (б) Грузии, посвященные данному вопросу. Известный общественный деятель Южной Осетии Р. Гаглоев с горечью отмечал: «Я, кажется, догадывался о причинах смерти Александра (а говорили, что умер от малярии). Сомнения нет, что он умышленно лишил себя жизни. Александр, Ефим, Илас, Лео... - Боже мой, сколько потерь...» [Бигулаева 2002: 99].

По прошествии времени, уже в 1935 г. комиссии красных партизан, выполнив роль эзекутора, были распущены. Красные партизаны, которые казались наиболее организованной и малоуправляемой частью советской социальной структуры, в результате жесточайших «чисток» перестали представлять угрозу для режима и те из них, кто своей преданностью заслужил доверие властей, получал возможность на разного рода социальные бонусы, все остальные оказались в обществе маргиналов и также не были опасны.

Ожидания комбатантов от новой власти не оправдывались, это вселяло неуверенность и опасения за то дело, которому они отдали себя, теряли боевых товарищей. Обстановка накалялась и могла закончиться новыми социальными потрясениями. Такого поворота событий власть не желала и стремилась в зародыше подавить любое проявление оппозиции. Развернувшийся в 1930-х гг. Большой террор вовлек в свою орбиту и участников партизанского движения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бигулаева 2002 – *Бигулаева И.С.* Рутен Гаглоев. Жизнь и деятельность // Фидиуаг. – 2002. – № 2. – С. 99-110.

Гаглоева 2017а – *Гаглоева Б.Б.* Деятельность «Комиссии по проверке и выявлению из населения Юго-Осетии бывших красногвардейцев, красных партизан и дружинников революции 1905» и «Комитета красногвардейцев и красных партизан» // Гуманитарный научный вестник. – 2017. – № 4. – С. 26-32.

Гаглоева 2017б – *Гаглоева Б.Б.* Деятельность партизанских комиссий Южной Осетии в 1920-1930-е гг. // Разработка и решение актуальных научных проблем: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Уфа: NOVALENZO, 2017. – С. 25-30.

ГАРО – *Государственный архив Ростовской области.*

Даренская 2013 – *Даренская И.В.* «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920-30-е гг. // Вопросы всеобщей истории. – 2013. – Т. 15. – С. 31-33.

Клинова 2012 – *Клинова М.А.* Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // Вестник архивиста. – 2012. – № 4. – С. 300-305.

Кутырева 1991 – *Кутырева Л.В.* Жалобы как источник по истории крестьянства Урала (опыт контент-анализа) // Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 50-64.

Лившин, Орлов 1999 – *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917-1927 годов // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2. – С. 94-102.

Морозова 2010 – *Морозова О.М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов гражданской войны. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ, 2010. – 360 с.

НА СОИГСИ – *Научный архив СОИГСИ*

Письма... 1998 – *Письма во власть. 1917–1927.* Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 664 с.

«Проверкой...» 2013 – *«Проверкой» заявления установлено...»: Повседневная жизнь людей в письмах и обращениях к власти. 1930-е годы: сборник документов / Под ред. Е.В. Кодина.* – Смоленск: Свиток, 2013. – 392 с.

Хубулова 2017 – *Хубулова С.А.* Деятельность северо-осетинской комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1924-1935 гг.) // Известия СОИГСИ. – 2017. – № 23 (62). – С. 136-164.

Хубулова, Гаглоева 2017 – *Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б.* Жизненные стратегии ветеранов гражданской войны (на материалах Северной и Южной Осетии) // Известия СОИГСИ. – 2017. – № 25(64). – С. 88-99.

Хубулова, Гаглоева 2016 – *Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б.* Мутное зеркало истории: жизнь и судьба комбатантов гражданской войны в условиях перехода к миру // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2016. – № 3. – С.95-100.

ЦГА РСО-А. – Центральный государственный архив РСО-Алания.

ЦГА РЮО – Центральный государственный архив Республики Южная Осетия.

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

REFERENCES

BIGULAEVA I.S. *Ruten Gagloev. Zhizn' i deyatel'nost'* [Ruthen Gagloev. The life and work of]. IN: Fidiuag. – 2002. – No. 2. – P. 99-110. (In Russian)

DARENKAYA I.V. «*Pis'ma vo vlast'*» kak istochnik analiza otnoshenii vlasti i obshchestva v 1920-30-e gg. ["Letters to power" as a source of analysis of relations between government and society in 1920-30s.]. IN: Voprosy vseobshchei istorii. – 2013. – Vol. 15. – P. 31-33. (In Russian)

GAGLOEVA B.B. *Deyatel'nost' «Komissii po proverke i vyyavleniyu iz naseleniya Yugo-Osetii byvshikh krasnogvardeitsev, krasnykh partizan i druzhinnikov revolyutsii 1905» i «Komiteta krasnogvardeitsev i krasnykh partizan»* [The activities of the "Commission for the Verification and Detection of the Red Guards, Red Guerrillas and the Revolutionaries of the Revolution of 1905 from the Population of South Ossetia" and the "Red Guards and Red Guerrilla Committee"]. IN: Gumanitarnyi nauchnyi vestnik. – 2017. – No. 4. – P. 26-32. (In Russian)

GAGLOEVA B.B. *Deyatel'nost' partizanskikh komissii Yuzhnoi Osetii v 1920-1930-e gg.* [Activities of the partisan commissions of South Ossetia in the 1920s-1930s]. IN: *Razrabotka i reshenie aktual'nykh nauchnykh problem: voprosy teorii i praktiki. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Development and solution of actual scientific problems: questions of theory and practice. Collection of scientific papers on the materials of the International Scientific and Practical Conference]. – Ufa: NOVALENKO, 2017. – P. 25-30. (In Russian)

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archiv of the Rostov Region]. (In Russian)

KHUBULOVA S.A. *Deyatel'nost' severo-ose'tinskoi komissii po delam byvshikh krasnogvardeitsev i krasnykh partizan (1924-1935 gg.)* [Activities of the North Ossetian Commission for the former Red Guards and Red Guerrillas (1924-1935 gg.)]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2017. – No. 23 (62). – P. 136-164. (In Russian)

KHUBULOVA S.A., GAGLOEVA B.B. *Mutnoe zerkalo istorii: zhizn' i sud'ba kombatanov grazhdanskoi voiny v usloviyakh perekhoda k miru* [Muddy mirror of history: the life and fate of combatants of the civil war in the conditions of transition to peace]. IN: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki*. – 2016. – No. 3. – P. 95-100. (In Russian)

KHUBULOVA S.A., GAGLOEVA B.B. *Zhiznennye strategii veteranov grazhdanskoi voiny (na materialakh Severnoi i Yuzhnoi Osetii)* [Life strategies of veterans of the Civil War (on the materials of North and South Ossetia)]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2017. – No. 25(64). – P. 88-99. (In Russian)

KLINOVA M.A. *Pis'ma i zhaloby v organy vlasti kak istochnik izucheniya sovetskoj povsednevnosti* [Letters and complaints to the authorities as a source of study of Soviet everyday life]. IN: *Vestnik arkhivista*. – 2012. – No. 4. – P. 300-305. (In Russian)

KUTYREVA L.V. *Zhaloby kak istochnik po istorii krest'yanstva Urala (opyt kontent-analiza)* [Complaints as a source on the history of the peasantry in the Urals (experience of content analysis)]. IN: *Kolichestvennye metody v issledovaniyakh po istorii sovetskogo rabocheho klassa i krest'yanstva* [Quantitative methods in research on the history of the Soviet working class and peasantry]. – Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1991. – P. 50-64. (In Russian)

LIVSHIN A.YA., ORLOV I.B. *Vlast' i narod: «signaly s mest» kak istochnik po istorii Rossii 1917-1927 godov* [Power and people: "signals from the ground" as a source on the history of Russia in 1917-1927]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 1999. – No. 2. – P. 94-102. (In Russian)

MOROZOVA O.M. *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslevoennaya povsednevnost' veteranov grazhdanskoi voiny* [Two acts of drama: the battle past and the post-war everyday of civil war veterans]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs, 2010. – 360 p. (In Russian)

Nauchnyi arkhiv SOIGSI [Scientific archive of V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies] (In Russian)

Pis'ma vo vlast'. 1917-1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdyam [Letters to power. 1917-1927. Statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders] / Ed. by A.Ya. Livshin, I.B. Orlov. – M.: ROSSPEN, 1998. – 664 p. (In Russian)

«Proverkoj zayavleniya ustanovleno...»: Povsednevnyaya zhizn' lyudei v pis'makh i obrashcheniyakh k vlasti. 1930-e gody: sbornik dokumentov ["Verification of the application is established ...": Everyday life of people in letters and appeals to the authorities. 1930s] / Ed. by E.V. Kodina. – Smolensk: Svitok, 2013. – 392 p. (In Russian)

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region]. (In Russian)

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Yuzhnaya Osetiya [Central state archive of the Republic of the Republic of South Ossetia]. (In Russian)

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv RSO-Alaniya [Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

УДК 39 (479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-69-92

НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНЫЕ ЗНАКИ У НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА¹

**М.А. ТЕКУЕВА
Е.А. НАЛЬЧИКОВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com, elenalchik@yandex.ru*

Аннотация. В статье систематизируются типы погребений и надгробных сооружений у адыгов с древнейших времен до XX века. Исследование основано на данных археологии и этнографических материалах авторов. Основная цель статьи состоит в обзоре наиболее значимых способов захоронения и оформления места погребения. В результате проведенного анализа установлено, что погребальный обряд у ряда народов Северного Кавказа изменялся на протяжении столетий, при этом его прежние формы сохранялись в народной памяти. Виды памятных знаков на могиле – надгробных сооружений – сохраняют относительно стабильный характер в течение последних трех столетий. Изучение кладбищ в Шапсугии, Адыгее, Кабарде и двух черкесских селениях Израиля позволяют сделать выводы, с одной стороны, о единой основе погребальной культуры адыгов, с другой – о наличии локальных особенностей во внешнем оформлении надгробия у западных и восточных адыгов. Важными представляются также выводы о традиции гендерной символики и о приоритете этнических элементов над религиозными в орнаментальном украшении памятника, что выражается в постоянном характере первых и преходящем – вторых.

Ключевые слова: топос смерти; способы захоронения; оформление места погребения; адыги; памятные знаки; антропоморфные надгробия; гендерная атрибутика; курган; кенотаф; мавзолей; этническое сознание.

GRAVE MEMORIALS OF THE PEOPLES OF THE NORTH-WESTERN AND CENTRAL CAUCASUS

**M.A. TEKUEVA
E.A. NALCHIKOVA**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com, elenalchik@yandex.ru*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-01-00147-ОГН «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа»

Abstract. The types of burial and grave constructions among the Circassians from the earliest time till 20th century are systematized in this entry. This study is based on the data of archeology and the authors' ethnographic materials. The main objective of the entry consists in review of major types of burial and arrangement of gravestones. In consequence of analysis, it was found, that obsequies among the peoples of the North Caucasus have been changed over the centuries, herewith the earlier forms remains in the peoples memory. Types of memorial signs on the grave – gravestones – have remained relatively stable over the past three centuries. The study of cemeteries in Shapsugia, Adygea, Kabarda and two Circassian villages of Israel make it possible to draw conclusions, on the one hand, on a single basis of the burial culture of the Circassians, on the other hand, about the presence of local characteristics in the external design of the gravestone from the western and eastern Circassians. It's important that the conclusions about the tradition of gender symbolism and the priority of ethnic elements over religious elements in the ornamental decoration of the monument. It is expressed in the constant nature of the Ethnic elements and the transitory character of religious elements.

Key words: topos of death; ways to burial; arrangement of burial place; circassians; memorial signs; anthropomorphical gravestones; gender symbols; mound; cenotaph; mausoleum; ethnic awareness.

В традиционной культуре народов Северного Кавказа погребальная обрядность занимает значительное место. Ее изучение позволяет определить узловые аспекты этнического сознания, проследить этногенетические механизмы, раскрыть традиционные родственные и соседские социальные связи. Общеизвестны древние погребальные сооружения Западного Кавказа в виде монолитных дольменов с четырехтысячелетней историей, античные и средневековые курганные насыпи кавказских предгорий, склеповые мемориальные комплексы горных областей более позднего периода. Специалисты знакомы и с широко распространенным до сегодняшнего дня погребальным обрядом, характерным почти для всего региона, со значительно более аскетичными надгробиями в виде антропоморфных каменных и деревянных изваяний. Широкий диапазон форм погребений и надмогильных памятных знаков ставит вопросы об их аутентичности и отражении в этноментальной памяти.

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка краткого обзора известных данных и авторского этнографического материала по оформлению захоронения в культуре ряда кавказских народов. Особое внимание уделяется адыгскому этническому массиву, населяющему значительную территорию региона и связанному единством происхождения, языка и культуры: кабардинцам, бесленеевцам, шапсугам, абадзехам и другим адыгам. В ходе изучения предмета привлекается археологический материал, этнографические данные и результаты полевых наблюдений авторов, сделанные в 2015-2018 гг. в Урванском и Лескенском районах Кабардино-Балкарии, в Адыгее, в Лазаревском районе Краснодарского края – месте компактного проживания шапсугов и в двух черкесских деревнях Израиля (Рихания и Кфар-Кама). Приводимые археологические данные носят вспомогательный характер и служат для уточнения некоторых этнографических источников и заимствованы из отчетов полевых археологических исследований разных лет.

Статья структурирована по содержанию фольклорного произведения, которое рассматривается нами в качестве этнографического источника. В народной песне об Адииф/Адиух упоминаются наиболее характерные исторические виды погребений и погребальных сооружений на Центральном и Северо-Западном Кавказе. В этом произведении концентрированно сформулированы привычные установки в отношении традиционного захоронения у адыгов. Песня сохранилась в различных локальных вариантах: шапсугском – Песня об Адииф [Народные песни... 1990: 27-28], кабардинском – *Гыбзэ* об Адиух [Народные песни... 1990: 438] и др. Главный герой оплакивает трагическую гибель своей возлюбленной и перебирает возможные способы достойного ее захоронения:

На верхушку дерева я тебя возложил бы, моя Адиух, –
Боюсь, птицы, тебя склюют, моя Адиух!

У подножья этого дерева я тебя положил бы, моя Адиух, –
Боюсь, муравьи, тебя съедят, моя Адиух.

У себя за пазухой я тебя схоронил бы, моя Адиух,
Боюсь, не вынесу запаха тлена, моя Адиух!

В медный гроб я тебя положил бы, моя Адиух,

Но нет у меня медного гроба, моя Адиух! (перевод с кабардинского авторов)

В другом варианте песни содержится продолжение:

Над гробом памятник ставлю, о моя Адиух,

Письмена пишу золотые, о моя Адиух! [Кабардинский... 1936: 451-452]

Эти тексты позволяют выделить зафиксированные в этническом сознании виды захоронений, которые подтверждаются и другими историческими источниками: воздушный – на ветвях дерева, наземный – под деревом, в гробу – под землей. Есть указание на то, что могила должна быть помечена памятником «с письменами». Итак, воспользуемся песней-плачем о Адиух для логического построения нашего обзора.

Виды захоронений. Первым назван «надземный» (воздушный, открытый, высотный) вид погребения. Еще в античных источниках содержатся упоминания о бытовании у древних народов Кавказа «странного», «необычного» обращения с трупами: «Их (покойников – авт.) заворачивают в необработанные бычьи шкуры и вешают на деревьях вдали от города. Однако и земля получает свое наравне с воздухом, ибо умерших женщин, которые нежнее мужчин, предают земле» [Дюмезиль 1990: 211].

Самым ранним письменным свидетельством об осуществлении захоронения подобным способом у адыгов являются записки немецкого путешественника начала XV века И. Шильтбергера: «У них (черкесов – авт.) есть обычай класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево» [Шильтбергер 1974: 39-40]. Очевидно, указанный способ захоронения выделял людей, погибших от удара молнии и, соответственно, отмеченных особой «милостью» *Шиблэ* – бога грома и молнии адыгского языческого пантеона. Мы не можем относиться к этому экзотическому факту как к забытой

архаике, так как через 250 лет о том же писал итальянец А. Ламберти: «С северной стороны, ближе всех (к мингрельцам), живут те кавказцы, которых Турки называют абазами (Abassas) или абкассами (Abcasses). Между прочими обычаями этого народа замечательно то, что они непогребают, ни жгут тела покойника, а кладут труп в выдолбленный ствол дерева (dansuntroncd'arbrequ'ilsontereuse), который служит гробом. Последний с молитвой привязывают виноградной лозой к высочайшей ветви какого-нибудь большего дерева. Они привешивают также оружие и одежду усопшего...» [Ламберти 1877: 212].

В следующем – XVIII столетии сходную процедуру захоронения в своих путевых заметках описал француз Ферран: «Они (черкесы – авт.) оказывают большое почтение к телам умерших отцов и других родственников, которых ставят в деревянных гробах на высокие деревья» [Ферран 1974: 112].

Общекавказские истоки подобной ритуальной практики отмечены в «Истории Грузии» Д. Багратиони: «В древние времена грузины не зарывали в землю тела умерших, а выставляли оные на деревьях, что самое донныне видят у абхазцев» [Багратиони 1971]. Аналогии можно найти в культурах народов Сибири и Дальнего Востока. Например, в героическом эпосе тюрков Саянского нагорья на вершинах гор воздушным способом хоронили умерших богатырей [Монгуш 2005: 148], а негидальцы традиционно подвешивали на деревьях гроб с умершим ребенком [Березницкий 2005: 100].

Вернемся к песне-плачу об Адиюх, и второму, упомянутому в ней, способу захоронения – наземному (на поверхности земли). Этот «способ обращения с умершим» обычно называют «оставлением». Единичное описание его принадлежит академику И.-А. Гюльденштедту, который «нашел в одном из сводов шесть покойников... Эта традиция, называемая баргунка-кеханах или погребение неразложившихся тел, не сохранилась со времени сооружения этой гробницы... способ погребения отличается от обычного» [Клапрот 1974: 278]. Очевидно, что наземные гробницы могут быть исторически связаны с дольменами III тыс. до н.э., имеющими отношение к прото-абхазо-адыгской этнической культуре Причерноморья и низовьев Кубани. В дольменах содержались, как правило, вторичные погребения, кости хоронились после истления плоти, т.е. можно говорить об «оставлении» покойников.

Следуя логике песни, структурировавшей наш обзор, переходим к самому распространенному виду захоронения – подземному. Закапывание умершего в землю сопровождалось укладыванием тела в каменный ящик (кобанская культура VII-III вв. до н.э.), деревянную колоду/гроб (средние века) или заворачиванием в саван (или его разновидность – бычью шкуру). Видимо, такой способ погребения воспринимался как обеспечивающий наибольшую сохранность покойного. В заключительных строках кабардинской версии плача указывается самый предпочтительный вариант:

В медный гроб я тебя положил бы, моя Адиюх,

Но медного гроба у меня нет, моя Адиюх! [Народные песни... 1990: 439]

В другой версии песни говорится:

«Положу тебя в *железный* гроб, о, моя Адиух» [Кабардинский... 1936: 451].

Практически полная аналогия этому видна в аварской песне «Два друга»:

Не копайте могилы для друга моего,

Ибо я положу его в *серебряный* гроб [Далгат 1892: 68].

Разницу в подборе металла для гроба не стоит рассматривать как противоречия, они объясняются, скорее всего, попыткой авторов песен акцентировать свое отношение к покойному выбором наиболее дорогого и прочного материала. Археологические материалы Белореченских курганов Адыгеи, связываемые с адыгским этническим массивом, превращают фольклорный текст в достоверный источник. Там встречаются металлические гробы, склепанные из кусков листовой меди (всего их обнаружено три) [Левашева 1953: 166].

Результаты археологических изысканий в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии позволяют сделать вывод, что в средневековых адыгских захоронениях чаще «скелет лежал в выдолбленной колоде» [Нагоев 1987: 172] или гробу. Захоронения адыгов в деревянных колодах фиксируется и письменными источниками, начиная с XV в. В частности, Дж. Интериано на рубеже XV-XVI в. подробно описал способ изготовления зихами (черкесами) *бэн* (адыг.) – гробов: «...берут очень большое дерево и от самой толстой его части отрубают в длину, сколько следует, затем раскалывают надвое, очищают и вынимают из середины столько, чтобы поместилось тело вместе с частью принесенных даров» [Интериано 1974: 278]. Традиция погребения в гробах у некоторых адыгских субэтносов еще сохранялась вплоть до XIX в. В частности, Г.-Ю. Клапрот отмечал, что «мертвых кладут в гроб, сделанный из досок, таким образом, чтобы тело было обращено головой к Мекке» [Клапрот 1974: 264]. Литературные источники по черкесам коррелируются с дагестанским фольклорными текстами: «Положите меня в любимый красный сундук» [Антология... 1958: 311], который выбирается героиней песни, как красивый, крепкий, ценный аналог деревянного гроба.

Захоронения в саване представляет собой оборачивание тела в белое полотно, которое «после песнопений в честь умершего и своего рода надгробного слова...» [Монпере 1974: 451] «опускают без гроба в могилу; иногда устраивается нечто вроде свода из ветвей деревьев, который затем засыпают землей» [Бларамберг 1974: 389]. Подобный способ с укреплением позиций ислама вытеснил остальные и на сегодняшний день является доминирующим на Северном Кавказе. За два столетия он настолько укоренился в народном сознании, что вызывает полное отторжение всех остальных способов, фиксируемых фольклорными источниками, письменными свидетельствами и археологическими материалами.

Обозначенные виды захоронений, таким образом, были довольно распространенным явлением среди адыгских субэтносов с древнейших времен до XVII-начала XVIII вв. Но, видимо, воздушные и наземные склеповые захоронения применялись не к каждому умершему, а к исключительным людям (убитым молнией или принадлежавшим к местной элите). В отличие от них

деревянная колода в качестве гроба при подземном захоронении являлась повсеместным атрибутом погребения вплоть до конца XVIII в.

Надгробные сооружения. Песня об Адиух, взятая для обозначения канвы нашего обзора, завершается обещанием поставить на могиле памятник и надписать на нем «письмена золотые». Вопрос о надгробных сооружениях и памятных знаках на могиле можно рассматривать начиная с *дольменов* середины III тыс. до н.э. и связываемых с абхазо-адыгским этническим массивом. Дольмены подробно описаны многими путешественниками и исследователями, в т.ч. Дж. Лонгвордтом [Лонгвордт 1974: 542], Дж. Беллом [Белл 1974: 459], К. Кохом [Кох 1974: 623], Т. де Мариньи [Мариньи 1974: 318]. Встречаясь в Прикубанье в качестве пережиточных форм и в более позднее время, дольменообразные погребальные сооружения доказывают устойчивость глубокой древней традиции в местной культуре всего Северо-Западного Кавказа.

Студенческая этнографическая экспедиция Кабардино-Балкарского государственного университета в 2016 году зафиксировала большое количество дольменов различной степени сохранности в шапсугских селах Лазаревского района Краснодарского края. Некоторые из дольменов находятся прямо во дворах жилых усадеб, другие – в глубине лесных массивов неподалеку от аулов, третьи – стали популярными туристическими достопримечательностями. Сельские и лесные дольмены не подвергаются никакой реставрации, но и не уничтожаются. Местные жители относятся к ним как к захоронениям предков: с уважением, но без излишней аффектации, не превращая их в культовые объекты.

Фото 1. Лесной дольмен недалеко от с. Шхафит Лазаревского района Краснодарского края. Шапсугия. Этнографическая экспедиция КБГУ. 2016 г.

Фото 2. Дольмен в пределах жилой усадьбы. Шапсугия. Этнографическая экспедиция КБГУ. 2016 г.

Другим памятным знаком на могиле является курган – специально построенное сооружение над могилой. Курганы бывают различной высоты. Например, встречаются позднесредневековые кабардинские курганы, современная высота которых находится в пределах одного метра. Отличительной их особенностью является каменный кромлех в основании, или каменная выкладка на вершине («кхъэсей» – надмогильный холм герою, поярусно обложенный камнями [Шортанов 1992: 21-22]). Аналогичные археологические

памятники Черкесии, датируемые XIV-XVI вв. также представляют собой многочисленные могильники, состоящие из нескольких десятков небольших круглых или овальных в плане курганов (диаметром до 10 метров, высотой не более 1 – 1,2 м) [Алексеева 1960: 36]. Таким образом, в кургане заключена идея «каменной возвышенности» (горы), которая и после вытеснения языческих курганных захоронений мусульманскими могилами будет экстраполирована в традицию, засвидетельствованную К. Кохом в XIX в., приносить «большое количество земли, чтобы сделать могильный холм как можно выше» [Кох 1974: 623], а сверху него установить поминальный камень.

Вообще, в традиционном адыгском восприятии любой «бугор означает место погребения» [Лукка 1974: 72], своеобразный «след» захоронения. И «чем важнее был умерший, тем выше и больше насыпается этот холм...» [Интерьяно 1974: 52]. Данное наблюдение Дж. Интерьяно подтверждал позже (в начале XVII века) Дж. да Лука [Лукка 1974: 72] и еще позже – в XIX веке – К. Кох [Кох 1974: 623]. Хан-Гирей пишет о месте захоронения своих родителей буквально следующее: «... равнина, среди которой находится курган, на котором возвышается гробница (из белого камня) Султана Мгамет-Гирея и его жены, отца и матери сочинителя этих записок. На большой дороге, мимо кургана проложенной, стоит и каменный памятник покоящихся в сей гробнице» [Хан-Гирей 1992: 77-78]. Таким образом, налицо совмещение в адыгском мусульманском захоронении сразу всех возможных памятных знаков: курган, гробница, надгробие.

Древность традиции сооружения кургана на месте захоронения выдающихся воинов (позднее представителей знати) подтверждается археологическими материалами и данными фольклорных источников. Достаточно вспомнить курганные погребения Майкопской археологической культуры, а также традиционные погребальные сооружения северокавказской культуры – курганы [Крупнов 1957: 76]. На территории современной Кабардино-Балкарии на конечном этапе кобанской археологической культуры в предгорьях и на равнине опять же преобладают погребения в курганах. В дальнейшем огромные курганы и монументальные каменные склепы отличают захоронения синдских правителей (курганы Большая и Малая близницы, курганы на Васюринской горе, Семибратние курганы...) [Крупнов 1957: 163].

Нартский эпос также фиксирует единственный способ обозначения места захоронения членов нартского общества – курганный [Гугова и др. 2017]. Одно из последних упоминаний о соблюдении обычая подкурганых погребений знати в Кабарде встречается в русской исторической хронике. В 1746 г. верховный князь Кабарды Асланбек Кайтукин, будучи в поле, упал с лошади и умер. Его похоронили на месте гибели и насыпали большой курган [Марзей 2004: 100].

Наиболее крупные курганы Северо-Западного и Центрального Кавказа часто носили имя собственное, и с ними связывались пояснительные предания. Правда, ни одного женского имени кургана не зафиксировано, но это не означает отсутствия женских подкурганых захоронений. Так, в средневековом кабардинском могильнике у сел. Лечинкай преобладающее число курганов содержат, судя по могильному инвентарю, женские захоронения. По крайней мере, 6 из 11 – женские, 2 – мужские, остальные не определены [Нагоев 1987: 186]. При этом могильный инвентарь женских захоронений более богатый: украшения, пряжки, бляшки, пуговицы, серьги и т.д. [Нагоев 1987: 191] Часто встречаются ножницы – эквивалент мужского холодного оружия.

Можно предположить, что изначально не дифференцированные по гендерному или возрастному признакам, курганы со временем превратились в чисто мужские элитные захоронения. Описывая одну из малокабардинских гробниц, Г.-Ю. Клапрот подметил, что «... вокруг нее имеется еще около 100 небольших холмов земли, т.н. бугры, которые, вероятно, были могилами слуг князей, лежащих в гробнице» [Клапрот 1974: 279-280]. Большое число невысоких насыпей рядом с более значительной по размерам можно рассматривать как саттелиты, или «курганы-спутники», которые, как правило, содержат в себе многочисленные небогатые захоронения.

Курганы могли выступать своего рода кенотафами – памятниками над символической могилой, не содержащей останков. Таковым является, например, один из средневековых кабардинских курганов из могильника у сел. Чегем II в 3-х км от левого берега реки Чегем, датируемый ориентировочно XIV – XV вв. В гробу, посередине, вместо костяка лежали 2 железных стержня, рядом с гробом – сабля, колчан и стрелы. Эта курганная насыпь выделяется в сравнении со средними для данного могильника размерами: высота 2,5 м (против 0,6-0,7 м), диаметр 30 м (против 6-8 м). Инвентарь значительно богаче

в сравнении с соседними курганами: сабля, 2 железных стержня, остатки кожаного колчана со сложными аппликационными узорами, 87 наконечников стрел (максимальное из найденных в аналогичных курганах) [Нагоев 1987: 173]. Самый крупный курган (высотой 6,4 м, диаметром 50м) другого могильника у сел. Чегем II (в 2-х км к северо-востоку от селения), функционировавший в более поздний период – верхняя граница XVII век – так же не содержит никаких следов погребения [Нагоев 1987: 172], что говорит о его вероятном мемориальном характере. Этот последний «ложный» курган от описанного ранее отличает и отсутствие погребального инвентаря, что может говорить об интересном процессе – более древние кенотафы в действительности могли быть «захоронением» вещей для отправки к покойным сородичам [Жамбалтанова 2005: 120], но со временем превратились просто в памятный знак.

Еще одним способом внешнего оформления могилы можно считать *мавзолей* (гробницу, склеп), часто сооружаемый на возвышенном месте или кургане. «Для могил знатных людей выбирают возвышенные места или насыпают курганы, на коих строят надгробные памятники из дикого камня продолговатыми и совершенными 4-х, 5-и, 6-ти, 7-и, 8-угольниками» [Броневицкий 1823: 87]. Подобные усыпальницы из тесаного камня до сих пор часто встречаются в горной Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии. Так, ингушский этнограф, просветитель Чах Ахриев в конце XIX в. упоминал их как могилы влиятельных ингушей в доисламский период. Он описывал мавзолеикаши как «памятники для умерших лиц, отличающиеся вообще прочностью и красотой отделки, встречаются и у других горских племен, например у адиге, у которых они носят название «кешане» [Ахриев 1870: 28].

Много мавзолеев кабардинских князей наблюдал на западной стороне Баксана И.-А. Гюльденштедт [Гюльденштедт 1974: 204], а также Г.-Ю.Клапрот [Клапрот 1974: 279-280]. По мнению исследователя И.М. Мизиева, склеповые сооружения Кабарды содержат уже мусульманские захоронения XVIII – начала XIX вв. (у сс. Заюково, Гунделен, Лечинкай, Чегем II, Баксаненок и в Малой Кабарде) [Мизиев 1970: 54]. Эпиграфические надписи на мавзолеях свидетельствуют, что подобные памятные знаки имели ярко выраженный сословный характер: кабардинские мавзолеи приходят на смену курганным захоронениям, некоторое время сосуществуя с ними. Для их сооружения принципиальное значение имел и половозрастной фактор покойного, что подтверждается незначительным количеством женских мавзолеев и отсутствием детских. Интересно, что и подкурганных детских захоронений из числа средневековых кабардинских могильников, исследованных на новостройках Кабардино-Балкарии в 70-ые годы прошлого века, сохранилось незначительное количество (5 из 219) и все они отличаются или скудным инвентарем, или его отсутствием.

Могилу можно было обозначить также с помощью *надгробия* (балкар-карачаевское название – *сын таш*, чеченское – *чурт*, общеадыгское – *мывэ сын*). Наиболее распространенным материалом надгробий был камень, которому отдавалось предпочтение в силу его долговечности. Однако,

достаточно часто в адыгской практике использовалось и дерево. Самый простой способ оформления могилы – *камень в изголовье*. Естественно, что не все могли позволить себе гробницу и богато орнаментированное надгробие, поэтому могила бедняка была нередко обозначена необработанным камнем, валуном, иногда несколькими. Г.-Ю. Клапрот видел кабардинские «могилы, покрытые грудой камней или плохими каменными сооружениями» [Клапрот 1974: 280].

Подобное указание на захоронение было обязательным не только как символ памяти, но и как запретительный знак (табу) на нарушение его целостности. Камень, не применявшийся широко для жилых и хозяйственных построек, использовался для обозначения могил или для обрамления кургана.

Адам Олеарий, побывавший в Кабарде в 30-х годах XVII в., поражался тому, что «их гробницы и дома, устроенные для покойников, гораздо великолепнее и ценнее, чем жилища живых» [Олеарий 1974: 85], надмогильные сооружения, по мнению Э. Кемпфера «гораздо роскошнее, чем их жилые дома» [Кемпфер 1974: 117]. Это наблюдение подтверждает тот факт, что поражавший практически всех исследователей традиционной адыгской культуры аскетизм, который ярко проявлялся как в материальной, так и в поведенческой сфере, не распространялся на мертвых.

Повседневным материалом для изготовления основных элементов жилища и бытовых предметов: домашней утвари, лаконичной мебели обычно было дерево. Оно же часто встречается в надгробных памятниках простого населения Черкесии. Из-за своей недолговечности деревянные надгробия не сохраняются более 50 лет, хотя вблизи современных могил мы находили поваленные или просевшие деревянные памятники, примерный возраст которых определяется в пределах 70-80 лет.

Фото 3. Старые деревянные надгробия с. Хатуей Лескенского района КБР. Фото авторов, апрель 2018 г.

Попытка удлинить память о предках прослеживается в значительном количестве кабардинских, черкесских и адыгейских памятников, изготовленных в камне, а также оформлении разных типов погребений камнем: курганным кромлехом, каменной гробницей (мавзолеем), декорированным каменным надгробием.

При проведении комплексного археолого-этнографического исследования погребального обряда следует обратить внимание на характерные особенности кладбищ. Во-первых, если около населенного пункта имеется возвышенность – то кладбище устраивается на ней. Во-вторых, равнинные кладбища часто формируются вокруг античного или средневекового кургана, если таковой имеется. Так, например, три из четырех кладбищ с. Урух группируются вокруг курганов.

Фото 4. Курган в центре одного из кладбищ с. Урух КБР. Фото авторов. Апрель 2018 г.

Некоторые восточно-кабардинские кладбища содержат в себе реплики родовых склепов в виде ограждений для семейных некрополей, напоминающих стены мавзолея без крыши. Больше всего их в селах, пограничных с Осетией.

Фото № 5. Ограждение семейных захоронений в виде мавзолея в с. Урух КБР. Фото авторов. Апрель 2018 г.

В-третьих, кладбища кажутся наполовину пустыми, при более пристальном обзоре угадываются следы могильных холмиков, вблизи которых находятся полуистлевшие, растрескавшиеся деревянные надгробия небольшого размера и разрозненные остатки каменных монументов.

В-четвертых, прослеживается традиция двойного надгробия: установление в момент захоронения деревянного надгробия, которое со временем дополняется и сосуществует с каменным аналогом – более прочным и капитальным.

Фото 6. «Двойное надгробие»: временное деревянное и капитальное каменное на кладбище с. Урух КБР. Фото авторов. Апрель 2018 г.

На подавляющем большинстве обследованных адыгских кладбищ обращают на себя внимание ряды кенотафов, установленных в память о жертвах репрессий 1930-х гг. и погибших на фронте в годы Великой

Отечественной войны. Формы сельских кенотафов повторяют традиционные надгробия и зачастую лишены индивидуальности, сделаны по шаблону, стоят в одном-двух рядах, тесно друг к другу.

Фото 7. Кенотафы погибшим в годы ВОВ на вольноаульском кладбище г. Нальчика. Фото авторов. Апрель, 2018г.

Фото 8. Кенотаф у с. Куркужин Баксанского района КБР. Этнографическая экспедиция КБГУ. Июнь, 2017 г.

В селении Куркужин Баксанского района КБР вдоль дороги стоят редкие одиночные кенотафы. Судя по свидетельствам местных жителей¹, памятники изготовлены задолго до установления советской власти. Об этом говорит и состояние камня, его геометрическая орнаментика, украшение в виде газырей, эпиграфическая надпись на арабском языке.

¹ Информатор – Хежева Раиса Кужбиевна, 1934 г.р., с. Куркужин

За кенотафами продолжают ухаживать, как это показано на *Фото 9*, оградив его от дороги и соорудив над ним навес.

Фото 9. Огороженный кенотаф в форме кинжала у с. Куркужин Баксанского района КБР. Этнографическая экспедиция КБГУ. Июнь, 2017 г.

Одновременные надгробные монументы узнаваемы по почерку мастера. Как видно, в селе был только один специалист по изготовлению памятников. Разнообразие обеспечивалось обращением к мастерам из соседних аулов: отличный по оформлению памятник имеет частые аналоги на кладбищах окрестных сел.

Даже в относительно едином в культурном отношении адыгском мире, существуют региональные отличия в оформлении надгробных памятников. Среди них явно выделяются два типа надгробных сооружений: первый, актуальный до сих пор в Кабарде и Черкесии. Второй тип мы наблюдаем на шапсугских кладбищах в Северном

Причерноморье и у шапсугов и абадзехов Израиля. Для восточно-черкесских надгробных памятников характерен небольшой могильный холм, оформленный у изголовья каменным монументом высотой с человеческий рост. Представители простого крестьянского сословия зачастую довольствовались их деревянным аналогом. Типичные формы надгробий – арочные (заваленные) и антропоморфные – известны, по меньшей мере, с XVIII в. Первые связывались с женскими погребениями, вторые – с мужскими [Кузнецова 1982]. Явно антропоморфные формы мужских надгробий в некоторых случаях приобретают отчетливо выраженное сходство с холодным оружием – мечом или кинжалом, как на *Фото 9*.

Однако в течение последних ста лет выбор формы памятника постепенно становится все более произвольным. Женские памятники определяются их орнаментацией яркими элементами женской одежды. Чаще всего это изображения серебряного нагрудника, эскиза традиционного женского костюма.

Фото 10. Женское надгробие на кладбище с. Урух КБР. Фото авторов. Апрель, 2018 г.

Фото 11. Мужское надгробие на кладбище с. Урух КБР. Фото авторов. Апрель, 2018 г.

Кроме этого женское надгробие может быть маркировано предметами главной женской сферы деятельности, связанной с шитьем и вышиванием: ножницами, катушкой ниток с иголкой. Изображения на надгробиях изменяются очень медленно в зависимости от новых бытовых занятий или гендерных атрибутов. Так, с конца XIX века на памятниках появляются национальная гармошка и даже швейная машинка. В середине XX в. встречаются единичные изображения зонтика, книги, вазочки с цветами.

Мужское надгробие обозначается по аналогии – изображением газырей или мужской черкески, а также холодным оружием.

В XIX в. набор «мужских» атрибутов дополняется огнестрельным оружием, эскизом карманных часов на цепочке, даже – кошелек. Мужской образ ассоциируется в традиционной культуре с папахой – непременным аксессуаром мужского костюма [Текуева 2006]. Среди изображений на памятнике папаха встречалась нам однажды. Но во время экспедиции в кабардинские села Коголкино и Хатуей Лескенского района КБР мы видели надгробия, вырезанные из дерева, навершия которых повторяли форму традиционного мужского головного убора. Деревянные монументы антропоморфной формы высотой 1,5 – 1,8 м изготавливались из цельного куска ствола, квадратными в основании (0,25 X 0,25 м). Навершия в виде папах

посажены на «шею». Гендерную маркировку усиливают соседствующие с ними женские надгробия, идентичные во всем первым, но с круглым навершием-головой (Фото № 12-13).

Фото 12. Деревянное мужское надгробие с навершием в виде папахи на кладбище с. Хатуей КБР. Фото авторов, апрель 2018 г.

Фото 13. Деревянное женское надгробие с круглым навершием-головой на кладбище с. Хатуей КБР. Фото авторов. Апрель, 2018 г.

Общими элементами старых надгробий на действующих кладбищах является мусульманская атрибутика: сверху – полумесяц со звездой, внизу – коврик-намазлык, кувшин-кубган, тазик для омовений, иногда четки. Надгробие украшается по периметру декоративным орнаментом, чаще всего растительного характера или арабской вязью, но в отличие от дагестанских памятников последняя не очень густая и не заполняет всей поверхности камня. Большинство надгробий содержит лаконичные надписи на арабском, реже турецком языке. Эти надписи не всегда информативны, просто содержат кораническую фразу, скопированную, возможно, безграмотным мастером. Начиная с 20-х годов XX в. арабские надписи на кабардинских памятниках разбавляются кабардинским или русским текстом со сведениями о покойном.

Фото 14. Памятник 1-ой половины XX в. с арабской надписью и русским текстом из с. Хатуйей КБР. Фото авторов. Апрель, 2018 г.

Облик шапсугских могил и надгробных памятников отличается локальными особенностями. Форма могильного холма напоминает лодку: могила обрамляется двумя рядами тесанного или речного камня высотой примерно 30-40 см., заполняется доверху землей и обозначается двумя невысокими плоскими камнями: у изголовья – плита повыше с надписью и гендерно-маркированными изображениями, в ногах – столбик пониже.

Фото 15. Шапсугское кладбище с. Калеж Лазоревского района Краснодарского края. Этнографическая экспедиция КБГУ. 2016 г.

Фото 16. Шапсугское кладбище с. Калеж Лазоревского района Краснодарского края. Этнографическая экспедиция КБГУ. 2016 г.

Традиции шапсугского способа оформления могилы сохранились в двух черкесских селах Израиля – шапсугской Кфар-Каме и абадзехской Рихании. Эти села были образованы в результате вытеснения в ходе Кавказской войны на Ближний Восток коренного населения Прикубанья и Северного Причерноморья. Старые могилы на их сельских кладбищах разрушаются от времени, и специально не восстанавливаются. Местные жители ссылаются на неписанный закон предков: «хэКӀудэжын хуещ» («когда-нибудь могилы должны сравняться с землей»). Все могилы, даже современные, выглядят единообразно, и большинство из них не отмечено эпитафическими надписями и орнаментикой. Кладбища посещаются для коллективных молений за усопших, но только мужчинами в праздники. Таким образом, у зарубежных адыгов сохранилась традиция почитания родовых кладбищ без утрирования персонального места погребения.

Фото 17. Старое кладбище в абадзехском селении Рихания, Израиль. Фото авторов. Февраль, 2018 г.

Отношение к надгробию как временной метке на могиле, которая должна исчезнуть под воздействием времени и природы, как видно из сказанного выше, проявляется у российских адыгов: упавшие надгробия не восстанавливаются, уход за родными могилами становится правилом лишь в последние 25 – 30 лет. Становится возможным оформление памятника фотографией умершего. Тогда же кладбища «открылись» для посещений женщинами.

Почитание сельских захоронений у российских адыгов до недавнего времени выражалось в обязательном возвращении покойного в родовое село, где бы не наступила его смерть. В последние два-три десятилетия эта традиция угасает, в силу того, что в городах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи живет уже второе – третье поколение выходцев из сел. Но часто именно кладбище становится главным выражением связей с родовым гнездом, абстрактным местом памяти.

Таким образом, в статье представлен краткий обзор исторической смены представлений адыгов / черкесов об оформлении места погребения и обозначении места памяти. Эти перемены, незаметные в повседневном существовании этнического сообщества, заняли несколько тысячелетий, но видны только в исторической ретроспективе. Материальные элементы погребального обряда видоизменились от монументальных сооружений (дольменов, курганов, мавзолеев) до лаконичных каменных (деревянных) антропоморфных и арочных изваяний. С XVIII в. на них вырезают эпиграфические надписи на арабском алфавите, а с распространением грамотности в 20-х гг. XX в. – арабский стих их Корана становится номинальным оформлением и вытесняется на периферию памятника русской надписью с именем и годами жизни покойного. Памятные надгробия сложно вписать в принятую классификацию по форме его верхней части, т.к. его выбор стал произвольным в соответствии с религиозными и эстетическими предпочтениями заказчика.

Несмотря на современную текстовую персонализацию памятника, традиция его оформления гендерной атрибутикой сохраняется вплоть до конца XX в. Внешний – материальный – знак на могиле приобретает более интимный характер, в то время, как кладбище остается социальным знаком родственных и общинных связей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеева 1960 – *Алексеева Е.П.* О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960. – 70 с.

Антология... 1958 – *Антология аварской поэзии* / сост. М.Магомедов. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1958. (на авар.яз.).

Ахриев 1870 – *Ахриев Ч.* Похороны и поминки у горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1870. – С. 28-32.

Багратиони 1971 – *Багратиони Д.* История Грузии // Сайт «Восточная Литература». URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Bagratiioni/frameset1.htm> (дата обращения: 16.08.2018)

Белл 1974 – *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. (АБКН) / Сост., ред. пер., введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 458-530.

Березницкий 2005 – *Березницкий С.В.* Вера и ритуалы коренных народов юга Дальнего Востока: этнокультурные компоненты и современное состояние. Дисс. на соис. уч. ст. доктора ист. наук. – Владивосток, 2005. – 460 с.

Бларамберг 1974 – *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 353-434.

Броневский 1823 – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе: в 2-х ч. Ч. 2. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – 485 с.

Гугова и др. 2017 – *Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А.* Погребение и его место в адыгской традиционной культуре // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 6. – С. 9-13.

Гюльденштедт 1974 – *Гюльденштедт И.-А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 203-208.

Далгат 1892 – *Далгат Б.К.* 12-ть цудахарских песен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1892. Вып. XIV. Отдел Второй. – С. 9-72.

Дюмезиль 1990 – *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. – М.: Наука, 1990. – 231 с.

Жамбалтанова 2005 – *Жамбалтанова Е.Д.* Погребальные обряды населения Забайкалья в эпоху неолита – раннего бронзового века. Автореферат на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2005. – 28 с.

Интерриано 1974 – *Интерриано Д.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 43-52.

Кабардинский... 1936 – *Кабардинский* фольклор / Под ред. Г.И. Бройдо. – М.: Академия, 1936. – 650 с.

Кемпфер 1974 – *Кемпфер Э.* Новейшие государства Казань, Астрахань, Грузия и многие другие, царю, султану и шаху платившие дань и подвластные... // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 113-118.

Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-280.

Кох 1974 – *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585-628.

Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 176 с.

Кузнецова 1982 – *Кузнецова А.Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 176 с.

Ламберти 1877 – *Ламберти А.* Описание Колхиды или Мингрелии // Сайт «Восточная Литература». URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVII/1640-1660/Lamberti/text.htm> (дата обращения: 16.08.2018).

Левашева 1953 – *Левашева В.П.* Белореченские курганы // Труды Государственного исторического музея. Археологический сборник / Под ред. проф. А.А. Брюсова. – Вып. XXII. – М.: Гос. Исторический музей, 1953. – С. 165-213.

Лонгвордт 1974 – *Лонгвордт Дж.* Год среди черкесов // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 531-584.

Лукка 1974 – *Лукка Дж.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люкка, монаха Доминиканского ордена. 1625 // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 68-72.

Марзей 2004 – *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «Зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 300 с.

Мариньи 1974 – *Мариньи Т.* Путешествия в Черкесию // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 291-321.

Мизиев 1970 – *Мизиев И.М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII-XVIII вв.). – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 88 с.

Монгуш 2005 – *Монгуш Ч.В.* Обряды как отражение традиционных верований тувинцев и хакасов в XIX-XX вв. Дисс. канд. ист. наук. – Абакан, 2005. – 202 с.

- Монпере 1974 – *Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 435-457.
- Нагоев 1987 – *Нагоев А.Х.* Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. – Нальчик: Эльбрус, 1987. Т. 3. – С. 170-241.
- Народные песни... 1990 – *Народные песни* и инструментальные наигрыши адыгов / Под ред. Е.В. Гишпиуса. – М.: Советский композитор, 1990. Т. 3. Ч. 2. – 488 с.
- Олеарий 1974 – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 82-85.
- Текуева 2006 – *Текуева М.А.* Ритуалы мужских инициаций в традиционной культуре адыгов // Культурная жизнь Юга России. – 2006. – № 2. – С. 21-24.
- Ферран 1974 – *Ферран.* Путешествие из Крыма в Черкесию, через земли ногайских татар в 1709 г. // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 109-112.
- Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 345 с.
- Шильтбергер 1974 – *Шильтбергер И.* Путешествия Иоганна Шильтбергера по Европе, Азии, Африке с 1394 г. по 1427 г. // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 37-40.
- Шортанов 1992 – *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 162 с.

REFERENCES

- AKHRIEV Ch. *Pokhorony i pominki u gortsev* [Funerals and commemorations of the mountaineers]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of reports on the Caucasian mountaineers]. Iss. III. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1870. – P. 28-32. (In Russian)
- ALEKSEEVA E.P. *O chem rasskazyvayut arkheologicheskie pamyatniki Karachaevo-Cherkessii* [What the archaeological sites of Karachay-Cherkessia tells]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izd-vo, 1960. – 70 p. (In Russian)
- Antologiya avarskoi poezii* [Anthology of Avar Poetry] / Ed. by M.Magomedov. – Makhachkala: Dagest. kn. izd-vo, 1958. (In Avar).
- BAGRATIONI D. *Istoriya Gruzii* [History of Georgia]. IN: «Vostochnaya Literatura» website. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Bagrationsi/frames1.htm> (date of access: 16.08.2018). (In Russian)
- BELL Dzh. *Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837, 1838, 1839 gg.* [Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. (ABKIEA)* [Adyghes, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th – 19th centuries (ABKPEA)] / Ed. by V.K. Gardanov. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 458-530. (In Russian)
- BEREZNITSKII S.V. *Verovaniya i rituality korennykh narodov yuga Dal'nego Vostoka: etnokul'turnye komponenty i sovremennoe sostoyanie. Diss. na sois. uch. st. doktora ist. nauk* [Beliefs and rituals of the indigenous peoples of the south of the Far East: ethnocultural components and the current state. Abstract of the thesis for a Doctor of historical sciences degree]. – Vladivostok, 2005. – 460 p. (In Russian)
- BLARAMBERG I.F. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza* [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 353-434. (In Russian)
- BRONEVSKII S.M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie svedeniya o Kavkaze: v 2-kh ch. Ch. 2* [The latest geographical and historical information about the Caucasus: in 2 parts. Part 2]. – М.: Tip. S. Selivanovskogo, 1823. – 485 p. (In Russian)
- DALGAT B.K. *12-t' tsudakharskikh pesen* [Twelve tsudahar songs]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze, 1892. Iss. XIV. Second part. – P. 9-72. (In Russian)

- DYUMEZIL' Zh. *Skify i narty* [Scythians and narts]. – M.: Nauka, 1990. – 231 p. (In Russian)
- FERRAN. *Puteshestvie iz Kryma v Cherkesiya, cherez zemli nogaiskikh tatar v 1709 g.* [Travelling from the Crimea to Circassia, through the lands of the Nogai Tatars in 1709]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 109-112. (In Russian)
- GUGOVA M.Kh., NAL'CHIKOVA E.A., TEKUEVA M.A. *Pogrebenie i ego mesto v adygskoj traditsionnoi kul'ture* [Burial and its place in the Adygs traditional culture]. IN: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki.* – 2017. – No. 6. – P. 9-13. (In Russian)
- GYUL'DENSHTEDT I.-A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 203-208. (In Russian)
- INTERIANO D. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami* [Every day life and country zikhs, called Circassians]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 43-52. (In Russian)
- Kabardinskii fol'klor* [Kabardian folklore] / Ed. by G.I. Broido. – M.: Akademiya, 1936. – 650 p. (In Russian)
- KEMPFER E. *Noveishie gosudarstva Kazan', Astrakhan', Gruzija i mnogie drugie, tsaryu, sultanu i shakhu plativshie dan' i podvlastnye...* [Newest states Kazan, Astrakhan, Georgia and many others, who pay tribute and are subservient to the tsar, the sultan and the shah ...]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 113-118. (In Russian)
- KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 345 p. (In Russian)
- KLAPROT G.-Yu. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey to the Caucasus and Georgia in 1807-1808]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 235-280. (In Russian)
- KOKH K. *Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskie zemli* [Travel through Russia and the Caucasus lands]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 585-628. (In Russian)
- KRUPNOV E.I. *Drevnyaya istoriya i kul'tura Kabardy* [Ancient history and culture of Kabarda]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. – 176 p. (In Russian)
- KUZNETSOVA A.Ya. *Narodnoe iskusstvo karachaevtsev i balkartsev* [Folk art of Karachai and Balkars]. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 176 p. (In Russian)
- LAMBERTI A. *Opisanie Kolkhidy ili Mingrelii* [Description of Colchis or Mingrelia]. IN: «Vostochnaya Literatura» website. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVII/1640-1660/Lamberti/text.htm> (date of access: 16.08.2018). (In Russian)
- LEVASHEVA V.P. *Belorechenskie kurgany* [Belorechensk mounds]. IN: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Arkheologicheskii sbornik* [Proceedings of the State Historical Museum. Archaeological collection] / Ed. by prof. A.A. Bryusova. – Iss. XXII. – M.: Gos. Istoricheskii muzei, 1953. – P. 165-213. (In Russian)
- LONGVORDT Dzh. *God sredi cherkesov* [A Year among the Circassians]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 531-584. (In Russian)
- LUKKA Dzh. *Opisanie perekopskikh i nogaiskikh tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de Lyukka, monakha Dominikanskogo ordena. 1625* [Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrels and Georgians of Jean de Lucca, a monk of the Dominican Order. 1625]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 68-72. (In Russian)
- MARIN'I T. *Puteshestviya v Cherkesiya* [Travels to Circassia]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 291-321. (In Russian)
- MARZEI A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo – «Zekue» (Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoi polovine XIX v.)* [Circassian horsemanship – "Zekue" (From the history of the military life of Circassians in the 13th – first half of the 19th century)]. – Nal'chik: El'-Fa, 2004. – 300 p. (In Russian)

MIZIEV I.M. *Srednevekovye bashni i sklepy Balkarii i Karachaya (XIII-XVIII vv.)* [Medieval towers and crypts of Balkaria and Karachai (13th-18th centuries)]. – Nal'chik: El'brus, 1970. – 88 p. (In Russian)

MONGUSH Ch.V. *Obryady kak otrazhenie traditsionnykh verovaniy tuvintsev i khakasov v XIX-XX vv. Diss. kand. ist. nauk* [Rites as a reflection of the traditional beliefs of Tuvinians and Khakas in the 19th – 20th centuries. The dissertation for the Candidate of historical sciences degree]. – Abakan, 2005. – 202 p. (In Russian)

MONPERE F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhaztsam, v Kolkhidiyu, Gruziiyu, Armeniyu i v Krym* [Journey through the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Colchia, Georgia, Armenia and the Crimea]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 435-457. (In Russian)

NAGOEV A.Kh. *Itogi raskopok kabardinskikh kurganov na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972-1977 gg.* [The results of the excavations of the Kabardian mounds on the new buildings of Kabardino-Balkaria in 1972-1977]. IN: *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972-1979 gg.* [Archaeological research on new construction sites of Kabardino-Balkaria in 1972-1979]. – Nal'chik: El'brus, 1987. Vol. 3. – P. 170-241. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental melodies of the Adyghe] / Ed. by E.V. Gippiusa. – M.: Sovetskii kompozitor, 1990. Vol. 3. Part 2. – 488 p. (In Russian)

OLEARII A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of travelling to the Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 82-85. (In Russian)

SHIL'TBERGER I. *Puteshestviya Ioganna Shil'tbergera po Evrope, Azii, Afrike s 1394 g. po 1427 g.* [Johann Schiltberger's travels around Europe, Asia, Africa from 1394 to 1427]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 37-40. (In Russian)

SHORTANOV A.T. *Adygskie kul'ty* [Adyghe cults]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 162 p. (In Russian)

TEKUEVA M.A. *Ritualy muzhskikh initsiatsii v traditsionnoi kul'ture adygov* [Male initiation rituals in the traditional culture of the Adyghe]. IN: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. – 2006. – No. 2. – P. 21-24. (In Russian)

ZHAMBALTANOVA E.D. *Pogrebal'nye obryady naseleniya Zabaikal'ya v epokhu neolita – rannego bronzovogo veka. Avtoreferat na soisk. uch. st. kand. ist. nauk* [The funeral rites of the Transbaikalia populace in the Neolithic – early Bronze Age. Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Ulan-Ude, 2005. – 28 p. (In Russian)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 332.12

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-93-128

**ЭКОНОМИКА КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ****А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»,
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка представить «очищенную» от конъюнктурных колебаний картину устойчивых параметров региональной экономики, структурных факторов долгосрочной экономической динамики, состояния и проблем инвестиционного и инновационного потенциала, а также дать оценку фактора неоднородности экономического пространства современной Кабардино-Балкарии с двойной целью – приблизиться к объяснению фактического состояния дел, и обозначить ориентиры в этой сфере для власти и общества. Методика анализа построена на сравнении показателей экономики КБР не с усредненными данными по РФ или Северо-Кавказскому федеральному округу, а с регионом, в принципе сопоставимым с ней по масштабам, ресурсам и структуре экономики, но одновременно существенно отличающимся от нее в лучшую сторону по показателям результативности – с Калужской областью. Исследование показало, что базовыми факторами актуального депрессивного состояния экономики республики и, одновременно, факторами, затрудняющим выход из этого состояния являются весьма малые масштабы и отсталая структура ее производственного потенциала. В республике потребляется больше, чем производится. Отсюда – модель экономического поведения, настроенная на получение средств из федерального бюджета и способствующая поддержанию питательной среды для коррупции и теневой экономики. В свою очередь, указанная совокупность обстоятельств практически не оставляет резервов для накопления, поддерживая вялую инвестиционную активность, низкие темпы и консервативную структуру обновления основных фондов, ослабленные стимулы мобилизации и развития инновационного потенциала. Сравнительно высокие показатели плотности экономического пространства сочетаются с его выраженной неоднородностью. Перспективы пространственного развития Кабардино-Балкарии связаны с наращиванием агломерационных характеристик и логистических функций центральной части ее территории. Обобщение результатов обсуждения путей разрешения проблем экономики региона приводит к заключению, что, прежде всего, должны быть задействованы социально-политические ресурсы регионального развития – способность общества предъявить запрос на осуществление эффективной политики экономической модернизации и способность власти воплотить этот запрос в стратегический проект, выступив перед федеральным центром в качестве носителя собственной политической воли.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика; экономика; общие параметры; структура; сравнительный анализ; основные производственные фонды; инвестиции; инновации; экономическое пространство; социально-политические факторы.

THE KABARDIN-BALKAR REPUBLIC'S ECONOMY AND ITS PROBLEMS

A.H. BOROV

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Abstract. In the article an attempt is made to represent persistent trends and structural determinants of the long-term economic performance of the Kabardin-Balkar Republic, describe its investment and innovative capacity, and assess the regional economic space diversity in order to achieve the double objective – to get nearer to the explaining the real state of affairs and provide for both government and society some benchmarks in this sphere. The analysis is based on the comparison of the republican economic indicators not with the average data on Russian Federation or North-Caucasus federal district economies, but with those of the region comparable with the KBR in the scope, resource base and the structure of economy while differing essentially to the better in economic performance – that is Kaluga oblast. Analysis reveals that the basic factors, determining the actual depressed state of the regional economy are its small scope and backward structure of its production capacities. High consumption and poor production levels determinate the aspiration to receive more federal budget funds and endure the breeding ground for corruption and illicit economy. The combination of the aforementioned factors decelerates accumulation of capital and investing, undermines the development of innovative potential, and preserves slow economic renovation. The high level of economic spaces' density goes hand in hand with its visible diversity. The prospects of region's spatial development are tied to the further upbuilding of agglomerative characteristics and logistic capacities of the central part of its territory. The summing up of the discussions of the ways of solving the region's economic problems leads to the conclusion on the primary need to activate socio-political drivers of regional development – that are the society's ability to advance the request for effective policies of economic modernization and the republican government's ability to meet the popular aspirations and appear in the face of federal authorities as a bearer of self-sustained political will.

Key words: Kabardin-Balkar Republic; economy; general parameters; structure; comparative analysis; fixed production assets; investments; innovations; economic space; socio-political factors.

Введение

Общий контекст обсуждения вопросов социально-экономической ситуации и экономического развития Кабардино-Балкарской Республики в научной литературе определяется двумя основными положениями – констатацией, с одной стороны, наличия у республики необходимых ресурсов и конкурентных преимуществ, создающих возможности для успешного развития, а с другой – низких фактических и относительных показателей и длительного депрессивного состояния экономики [Казанчева 2009; Мамбетова, Маршанов 2010; Хуранова и др. 2010; Дикинов и др. 2010; Хуранова 2011; Хубиева, Мамбетова 2012; Галачиева и др. 2014].

К преимуществам относят: значительную долю населения, не достигшего трудоспособного возраста и, как следствие, потенциально высокую в

долгосрочной перспективе обеспеченность экономическими трудовыми ресурсами; 100-процентную газификацию населенных пунктов и наличие разветвленной дорожной сети, приближающейся по качеству к мировым стандартам; наличие значительного рекреационного потенциала и положительного опыта масштабного его использования; благоприятные природно-климатические условия для создания современного сельскохозяйственного производства с глубокой переработкой продукции, востребованной на российском и зарубежном рынках; наличие значительных запасов полезных ископаемых, продукты глубокой переработки которых востребованы на региональном и российском рынках [Куянцев, Кетенчиев 2009].

Другие исследователи, в дополнение к этому, приводят такие благоприятные факторы, как демографическая стабильность, существенное замедление миграционного оттока населения, сравнительно удовлетворительный качественный (образовательный) уровень трудовых ресурсов, но при этом указывают на противоположные тенденции – регион недостаточно обеспечен имущественными, финансовыми и инвестиционными ресурсами и [Нагоев 2010; Казанчева и др. 2014].

При комплексной оценке экономики Кабардино-Балкарской Республики специалисты констатируют, что по социально-экономическому положению она входит в группу регионов с крайне низким уровнем развития. Указывают на ее низкую конкурентоспособность: на 2010 г. регион занимал 81-е место – одно из последних среди субъектов РФ. В 2014 г. анализ приводит экономистов к выводу, что по основным социально-экономическим показателям СКФО находится на одном из последних мест среди округов федерации, КБР – практически на последнем месте по округу. При этом тенденции макроэкономического развития свидетельствуют, что республика идет по потребительскому типу развития – с более интенсивным ростом показателей потребления (хотя эти показатели гораздо ниже, чем в целом по РФ) по сравнению с показателями инвестирования в основной капитал. Давая сравнительную оценку предпосылок преодоления кризиса, ученые-экономисты делают вывод, что при сохранении сложившейся структуры экономики они слабее, чем у большинства других субъектов Российской Федерации [Нагоев 2010; Казанчева и др. 2014; Джанаева, Шидов 2009].

Обобщение имеющихся в экономической литературе суждений относительно путей и способов выхода экономики КБР из депрессивного состояния позволяет построить следующий алгоритм общественно-экономических решений и действий:

- Кабардино-Балкарская Республика относится к ряду тех регионов, которые не могут встать на путь устойчивого экономического роста и экономической модернизации за счет внутренних ресурсов и собственными силами;

- решающую роль тут должна сыграть региональная экономическая политика государства в лице федеральных и республиканских органов власти;

- предварительным условием осуществления эффективной политики развития региона является разработка концепции (или модели) экономики, которая была бы способна устойчиво расти, реализуя конкурентные преимущества региона, обеспечивая повышение благосостояния населения и решение социальных проблем;

- на основе такой концепции должны выстраиваться стратегия и организационно-экономический механизм достижения поставленных целей;

- основными направлениями структурной политики могут стать развитие агропромышленного и туристско-рекреационного комплексов;

- основными задачами институциональных изменений являются развитие малого бизнеса и институтов рыночной конкуренции;

- условиями успешного осуществления стратегии развития региона являются защита прав собственности, урегулирование земельных отношений, развитие инфраструктуры, преодоление коррупции и клановости, повышение качества человеческого капитала [Загазежева 2010; Дикинов и др. 2009; Керевов 2010; Сабанчиев 2012; Шевлоков и др. 2012; Казанчева и др. 2014; Шевлоков, Мисаков 2014; Куянцев и др. 2014; Дикинов и др. 2016; Иванов 2016].

Таким образом, изучение экономики Кабардино-Балкарской Республики не может ограничиваться анализом макроэкономических пропорций, рынков, конкурентных преимуществ или управления предприятиями. Экономическая стратегия и политика входят в круг центральных проблем соответствующих исследований. В соответствии с этим, предварительная гипотеза, положенная в основу предлагаемого ниже анализа, заключается в том, что выработка и реализация эффективной экономической стратегии и политики в регионе, в конечном счете, зависят от осознанного и активного участия в них его населения, выступающего одновременно как совокупность экономических агентов и как коллективный гражданский субъект региональной политики. Цель исследования состоит в попытке представить «очищенную» от конъюнктурных колебаний картину устойчивых параметров региональной экономики; структурных факторов долгосрочной экономической динамики; состояния инвестиционного и инновационного потенциала; фактора неоднородности экономического пространства современной Кабардино-Балкарии. Такая картина должна позволить и объяснить фактическое состояние дел, и обозначить ориентиры для власти и общества в этой сфере. Никакие усилия власти по «выводу» республики из экономической стагнации не дадут устойчивого результата, если общество не предпримет самостоятельных усилий по «выходу» из социального и политического застоя. Практическое значение ожидаемых результатов анализа заключается в том, что формирование в общественном сознании адекватных реальности представлений по обозначенным проблемам является предварительным условием начала этого процесса.

Широко распространенным методическим приемом при оценке состояния и развития региональной социально-экономической системы является сравнение с усредненными показателями по России и федеральным округам

(Южного до 2010 г. и Северо-Кавказского – с 2010 г.). Межрегиональные сравнения в экономическом анализе позволяют преодолеть ограничения, накладываемые статистикой. Стоимостные показатели в ней, и прежде всего, валовой региональный продукт, фиксируются в текущих ценах, что далеко не всегда позволяет получить четкую трактовку структуры и динамики изменений величины ВРП [Гордеев и др. 2014: 50]. В этих условиях «горизонтальные» сравнения разных регионов в рамках одного года оказываются необходимы, чтобы «вертикальные» сравнения состояния экономики одного и того же региона в разные годы приобретали бы смысл и давали материал для анализа. Предполагается, что сравниваемые регионы должны находиться в приблизительно одинаковых природно-климатических и хозяйственно-промышленных условиях [Бочко 2004: 36-38].

Некоторые авторы, обсуждая проблемы территориальных различий и пространственных неравенств в экономике, настаивают, что сравнению подлежат не расположенные друг от друга на приличном расстоянии и относящиеся к разным хозяйственным целостностям экономические системы, а соседние. Такое сравнение позволит не только более корректно указывать причины расхождений, но и намечать конкретные мероприятия по снятию или сглаживанию возникающих различий [Хасиева 2013: 128]. Однако представляется, что выбор параметров сравнения зависит от целей конкретного исследования и от пространственного уровня, к которому привязан научный анализ экономических проблем и экономической политики. В частности процитированный выше автор рассматривает федеральные округа как воплощение поиска новых пространственных конфигураций и механизмов решения проблемы территориальных различий и пространственных неравенств в экономике. Логичным образом межрегиональные сравнения строятся в пределах СКФО.

Но если исследование направлено на соотнесение результатов экономического анализа с социально-политическим агентом всей общественной (в том числе – экономической) практики на территории отдельного субъекта федерации, то представляется допустимым и продуктивным иной подход, а именно – сравнение с регионом, который может рассматриваться как пример, образец, модель общественного целеполагания для данного регионального социума. С этой точки зрения, сравнение регионов-«двойников» не имеет смысла. Целесообразно избрать для сравнения, скажем, с Кабардино-Балкарской Республикой регион, в принципе сопоставимый с ней по масштабам, ресурсам и структуре экономики, но одновременно существенно отличающийся от нее в лучшую сторону по показателям результативности. Пределы допустимого сравнения здесь ограничиваются тем, что различия в уровнях экономического развития не должны исчерпывающе объясняться несопоставимо иной пространственно-демографической масштабностью и особыми свойствами природно-ресурсного потенциала, позволяющими специализироваться на добыче и переработке тех или иных видов сырья. С очевидной долей условности таким сравнительным объектом в исследовании может выступать Калужская область.

Общие параметры региональной экономики

Нельзя не согласиться с тем, что современная экономическая ситуация в республике во многом определяется историческими особенностями развития ее хозяйственного комплекса. К началу проведения реформ КБР испытывала существенные проблемы, порожденные нерациональной структурой экономики, в том числе и в размещении производительных сил, в частности:

- преобладание отраслей тяжелой промышленности и их ориентация на выпуск продукции производственного назначения, что требовало кооперационных поставок материалов и комплектующих изделий из других регионов России и стран СНГ;

- слабое использование в материальном производстве собственной сырьевой и ресурсной базы;

- высокий удельный вес в структуре машиностроительного комплекса оборонных предприятий, оказавшихся в тяжелейшем положении после отмены госзаказа на их продукцию;

- излишняя концентрация промышленности в городах Нальчик, Прохладный и Тырныауз, на долю которых приходилось свыше 80% производства, более 50% основных производственных фондов, около 70% рабочей силы;

- размещение большинства работавших пищевых и перерабатывающих сельхозпродукцию предприятий в городах, что обусловило повышение транспортных издержек в расчете на единицу продукции и создало дополнительную напряженность на рынке труда в сельской местности;

- недостаточное развитие в хозяйственном отношении горных территорий республики, где производится менее 1% валового регионального продукта [Шевлоков и др. 2012: 203].

В результате, масштабы экономического спада и деиндустриализации 1990-х гг. в Кабардино-Балкарии, как и в других республиках Северного Кавказа, существенно превзошли среднероссийские показатели. Особенно это касается промышленности, причем речь идет не просто о сокращении объемов производства, а об утрате значительной части производственной базы. Так, объем промышленной продукции в 1997 г. составил только 25,8% от уровня 1990 г. Число промышленных предприятий увеличилось со 134 в 1985 г. до 808 в 1997 г., но численность промышленно-производственного персонала за этот же период сократилась с 85 тыс. до 48 тыс. чел., а рентабельность реализованной продукции упала с 25,8% до 0,2% [Кабардино-Балкария...: 107-108]

И в середине 2010-х гг. социально-экономическое неравенство республик Северного Кавказа оценивается в качестве особо острой проблемы, проявляющейся в первую очередь в существенном отставании уровня жизни населения депрессивных регионов от регионов, более благополучных в экономическом отношении. В 2014 году среднедушевые доходы жителей десяти самых преуспевающих регионов превышали среднедушевые доходы

республик СКФО более чем в 5 раз. По уровню ВРП на душу населения имеется десятикратное и более отставание. Причем, приведенный разрыв в социальном и экономическом положении регионов не сокращается, а углубляется, все больше усиливая неравенство и социальную напряженность, чем успешно пользуются радикальные террористические организации. Размывание социальных, экономических и политических границ, особенностей национальных культур предъявляет новые требования к формированию уникальных социально-экономических преимуществ, наименее подверженных влиянию изменений в международной экономике [Иванов 2016: 79].

Сводная таблица основных социально-экономических показателей по КБР за 2005 и 2016 гг. на общероссийском фоне и в сравнении с Калужской областью обнаруживает характерные черты состояния и динамики региональной социально-экономической системы (Таблица 1).

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели

	2005			2016					
	РФ		КБР	РФ		КБР		Калужская область	
	Абс.	Абс.	% к РФ	Абс.	Абс.	% к РФ	Абс.	% к РФ	
Площадь территории, тыс. км ²	17098,2	12,5	0,1	17125,2	12,5	0,1	29,8	0,2	
Численность населения на 1 января 2006 и 2017 г., тыс. человек	142753,5	894,0	0,6	146804,4	864,4	0,6	1014,6	0,7	
Средне-годовая численность занятых в экономике, тыс. человек	66791,6	310,6	0,5	72065,2	358,9	0,5	508,9	0,7	
Валовой региональный продукт в 2004 и 2015г. , млрд руб.1)	14555,09	32,065	0,2	64997,04	125,39	0,2	334,83	0,5	
Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года), млрд руб. 1)	41471,51	85,24	0,2	183403,69	253,45	0,1	912,72	0,5	
Инвестиции в основной капитал, млрд руб. 1)	3534,01	5,699	0,2	14639,84)	35,12	0,2	80,08	0,5	
Добыча полезных ископаемых, млрд руб. 1)	3062,46	0,074	0,0	11730,50	0,003	0,0	2,81	0,02	
Обрабатывающие производства, млрд руб. 1)	8871,98	9,11	0,1	36166,01	32,88	0,09	517,02	1,43	
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды, млрд руб. 1)	1690,66	2,85	0,2	5332,28	8,53	0,16	21,48	0,40	
Производство сельского хозяйства – всего, млрд руб.1)	1495,68	14,71	1,0	5505,76	43,70	0,8	38,14	0,7	
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади жилых	43559,5	229	0,5	80240,1	412,4	0,5	737,3	0,9	

помещений								
Оборот розничной торговли, млрд руб. 1)	7038,27	23,44	0,3	28317,7	118,27	0,4	177,42	0,6
1) Стоимостные показатели, приведенные в источнике в миллионах рублей, переведены в миллиарды и округлены до сотых долей.								

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – 981 с. – С. 21-22, 38-39. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 18-19, 26-27.

Во-первых, очевидны незначительные масштабы экономики республики. На КБР приходится 0,1% территории, 0,5% населения страны и 0,6% среднегодовой численности занятых в экономике.

Во-вторых, приведенные данные иллюстрируют относительно низкую эффективность и отсталую структуру региональной экономики. Доля республики в суммарном валовом региональном продукте РФ в три раза, а в продукции обрабатывающих отраслей промышленности – в шесть раз ниже, чем ее доля в среднегодовой численности занятых в экономике. С другой стороны, удельный вес республики в производстве продукции сельского хозяйства в 8 раз превышает ее долю в территории и в 1,5 раза – ее удельный вес в среднегодовой численности занятых в экономике.

В третьих, видна в целом негативная динамика экономического развития. Если суммарный ВРП по РФ вырос за 2004-2015 гг. в 4,45 раза, то в КБР – в 3,91 раза. Это отставание от среднероссийских темпов экономического роста привело к соответствующему снижению удельного веса республики в объемах и промышленного и сельскохозяйственного производства. Хотя официальная статистика показывает, что удельный вес республиканского ВРП остался на уровне 0,2%, это результат округления данных до десятых долей процента. При округлении до сотых долей становится видно, что удельный вес ВРП КБР в суммарном его объеме по стране за 2004-2015 гг. снизился с 0,22 до 0,19%.

Сравнение данных по КБР и Калужской области обнаруживает, прежде всего, достаточную близость общих показателей пространственно-демографического и социально-трудового потенциала. Площадь территории Калужской области более чем в два раза превышает площадь КБР, население больше примерно на 150 тыс. человек, но ее удельный вес в территории и населении РФ только на 0,1 процентных пункта, и в среднегодовой численности занятых – на 0,2 процентных пункта превышает удельный вес КБР. Иную картину демонстрируют показатели результативности экономической деятельности: доля Калужской области в ВРП РФ и инвестициях в основной капитал в 2,5 раза, а в стоимости основных фондов в 5 раз выше доли Кабардино-Балкарии. Существенно разнятся места, занимаемые двумя регионами в Российской Федерации по основным социально-экономическим показателям (Таблица 2).

Таблица 2

Место, занимаемое в Российской Федерации по основным социально-экономическим показателям, 2016 г.

	Калужская область	КБР
Площадь территории ¹⁾	65	79
Численность населения на 1 января 2017 г. ¹⁾	53	58
Валовой региональный продукт на душу населения в 2015 г. ¹⁾	39	80
Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года) ¹⁾	49	76
Инвестиции в основной капитал на душу населения ¹⁾	37	73
Добыча полезных ископаемых ¹⁾	59	80
Обрабатывающие производства ¹⁾	21	70
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды ¹⁾	60	75
Продукция сельского хозяйства ¹⁾	46	38
Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования ¹⁾	68	28
Оборот розничной торговли на душу населения ¹⁾	33	64
Число персональных компьютеров на 100 работников ¹⁾	17-21	15-16
Среднедушевые денежные доходы (в месяц) ¹⁾	24	75
Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций ¹⁾	28	82
Уровень занятости ¹⁾	15	70
Уровень безработицы ²⁾	12	77
1) Места по субъектам определены на основе ранжирования значения показателя в порядке убывания. 2) Места по субъектам определены на основе ранжирования значения показателя в порядке возрастания		

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 30-31.

Отставание КБР от Калужской области по подавляющему большинству показателей весьма существенно. Оно в целом помещается в интервале от 5 позиций (численность населения) до 54 позиций (общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя). Выше Калужской области КБР находится по трем показателям – производству продукции

сельского хозяйства (38 и 46 места, соответственно), удельному весу автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования (28 и 68 места), числу персональных компьютеров на 100 работников (15-16 и 17-21 места). По интегральному рейтингу социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, рассчитываемому ежегодно рейтинговым агентством «РИА Рейтинг», Калужская область в 2015, 2016, 2017 гг. занимала, соответственно, 40-е, 35-е и 23-е, а КБР – 79-е, 81-е, 81-е места, соответственно¹. То есть, наблюдается выраженная позитивная динамика в одном случае и стагнация – в другом.

Структурные факторы экономической динамики

Представленная выше картина в значительной степени получает свое объяснение на фоне данных о структуре валовой добавленной стоимости и ее изменениях на протяжении десятилетия 2005-2015 гг. (Таблица 3). В таблице приведены только основные элементы этой структуры, формирующие в совокупности, свыше 70% валовой добавленной стоимости по каждому году и региону.

Таблица 3

Некоторые показатели отраслевой структуры валовой добавленной стоимости, в % к итогу

	2005				2015			
	РФ	Калужская область	СКФО	КБР	РФ	Калужская область	СКФО	КБР
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,2	11,3	18,9	26,6	5,2	8,3	15,6	16,4
Добыча полезных ископаемых	12,8	0,4	2,3	0,1	11,2	0,5	0,6	0,1
Обрабатывающие производства	18,5	27,8	10,7	11,6	17,1	32,1	9,2	13,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,8	3,8	4,7	3,3	3,6	2,1	3,2	3,6
Строительство	5,7	5,4	8,4	7,7	6,9	9,1	11,3	10,4
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	21,8	17,6	18,1	19,0	18,1	12,7	20,6	18,9
Гостиницы и рестораны	0,9	0,4	1,2	0,9	1,1	0,7	3,3	1,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	2,9	5,6	6,2	5,1	5,2	6,3	9,9	10,7

¹ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года // Сайт Рейтингового агентства «РИА Рейтинг». URL: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html> (дата обращения: 23.08.2018).

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 542, 544, 554.

Что касается структуры валовой добавленной стоимости, данные таблицы свидетельствуют, что по состоянию на 2015 г. реальный сектор занимает в экономике Калужской области доминирующее положение (свыше 50% валовой добавленной стоимости), а в рамках реального сектора преобладают обрабатывающие отрасли промышленности (32,1% валовой добавленной стоимости). Реальный сектор экономики Кабардино-Балкарии дает только 43,5% валовой добавленной стоимости, а внутри него относительно преобладают сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (16,4 % ВРП). Удельный вес обрабатывающих производств (13,0 %) почти втрое ниже, чем в Калужской области. Показательны тенденции изменений структуры валовой добавленной стоимости за 2005-2015 гг. Доля реального сектора, а внутри него – обрабатывающих производств несколько выросла в Калужской области и заметно сократилась в КБР. Доля оптовой и розничной торговли и услуг населению заметно снизилась в Калужской области, но практически не изменилась в КБР, хотя фиксируемый официальной статистикой уровень среднедушевых денежных доходов населения здесь заметно ниже. Наконец, бросается в глаза увеличение почти в два раза «вклада» в валовую добавленную стоимость государственного управления, обеспечения безопасности и обязательного социального обеспечения.

Социально-экономический смысл отмеченных явлений и тенденций полнее раскрывается при сопоставлении динамики валового регионального продукта и фактического конечного потребления домохозяйств в регионах (Таблица 4). Фактическое конечное потребление домашних хозяйств характеризует конечное использование товаров и услуг на территории субъекта, как за счет собственных доходов домохозяйств, так и за счет индивидуальных нерыночных услуг здравоохранения, образования, культуры и др. за счет государства и некоммерческих организаций. Этот показатель важен особенно с точки зрения изучения уровня благосостояния населения субъекта.

Таблица 4

Валовой региональный продукт и фактическое конечное потребление на душу населения

	2005		2010		2015	
ВРП по субъектам РФ (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах) на душу населения (руб. / % от РФ)						
ВСЕГО	125658,7	100	263828,6	100	443950,7	100
Калужская область	69192,2	55,1	186347,8	70,6	331468,3	74,7
СКФО	39050,8	31,1	94915,3	36,0	175912,4	39,6
КБР	42253,1	33,6	89668,3	34,0	145555,1	32,8
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств в текущих рыночных ценах на душу населения (руб. / % от ВРП)						

ВСЕГО	79943,6	63,6	183266,0	69,5	297285,8	67,0
Калужская область	60643,6	87,6	153150,5	82,2	254908,4	76,9
СКФО	45876,7	117,5	128451,7	135,3	228445,0	129,9
КБР	49611,8	117,4	111985,3	124,9	194539,1	133,7

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 556-557, 560.

ВРП на душу населения ниже среднероссийского и в Калужской области, и в СКФО, и в КБР. Но в Калужской области он в 2005 г. превышал 55% от российского показателя и устойчиво повышался, достигнув к 2015 г. 74,7%. Показатели по СКФО были существенно ниже, но также росли и в 2015 г. составили 39,6% от среднероссийского уровня. ВРП на душу населения в КБР несколько вырос в 2010 г. по сравнению с 2005 г., но затем снова снизился и составил в 2015 г. только 32,8% от среднероссийского уровня. Фактическое конечное потребление и в России в целом, и в Калужской области меньше показателя ВРП на душу населения (63,6 и 87,6% соответственно в 2005 г.). При этом, среднероссийский показатель вырос к 2015 г. до 67%, а по Калужской области снизился до 76,9%. Напротив, в СКФО в целом и в КБР, в частности, объемы фактического конечного потребления превышают показатели ВРП на душу населения, и степень этого превышения росла, достигнув к 2015 г. по СКФО 129,9% и по КБР 133,7%. Все это дает основание для некоторых важных суждений относительно особенностей региональной социально-экономической системы.

Во-первых, приведенные данные подтверждают тезис о формировании в республиках Северного Кавказа рентоориентированной модели экономического поведения. Она нацелена на получение трансфертов из федерального бюджета, причем значительная часть трансфертов приходится на дотации, то есть изначально носит нецелевой характер и в связи с этим стимулирует иждивенческие настроения, ведёт (в целом ряде ситуаций) к неэффективному использованию бюджетных ресурсов [Дружинин 2005: 124-129].

Во-вторых, здесь косвенно проявляется роль теневого сектора экономики и одновременно поддерживается его питательная среда.

В-третьих, при таком соотношении валовой добавленной стоимости и конечного потребления практически не остается возможностей для накопления и инвестиций в основной капитал, как движущей силы экономического развития.

Вместе с тем, в-четвертых, описанный выше экономический механизм существенно смягчает последствия экономической стагнации для населения, сокращает разрыв в уровне жизни между республикой и более развитыми регионами. Так, душевой ВРП в КБР составляет лишь 32,8% от среднероссийского и 43,9% от показателя Калужской области, но фактическое конечное потребление домашних хозяйств находится на уровне в 65,4% от российского и 76,3% от уровня Калужской области.

Нараставшее в 2000-е гг. отставание регионов Северного Кавказа от среднероссийского уровня отражало воздействие долговременных факторов еще с советского времени. Стоимость основных фондов в Кабардино-Балкарии на душу населения по отношению к среднероссийским показателям за 1980-1990 гг. снизилась с 74,9 до 61,2% [Керефов 2010: 68-69]. Но в итоге, отмеченное отставание приобрело характер фундаментального структурного фактора, который требует для своего преодоления масштабных инвестиций, нацеленных на переход к новому технологическому укладу и одновременно накладывает жесткие ограничения на осуществление соответствующей стратегии.

Динамика обеспеченности основными производственными фондами экономики республики на протяжении пятнадцати лет (2001-2015 гг.) наглядно свидетельствует об этом (Таблица 5).

Таблица 5

Основные производственные фонды (2001-2015)

	2001	2005	2010	2015
Стоимость основных производственных фондов (на конец года; по полной учетной стоимости; миллионов рублей)				
Российская Федерация	21556979	41493568	93185612	160725261
Калужская область	115320	202519	449711	834822
Северо-Кавказский федеральный округ	-	-	2317317	4032053
Кабардино-Балкарская Республика	54230	85088	158744	240069
Среднегодовая численность занятых, тыс. человек				
Российская Федерация	64709,5	66682,6	67493,4	72424,9
Калужская область	484,1	478,7	480,2	508,0
Северо-Кавказский федеральный округ	-	-	3314,6	3745,8
Кабардино-Балкарская Республика	302,1	310,6	309,9	357,0
Основные производственные фонды на одного занятого, тыс. руб.				
Российская Федерация	333,13	622,25	1380,66	2219,20
Калужская область	238,22	423,06	936,50	1643,35
Северо-Кавказский федеральный округ	-	-	699,12	1205,57
Кабардино-Балкарская Республика	179,51	273,95	512,24	672,46

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 863 с. – С. 72, 308. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 114, 565.

Данные таблицы показывают, что в начале периода стоимость основных производственных фондов КБР составляла 0,25% от суммарных российских показателей, а в конце – уже только 0,15%. Если в 2001 г. основные производственные фонды Калужской области в 2,13 раза превосходили по объему показатели КБР, то в 2015 г. уже в 3,5 раза. В расчете на одного занятого в экономике основные производственные фонды по России были в

1,86 и по Калужской области в 1,33 раза больше, чем по КБР. В 2015 г. разрыв увеличился до 3,3 и 2,44 раза, соответственно.

Эти динамические показатели в существенной степени отражают инерционность структуры основных фондов по видам экономической деятельности (Таблица 6). Сложившаяся структура основных фондов определяет структуру валовой добавленной стоимости, интересы и мотивацию агентов экономической деятельности и в определенной степени позволяет оценить перспективы экономического развития. Сравнительный анализ структуры основных фондов КБР и Калужской области обнаруживает несколько характеристик, неблагоприятных с точки зрения перспектив экономического роста и структурной перестройки экономики республики.

Прежде всего, это относительно малый общий объем основных фондов и нарастание отставания от Калужской области на протяжении десятилетия. Структура основных фондов КБР является сравнительно «отсталой». Главным признаком этого является крайне незначительная доля основных фондов в обрабатывающих отраслях – 8,9% от общего объема основных фондов в 2016 г. против 38,1% по Калужской области. Соответственно, доля основных фондов, сосредоточенных в сельском хозяйстве в КБР в 1,7 раза больше, а в Калужской области почти в 8 раз меньше основных фондов обрабатывающих отраслей.

Таблица 6

Структура основных фондов по видам экономической деятельности (в процентах от общего объема основных фондов по полной учетной стоимости)

	Калужская область				КБР			
	2005	2010	2015	2016	2005	2010	2015	2016
Все основные фонды, млн руб.	202305	449711	834822	912722	85242	158744	240069	253447
<i>из них по видам экономической деятельности, %</i>								
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,5	5,6	4,8	5,1	11,2	9,1	11,3	15,2
добыча полезных ископаемых	0,1	0,2	0,2	0,2	0,4	0,2	0,1	0,1
обрабатывающие производства	13,0	26,4	38,2	38,1	8,3	7,2	8,8	8,9
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,7	5,3	6,5	6,4	6,0	10,9	11,8	10,0
строительство	0,9	1,0	1,6	1,5	1,4	1,0	3,2	1,0
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,4	3,8	2,8	2,9	1,6	2,0	4,5	3,8
транспорт и связь	25,0	22,8	15,4	15,1	16,9	18,0	10,0	7,2

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – 981 с. – С. 367, 371. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с. – С. 377, 383. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с. – С. 545, 547, 549. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 565, 571, 573.

Устойчивость такой структуры объясняется как низкой интенсивностью, так и консервативной структурой обновления основных фондов (Таблица 7). Ввод в действие новых основных фондов в принципе не может развиваться линейно и по нарастающей. Но данные таблицы свидетельствуют, что объемы вводимых основных фондов по годам в Калужской области устойчиво превосходят показатели КБР в три-пять раз. Бросается в глаза, что доля обрабатывающих отраслей во вновь вводимых основных фондах в Калужской области в 2010 и 2015 гг. почти вдвое превосходила долю этих отраслей в общем объеме основных фондов, то есть происходило их существенное обновление. В то же время структура ввода основных фондов в КБР имеет выраженную инерционную, консервативную природу. А абсолютные объемы вводимых основных фондов по отраслям весьма незначительны и не могут привести сколь-нибудь существенные изменения в сложившуюся структуру экономики.

Таблица 7

Структура ввода в действие основных фондов по видам экономической деятельности (в миллионах рублей; в процентах от общего объема основных фондов, введенных в действие)

	Калужская область						КБР					
	2010		2015		2016		2010		2015		2016	
	Млн руб.	%	Млн руб.	%	Млн руб.	%	Млн руб.	%	Млн руб.	%	Млн руб.	%
Всего введено основных фондов	65488	100	95863	100	69262	100	22291	100	16813	100	22817	100
<i>из них по видам экономической деятельности</i>												
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2664	4,1	6378	6,7	11558	16,7	1645	7,4	1710	10,2	3272	14,3
добыча полезных ископаемых	101	0,2	126	0,1	97	0,1	3	0,0	1	0,0	-	-
обрабатывающие производства	41669	63,6	60801	63,4	24175	34,9	1975	8,9	882	5,2	3058	13,4
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2289	3,5	2465	2,6	4381	6,3	9553	42,9	779	4,6	4317	18,9
строительство	772	1,2	3506	3,7	585	0,8	101	0,5	235	1,4	111	0,5

оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2991	4,6	2512	2,6	2359	3,4	171	0,8	523	3,1	491	2,2
транспорт и связь	3367	5,1	5108	5,3	5156	7,4	2126	9,6	1749	10,4	997	4,4

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с. – С. 381, 385. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с. – С. 545, 547, 549. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 565, 571, 573.

Описанные выше характеристики объемов и структуры основных фондов, а также динамики и структуры их обновления приводят специалистов в области экономики к выводу, что без преодоления отсталости по обеспеченности основными фондами вряд ли можно будет сформировать эффективное производство в высокотехнологичных кластерах, преодолеть значительную асимметрию в уровнях развития регионов [Керефов: 72]. Задаваясь вопросом, какие факторы будут оказывать в будущем наибольшее влияние на экономический рост экономик субъектов СКФО, ученые-экономисты указывают, в частности, на рост количества основных производственных фондов и совершенствование их технического и технологического уровня в качестве важного фактора. Наряду с этим, справедливо отмечается, что основной движущей силой современных экономик являются инвестиции, материализуемые в технику, технологии, позволяющие рабочей силе создавать все больше товаров и услуг с наименьшими затратами труда [Сабанчиев 2012: 183-186].

Проблема инвестиций и инноваций

Если рассматривать инвестиционный процесс с точки зрения нормы накопления – отношения объема инвестиций в основной капитал к объему ВРП, то картина выглядит в целом удовлетворительно (Таблица 8). Доля инвестиций в ВРП КБР примерно соответствует средним показателям по России, а в фактически действовавших ценах их объем вырос с 2005 по 2015 г почти в пять раз. Но абсолютные величины инвестиций остаются незначительными, уступая более чем в три раза показателям Калужской области.

Таблица 8

Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах;
миллионов рублей)

	2005		2010		2015	
	Млн руб.	В % к ВРП	Млн руб.	В % к ВРП	Млн руб.	В % к ВРП
РФ	3611109	20,0	9152096	24,3	13897188	21,4
Калужская область	13624	19,2	74489	34,5	92707	27,7
СКФО	93317	26,5	313412	35,1	475857	27,9
КБР	5830	15,8	20958	27,19	28328	22,6

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 536, 592.

Динамика инвестиционного процесса, выраженная в сопоставимых ценах неравномерна по годам, но и здесь прослеживается общее соответствие с общероссийской ситуацией, а в последние годы (2014-2016) наблюдался их рост на фоне отрицательной динамики в среднем по стране и по Калужской области, в частности (Таблица 9). Но среди источников капиталовложений относительно ниже доля собственных средств инвесторов и банковских кредитов и гораздо выше доля бюджетных средств. Среднегодовая доля бюджетных средств в инвестициях в основной капитал в КБР за 2011-2016 гг. составляет почти 48%, тогда как в Калужской области не достигает 20%, а в среднем по России еще ниже.

Таблица 9

Индекс физического объема и доля бюджетных средств в инвестициях в основной капитал (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году; в процентах к общему объему инвестиций)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
РФ	110,2	106,3	110,8	106,8	100,8	98,5	89,9	99,1
Доля бюджетных средств	20,4	19,5	19,2	17,9	19,0	17,0	18,3	16,5
Калужская область	113,3	116,4	95,8	117,3	98,0	99,6	80,7	81,8
Доля бюджетных средств	27,3	13,0	15,1	10,6	28,0	10,9	24,9	29,2
СКФО	134,3	111,8	103,3	112,2	107,8	104,2	87,5	96,3
Доля бюджетных средств	48,0	41,3	47,2	48,4	41,0	37,2	41,0	38,8
КБР	92,9	120,9	92,0	113,9	80,5	103,0	109,8	109,2
Доля бюджетных средств	70,8	27,1	54,9	39,4	46,6	46,1	51,1	48,2

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 596, 618-632.

Важным показателем «качества» капиталовложений, их нацеленности на технологическое обновление является доля расходов на машины и оборудование в общей структуре инвестиций в основной капитал (Таблица 10). Здесь республика имеет показатели, которые существенно хуже, чем по стране в целом, и по Калужской области, в частности. Среднегодовая доля таких расходов в инвестициях по России в 2013-2016 гг. составляла 34,3%, по Калужской области – 42,3%, а по КБР – 25,8%.

Таблица 10

Доля расходов на машины, оборудование и транспортные средства в общей структуре инвестиций в основной капитал (%)

	2005	2010	2013	2014	2015	2016
РФ	41,1	37,9	38,8	36,3	31,5	30,6
Калужская область	43,8	39,5	47,0	48,7	37,1	36,3
СКФО	30,1	30,0	33,7	23,9	23,7	24,6
КБР	18,9	33,9	33,9	22,0	21,3	25,8

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 598-599.

Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов за 2017 г., рассчитанный рейтинговым агентством «Эксперт РА» на основе индексации составляющих инвестиционного потенциала и инвестиционного риска регионов показывает, что средневзвешенный индекс риска у республик СКФО в 3-4,5 раза выше, чем у Московской области, где этот индекс является самым низким, и в 1,9-2,8 раза выше, чем у Калужской области. Соответственно, республики СКФО занимают в этом рейтинге самые низкие ранговые позиции (с 76 по 85), а Калужская область находится на 20-м месте. При этом, в целом, субъекты СКФО демонстрируют наихудшие показатели по социальной, финансовой и управленческой составляющими инвестиционного риска. В рейтинге инвестиционного потенциала Дагестан стоит выше Калужской области, поскольку превосходит ее по трудовому, потребительскому, финансовому и природно-ресурсному потенциалу. При этом Дагестан заметно уступает по производственному, институциональному и инновационному потенциалам. Доля остальных республик в общероссийском потенциале располагается в промежутке от 0,34 до 0,57 доли Калужской области. Доля КБР в общероссийском потенциале составляет 0,53 от доли Калужской области, и этот разрыв обусловлен, главным образом, более низкими показателями производственного, институционального и инновационного потенциалов. В сводном рейтинге инвестиционного климата российских регионов в 2017 г. Калужская область находится в группе регионов с пониженным потенциалом и минимальным риском, а КБР – в группе регионов с незначительным потенциалом и повышенным риском¹.

¹ Инвестиционная привлекательность регионов – 2017 // Рейтинговое агентство RAEX (Эксперт РА). URL: https://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2017/tab1/ (дата обращения: 29.08.2018).

Эти обстоятельства ставят вопрос о состоянии инновационного потенциала Кабардино-Балкарской Республики – сферы научных исследований и разработок, с одной стороны, и сферы реальной инновационной активности предприятий и практики технологических инноваций (Таблицы 11). Данные таблицы показывают, что по числу организаций, выполняющих научные исследования и разработки Калужская область превосходит КБР более чем в 2 раза, а по численности занятого в персонала – более чем в 10 раз. В Калужской области на 10 000 населения приходится более 100 работников, занятых выполнением научных исследований и разработок, а в КБР – 10 с небольшим. При этом, внутренние затраты на научные исследования и разработки суммарно в Калужской области в 2015 г. были более чем в 20 раз превышали соответствующие затраты в КБР, а в расчете на одного занятого в этой сфере работника – в 1,79 раза (980,3 тыс. и 547,5 тыс. рублей, соответственно). С другой стороны, обращает на себя внимание то, что при меньшем числе организаций, ведущих подготовку аспирантов численность аспирантов в КБР существенно больше. Представляется, что это отражает не столько ускорение темпов развития сферы науки в республике, сколько специфические стороны местного социокультурного уклада – широко распространенную тягу к престижной «остепененности».

Таблица 11

Основные параметры сферы научных исследований и разработок (2015 г.)

	Организации, выполняющие НИР	Численность персонала, чел.	Внутренние затраты на НИР, млн руб.	Организации, ведущие подготовку аспирантов	Численность аспирантов, чел.
РФ	4175	738857	914669,1	1446	109936
Калужская область	44	10170	9970,0	10	335
СКФО	162	7521	4291,9	57	3826
КБР	20	894	489,5	7	409

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 1088, 1090, 1100, 1120.

Анализ параметров сферы технологических инноваций дополняет общую картину слабостей инновационного потенциала КБР (Таблица 12). Данные обследования инновационной активности организаций, функционирующих в экономике республики показывают весьма низкий удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации – он более чем в 4 раза ниже, чем по Калужской области, а затраты на технологические инновации просто несопоставимы – разрыв более чем в 2100 раз. Отсюда – очень большая разница в масштабах внедрения передовых производственных технологий – 2446 против 262.

Таблица 12

Основные параметры сферы технологических инноваций (2015 г.)

	Инновационная активность организаций ¹⁾	Затраты на технологические инновации (млн рублей)	Разработанные передовые производственные технологии	Используемые передовые производственные технологии
РФ	9,3	1203638,1	1398	218018
Калужская область	10,9	11604,9	45	2446
СКФО	4,7	5909,1	23	2338
КБР	2,5	5,5	3	262
1) Удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций, в процентах				

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 1138, 1140, 1142, 1144.

В специальной литературе отмечается, что перевод региональной экономики на новый технологический уклад возможен при эффективной организации инновационной деятельности. Обсуждаются проблемы измерения и сопоставления инновационного потенциала регионов – различные наборы индикаторов и методы их агрегирования [Киселев 2010; Кандрокова 2013]. Согласно выведенным таким образом сводным индексам инновационной активности северокавказских регионов по данным за 2011 г. Кабардино-Балкарская Республика занимает четвертое место из семи, уступая Карачаево-Черкесии, Дагестану и Ставропольскому краю и опережая Северную Осетию, Чечню и Ингушетию [Кандрокова 2013: 118].

Начиная с 2012 г. Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) на регулярной основе выпускает Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Расчет российского регионального инновационного индекса (РРИИ), осуществляется с использованием 37 показателей, сгруппированных в четыре тематических блока, по которым рассчитываются субиндексы: «Социально-экономические условия инновационной деятельности» (ИСЭУ), «Научно-технический потенциал» (ИНТП), «Инновационная деятельность» (ИИД) и «Качество инновационной политики» (ИКИП) [Рейтинг... 2017: 12, 19-20]. Ранжирование республик СКФО в рейтинге инновационного развития по итогам 2015 г. дает картину, близкую к обозначенной выше (Таблица 13).

Таблица 13

Рейтинг некоторых субъектов РФ по значению инновационного индекса (2015 г.)

Регион	Ранг по РРИИ	РРИИ	Ранг по ИСЭУ	Ранг по ИНТП	Ранг по ИИД	Ранг по ИКИП
Татарстан	1	0,5753	3	15	3	1
Калужская область	6	0,4824	7	7	32	2
РД	67	0,2563	80	64	67	51
РСО-А	69	0,2505	8	73	78	65
КБР	70	0,2504	69	53	80	53
КЧР	78	0,2161	36	65	74	75
ЧР	79	0,2106	79	77	84	45
РИ	81	0,1899	60	85	84	57

Источник: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 260 с. – С. 12.

Но здесь для нас интересно сравнение с Калужской областью, а также более детальное сравнение четырех субиндексов. Можно видеть, что Калужская область имеет существенно более высокие ранги по всем субиндексам сравнительно с республиками СКФО, но наиболее высокое место она занимает по индексу качества инновационной политики. С другой стороны, дифференциация республик Северного Кавказа по отдельным субиндексам гораздо менее значима, чем близость их низких итоговых показателей. Самый высокий в этой группе показатель РРИИ республики Дагестан составляет 53,1% от показателя Калужской области, а самый низкий в этой группе показатель Ингушетии составляет по отношению к Дагестану 74,1%. РРИИ Кабардино-Балкарской Республики составляет 51,9% от показателя Калужской области и 97,7% от показателя Дагестана.

Фактор неоднородности экономического пространства

Понятие экономического пространства может употребляется в широком смысле слова – как экономическая сфера жизни регионального общества, несущая все ее ситуационные и динамические характеристики. В данном разделе рассматриваются некоторые характеристики экономического пространства в узком смысле слова – как насыщенной территории, вмещающей множество объектов и связей между ними [Гранберг 2004: 25].

Одним из вопросов, который рассматривается в работах по экономическому развитию СКФО, является плотность экономического пространства. При этом, как правило, ограничиваются ссылкой на оценку В.Н. Овчинникова, согласно которой самый маленький показатель плотности экономического пространства (10,8 тыс. руб./км²) наблюдался в КЧР, самый высокий показатель был характерен для РСО – Алании (82,8 тыс. руб./км²). В КБР плотность экономического пространства оценивалась в 48,0 тыс. руб./км².

Правда, ни методика расчета (сам В.Н. Овчинников ссылается на методику Института народнохозяйственного прогнозирования), ни значение показателя плотности экономического пространства для перспектив экономического развития не обсуждаются [Овчинников 2010: 12; Дикинов и др. 2015; Мамбетов и др. 2017]. Констатация того, что плотность экономического пространства в субъектах РФ в среднем составляет 12,6 тыс. руб./км², т.е. среднероссийский показатель более чем в 3,5 раза ниже, нежели в субъектах СКФО – оставляет больше вопросов, чем ответов.

Оценки плотности экономического пространства в субъектах СКФО, включая Кабардино-Балкарию, производятся в контексте решения проблем неравенства регионального развития и интеграционного взаимодействия регионов [Щетинина 2006; Школьников, Аджигова 2017; Мамбетов и др. 2017]. Указывают, что более высокая экономическая плотность ряда регионов – республик Северного Кавказа определяют давление на экономическое пространство соседних регионов [Щетинина 2006: 25-26]. Степень готовности регионов СКФО к участию в интеграционных процессах, способных снять угрозу для целостности экономического пространства России, связывается с повышением качества экономического пространства, в частности, его плотности [Аджигова, Школьников 2016: 20].

Для наших целей важнее общий вывод о том, что имеет место высокая степень зависимости ВРП и экономической активности территории от плотности экономического пространства [Щетинина 2006: 26]. Значение характеристик экономического пространства региона для параметров и перспектив его развития находит свое выражение в теоретических работах [Митрофанова, Морозова 2008; Аврамчикова 2012]. «Чем плотнее пространство, тем прочнее его структура и тем быстрее имеющийся потенциал может быть задействован для экономической деятельности, – отмечает Н.Т. Аврамчикова. – Большое число экономических объектов, сосредоточенных на единицу плотности, дает большую экономическую мощь данной площади» [Аврамчикова 2012: 4].

Что касается межрегиональных сравнений плотности экономического пространства, то следует помнить, что плотность экономического пространства и уровень экономического развития тех или иных регионов не находятся в прямом соответствии – регионы, имеющие гораздо более высокие абсолютные и удельные (на душу населения) экономические показатели часто характеризуются низким уровнем плотности экономического пространства, ввиду обширности своей территории. С этой точки зрения гораздо более информативным представляется сравнение КБР и по показателям плотности экономического пространства с Калужской областью, чем с усредненными характеристиками по стране или СКФО (Таблица 14).

Таблица 14

Показатели плотности экономического пространства
(КБР и Калужская область, 2015 г.)

Показатели	КБР	КО
Общая плотность населения, чел./км ²	69,0	33,9
Экономическая плотность населения		
Плотность экономически активного населения, чел./км ²	34,2	18,0
Плотность занятого населения, чел./км ²	28,6	17,0
Плотность ВРП, млн руб./км ²	10,03	11,2
Плотность хозяйствующих субъектов, предприятий и организаций/км ²	1,0	1,0
Плотность малого бизнеса, предприятий/км ²	0,33	0,45
Плотность основных фондов, млн руб./км ² .	19,2	28,0
Плотность ж/д путей, км путей на 1000 км ² территории	10,8	29,3
Плотность а/м дорог общего пользования, км путей на 1000 км ² территории	54,5	32,1
Отправление грузов ж/д транспортом, т/км ²	56	63,8
Перевозки грузов автомобильным транспортом, т/км ²	112	349,0
Грузооборот автомобильного транспорта, млн т/км	52	834

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с. – С. 37, 108, 110, 536, 565, 643, 670, 1028, 1032, 1034, 1040.

Из таблицы видно, что в КБР заметно выше плотность населения и автомобильных дорог, и равная с Калужской областью плотность хозяйствующих субъектов. Близость показателей плотности ВРП на единицу площади отражает тот факт, что территория Калужской области почти в 2,4 раза больше территории КБР по площади. Но по всем остальным показателям плотность экономического пространства Калужской области существенно выше. Согласно критериям, предложенным Н.Т. Аврамчиковой, качественное состояние плотности населения в КБР должно оцениваться как высокое, а в Калужской области – среднее; экономической плотности населения – как среднее и низкое, соответственно; плотности ВРП – как высокое в обоих регионах; состояние отправления грузов железнодорожным транспортом – как некачественное в обоих регионах; состояние перевозок груза автомобильным транспортом – как высокое в Калужской области и низкое в КБР [Аврамчикова 2012: 11-12].

Транспортная система КБР по оценке специалистов в области социально-экономической географии характеризуется сравнительно небольшими линейными размерами и показателями суммарного пассажиро- и грузооборота, но в ней сочетаются все виды современного транспорта – автомобильный, железнодорожный, воздушный [Бураев 2004: 264-265]. С точки зрения характеристики транспортной системы, важно также учитывать природно-

географические особенности территории республики. Транспортно-хозяйственные связи населенных пунктов горной зоны, расположенных в ущельях и межгорных котловинах, сравнительно ограничены, как между собой, так и с остальной частью республики. Свою роль в этом играют и неблагоприятные природно-климатические явления, связанные с горным рельефом: сели, оползни, лавины, осыпи.

Существенные уточнения в представлении плотности экономического пространства КБР вносит соотнесение ее с другими характеристиками экономического пространства – размещением (распределением населения и экономической деятельности) и связанностью (интенсивностью экономических связей между частями и элементами пространства) [Гранберг 2004: 25].

Физико-географическая структура территории КБР, включающая 33% равнинной, 16% предгорной и 51% горной части, территорий во многом предопределяет структуру ее экономического пространства. Она во многом определяет общее соотношение в структуре экономического пространства объектов, не вовлеченных в экономику (пространство условий), вовлеченных, но не используемых (пространство ресурсов), вовлеченных и активно используемых (пространство факторов) [Беков 2004: 140]. Это обстоятельство в определенной мере проявляется в данных о распределении земельного фонда региона по угодьям (Таблица 15).

Таблица 15

Некоторые показатели распределения земельного фонда по угодьям по состоянию на 1 января 2017 года

№ п/п	Виды угодий	КБР		Калужская область	
		Площадь	Доля в общей площади	Площадь	Доля в общей площади
		тыс. га	%	тыс. га	%
1	Общая площадь	1247,0	100	2977,7	100
2	Земли населенных пунктов	57,6	4,62	232,6	7,81
3	Земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения	11,3	0,91	55,8	1,87
4	Земли с/х назначения	711,5	57,06	1814,5	60,94
5	Земли с/х угодий	696,2	55,83	1376,6	46,23
	В том числе:				
5.1	Пашня	300,9	24,13	956,1	32,11

5.1	Залежь	-	-	36,1	1,21
5.3	Многолетние насаждения	24,6	1,97	21	0,71
5.4	Сенокосы	60,2	4,83	131,2	4,41
5.5	Пастбища	310,5	25,62	232,2	7,80
6	Прочие земли	278,6	23,34	29,8	1,00

Составлено по: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации. Статистика: Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации на 01.01.2017 (в разрезе субъектов Российской Федерации) // Росреестр. Официальный сайт. URL:

<https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 15.09.2017).

Из таблицы видно, что наиболее интенсивно используемые в экономике и определяющие степень связанности экономического пространства земли промышленности, энергетики, транспорта, связи и т.д. в Калужской области по площади в пять раз, а по удельному весу – в два раза больше, чем в КБР. Удельный вес земель сельскохозяйственного назначения в Калужской области немного выше, а сельскохозяйственных угодий – ниже, чем в КБР. Но площадь пашни в три раза, а ее удельный вес – почти на треть больше. С другой стороны, в КБР пастбища занимают больше четверти, а в Калужской области – меньше 8% территории. Наконец, свыше 23% территории КБР вообще не отнесена к угодьям, а в Калужской области доля таких земель составляет только один процент территории.

В последнее время активно обсуждаются проблемы экономического развития на муниципальном уровне. Применительно к Кабардино-Балкарии рассмотрению проблем, связанных с анализом текущего состояния экономического пространства и разработкой эффективных методик пространственной организации муниципальных районов посвящена статья С.С. Дзаговой [Дзагова 2017: 41]. Но структурирование экономического пространства по административным границам муниципальных образований для Кабардино-Балкарии с учетом сложного рельефа ее территории порождает трудности с сопоставлением уже таких исходных показателей экономического пространства, как плотность населения. Четыре самых крупных по площади муниципальных района имеют в своем составе значительные массивы горных территорий. Между тем в экономической литературе, включая упомянутую статью, содержание понятий «горные территории» или «горные районы» применительно к КБР не конкретизируется, что приводит к некорректности некоторых суждений. Так в цитируемой работе отмечается, что «население в КБР размещено неравномерно, так как в горной части, которая занимает 2/3 территории (51 %), постоянное население отсутствует» [Дзагова 2017: 43]. Отвлечемся от того, что 51% это не 2/3 территории. Выделение горных территорий в науке осуществляется на основании комплексных критериев – высота над уровнем моря, уклон поверхности, природно-климатический режим

и т.д. Если ограничиться даже только одним показателем высоты над уровнем моря, то в КБР более 25 тыс. чел. (2,98 %) постоянно проживает переходной от предгорий к горам зоне (800-1000 м) и более 40 тыс. (4,62 %) – собственно в горах (свыше 1000 м над уровнем моря)¹. Горные населенные пункты расположены в ущельях и межгорных котловинах. В пределах их муниципальных территорий наблюдаются значительные, измеряемые тысячам метров, перепады высот с соответствующими свойствами поверхности, исключающими включение их в хозяйственный оборот в обозримой перспективе. Если принять, что площадь экономического пространства здесь совпадает с площадью территории, то следовало бы оговорить, что в горных муниципальных образованиях пространство реальных факторов и потенциальных ресурсов экономики весьма ограничено, а пространство условий занимает непропорционально большое место.

Представляется, что показатели плотности и связанности экономического пространства муниципальных районов, имеющих в своем составе значительные площади горных территорий, следовало бы рассчитывать относительно не всей территории, а только площади угодий. Данные для осуществления такого рода систематического анализа в настоящее время в открытом доступе отсутствуют, но можно проиллюстрировать суть дела одним примером. Источником для него является Паспорт Черекского муниципального района, содержащий сведения по состоянию на 01.01.2013 г. Приведенные в нем цифровые данные не вполне взаимно согласуются, но из них, во всяком случае, следует, что территория района составляла 221255 га, из которых в ведении муниципального образования находились 56326 га. Из них в черте поселений, входящих в состав муниципального образования находилось 2647 га, за чертой поселений 54091 га. Площадь земель сельскохозяйственного использования составляла 46751 га. Большая часть территории района приходится на Кабардино-Балкарский высокогорный государственный природный заповедник, а 40248 га занимают особо охраняемые специальные объекты, что связано, видимо, с приграничным положением района². Поскольку вклад этих территорий в экономику собственно муниципального района крайне незначителен, включать их в оценку плотности его экономического пространства вряд ли корректно. Если же исходить из той части территории района, которая находится в ведении муниципального образования, то существенно меняются характеристики плотности экономического пространства. Скажем, плотность населения в пересчете только на селитебную зону и территории хозяйственно используемые населением района составляет 49,5 чел/км². Для сравнения плотность населения равнинного Терского района составляет 56,7 чел/км².

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 01.09.2018).

² Паспорт Черекского муниципального района // Официальный сайт Черекского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики. URL: <https://cr.adm-kbr.ru/index.php/component/content/?view=featured> (дата обращения: 02.09.2018).

Но осуществленный С.С. Дзаговой анализ неоднородности экономического пространства КБР в разрезе муниципальных территорий в любом случае является необходимым и весьма ценным. Он показывает, в частности, что при незначительности общих масштабов и компактности (наибольшее расстояние от столицы до центра муниципального района составляет 83 км) экономическое пространство республики весьма дифференцировано (Таблица 16). Содержание представленной ниже таблицы несколько изменено и дополнено по сравнению с данными, заимствованными из рассматриваемой работы. Показатели численности и плотности населения приведены по состоянию на начало 2018 г. В качестве показателей иллюстрирующих (но не измеряющих) плотность экономического пространства в таблицу включены данные о об общем количестве хозяйствующих субъектов на территории муниципальных образований и их количестве в расчете на 10000 населения. Некоторое представление о состоянии экономической активности дают сведения об инвестициях в основной капитал (без учета бюджетных средств) на душу населения за 2017 г.

Таблица 16

Отдельные показатели по муниципальным образованиям КБР

	II)	III)	III)2)	IV)1)2)	V)1)3)	VI)1)3)	VII)1)4)
Нальчик	133,0		265,3	1994,7	14196	535,1	17918,5
Баксан	180,1	24	58,7	325,9	2613	445,1	9069,4
Прохладный	35,1	65	57,9	1649,6	2147	370,8	8305,5
Баксанский	829,6	24	63,2	76,2	2851	451,1	19052,7
Зольский	2124,5	63	45,6	21,5	2360	517,5	637,3
Лескенский	523,1	37	29,4	56,2	1099	373,8	77,9
Майский	384,8	51	38,9	101,1	1225	314,9	7373,8
Прохладненский	1342,0	65	45,2	33,7	1278	282,7	29427,7
Терский	893,1	53	50,7	56,8	2105	415,2	285,2
Урванский	458,1	28	73,9	161,3	2550	345,1	7748,1
Чегемский	1503,3	10	69,1	46,0	2704	391,3	245,4
Черекский	2212,5	40	27,9	12,6	1175	421,1	9896,3
Эльбрусский	1850,4	83	35,9	19,4	987	274,9	727,1
Итого	12470	100	865,8	69,4	37290	430,7	-

1) I – Площадь территории; II – Расстояние между столицей и административным центром районов по трассе, км; III – Численность населения, всего, тыс.; IV – Плотность населения, человек на км²; V – Количество хозяйствующих субъектов (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, крестьянско-фермерских хозяйств) на 1 июля 2018 г.; VI – Количество хозяйствующих субъектов на 10000 населения; VII – Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 человека, рублей.

2) На 01.01.2018 г.

3) На 1 июля 2018 г.

4) За 2017 г.

Составлено по: Дзагова С.С. Анализ проблем пространственного развития муниципальных территорий // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – №5 (79). – С.

41-49. – С. 42. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 01.09.2018). Показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Кабардино-Балкарской Республики // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/ru/municipal_statistics/kbrMstat/main_indicators/ (дата обращения: 20.08.2018). Количество хозяйствующих субъектов, учтенных в Статрегистре Кабардино-Балкарской Республики по состоянию на 01.07.2018 г., в разрезе муниципальных образований // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/75dd9500451e110498d9dec4d78fa45b/Табл.6_Хоз.цуб. МО.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

Данные таблицы подтверждают вывод о концентрации экономической деятельности в столице республики, что приводит к сужению возможностей и перспектив развития большинства муниципальных районов, снижению уровня жизни проживающего в них населения [Дзагова 2017: 39]. Но за этим исключением, данные официальной статистики не дают четкой и однозначной картины дифференциации экономического пространства по контурам административных границ муниципальных районов.

Вместе с тем, структурированность экономического пространства республики вполне реальна, и может быть представлена как в географических, так и собственно социально-экономических терминах. Еще в начале 2000-х гг. в контексте изучения трендовых изменений в комплексах природы, хозяйства и населения было зафиксировано формирование в КБР центрального ареала, вытянутого от столицы, г. Нальчика, в сторону г. Прохладного. Он определял региональный тренд развития всей республики, а на его периферии отмечалось наличие «точек роста» [Гуня 2004: 126-127]. Представляется, что к настоящему времени эта тенденция получила развитие. Ядро или центр тяжести экономического пространства республики образует территория, очерченная по линии Нальчик – Нарткала – Майский – Прохладный – Баксан – Чегем – Нальчик, которая охватывает, и к которой прилегают по периметру части Чегемского, Урванского, Майского, Прохладненского, Баксанского районов. Достаточно сказать, что этот ареал площадью около 2 тыс. км² (16 % территории республики) вмещает около 540 тыс. человек (62 % населения КБР, считая только население названных выше городов и наиболее крупных сельских поселений). С точки зрения перспективы ключевыми являются два вопроса: достаточен ли внутренний (прежде всего, инвестиционный, инновационный и человеческий) потенциал этого прото-агломерационного ареала, чтобы двинуться по пути инновационного развития экономики и будет ли нарастать или уменьшаться отставание от ядра «периферия» экономического пространства республики.

Заключение

Анализ статистических данных по социально-экономической ситуации и экономическому развитию Кабардино-Балкарской Республики подтверждает утвердившиеся в научной литературе представления о низких абсолютных и относительных показателях и длительном депрессивном состоянии экономики при наличии у республики определенных ресурсов и конкурентных преимуществ, создающих возможности для успешного развития. Вместе с тем, результаты изучения породивших наблюдаемую ситуацию факторов и научного поиска путей выхода из нее недостаточно полны и удовлетворительны. Одной из причин этого является преобладание работ, в которых основной единицей анализа выступают федеральные округа, включающие в свой состав Кабардино-Балкарию (ЮФО, СКФО), а основным методом является сравнение данных по КБР с усредненными показателями по округам и РФ в целом. Использованный в данной работе подход, основан на сравнительном анализе экономической ситуации и экономического развития КБР и одного из субъектов РФ – Калужской области, сопоставимой с КБР по масштабам, ресурсам и отраслевой структуре экономики, но существенно отличающейся по ее эффективности. Это позволяет корректнее оценить структурные факторы депрессивного состояния экономики КБР и определить ориентиры на перспективу для местного социума как агента региональной экономической практики и как субъекта региональной экономической политики.

Исследование показало, что базовыми факторами актуального депрессивного состояния экономики республики и, одновременно, факторами, затрудняющим выход из этого состояния являются весьма малые масштабы и отсталая структура ее производственного потенциала. На протяжении десятилетий происходит ухудшение относительных позиций КБР по обеспеченности основными производственными фондами и консервация их относительно отсталой структуры, в которой крайне незначительная доля приходится на обрабатывающие отрасли. Этот фактор определяет структуру валовой добавленной стоимости, интересы и мотивацию агентов экономической деятельности. Заниженная доля реального сектора и преобладание в его рамках сельского хозяйства ведет к искаженным пропорциям между объемами валового регионального продукта и фактического конечного потребления домашних хозяйств – потребляется больше, чем производится.

Отсюда – рентоориентированная модель экономического поведения, настроенная на получение средств из федерального бюджета и способствующая поддержанию питательной среды для коррупции и теневой экономики. В свою очередь, указанная совокупность обстоятельств практически не оставляет резервов для накопления, сохраняя на протяжении десятилетий вялую инвестиционную активность, низкие темпы и консервативную структуру обновления основных фондов. В таких условиях оказываются серьезно ослабленными стимулы и возможности мобилизации и развития

инновационного потенциала. Отставание от Калужской области по этому измерению экономического развития является разительным.

Важной характеристикой региональной экономики является плотность экономического пространства. Чем оно плотнее, отмечают специалисты, – тем прочнее его структура и тем быстрее имеющийся потенциал может быть задействован для экономической деятельности. В межрегиональных сравнениях это обстоятельство не очевидно – регионы, имеющие гораздо более высокие абсолютные и удельные (на душу населения) экономические показатели часто характеризуются низким уровнем плотности экономического пространства, ввиду обширности своей территории. Тем показательнее результаты сравнения КБР с Калужской областью, площадь территории которой больше в 2,4 раза. Заметно уступая в силу этого КБР по общей и экономической плотности населения, Калужская область имеет равные или более высокие показатели плотности основных факторов и результатов экономической активности. Вместе с тем, один из выводов из анализа, проведенного в данном исследовании, заключается в том, что ввиду сложной физико-географической структуры КБР, где 51 % территории приходится на горную зону, показатели плотности и связанности ее экономического пространства следовало бы рассчитывать относительно не всей территории, а только площади угодий. Кроме того, если отвлечься от административных границ муниципальных образований, то становится очевидным, что в центральной части республики имеется привязанное к ее столице ядро экономического пространства, характеризующееся высокой степенью плотности по всем измерениям. Представляется, что перспективы пространственного развития Кабардино-Балкарии связаны с наращиванием агломерационных характеристик и логистических функций этого ядра при одновременной интенсификации использования туристско-рекреационного потенциала южной горной зоны и аграрного потенциала восточной степной зоны ее территории.

Имеющиеся в экономической литературе суждения относительно путей и способов выхода экономики КБР из депрессивного состояния строятся на признании того, что Кабардино-Балкарская Республика относится к числу тех регионов, которые не могут встать на путь устойчивого экономического роста и экономической модернизации за счет внутренних ресурсов и собственными силами. Решающую роль тут должна сыграть региональная экономическая политика государства в лице федеральных и республиканских органов власти.

Выход из депрессивного состояния и переход к устойчивому социально-экономическому развитию рассматривается как функция стратегически осмысленной региональной политики и управления. При этом, наряду с обсуждением вариантов использования конкурентных преимуществ региона, выбора опорных отраслевых комплексов, построения организационно-экономических механизмов ставятся вопросы преодоления институциональных, социальных и политических препятствий перехода к устойчивому росту и развитию (укоренение институтов рыночной конкуренции, защита прав собственности, урегулирование земельных отношений, преодоление коррупции и клановости, повышение качества человеческого капитала).

Таким образом, обсуждение состояния и проблем развития экономики региона не ограничивается сферой действия собственно экономических механизмов. Речь, по сути дела, идет о том, что должны быть задействованы, в первую очередь, социально-политические ресурсы регионального развития – способность общества предъявить запрос на осуществление эффективной политики экономической модернизации и способность власти воплотить этот запрос в стратегический проект, выступив перед федеральным центром в качестве носителя собственной политической воли. Иными словами, речь идет о зрелости или незрелости социально-политического субъекта устойчивого регионального развития. Это значит, что гражданский потенциал населения республики должен рассматриваться столь же внимательно, сколь природно-ресурсный и производственный потенциалы территории; что способность регионального социума проявлять собственную политическую волю так же важна, как и наличие конкурентных преимуществ у региона; что полноценное функционирование демократических институтов коррелирует с эффективным обеспечением прав собственности и повышает уровень доверия в обществе как условие развития предпринимательской активности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аврамчикова 2012 – *Аврамчикова Н.Т.* Теоретические аспекты оценки качества экономического пространства // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 35 (266). – С. 2-13.

Аджикова, Школьникова 2016 – *Аджикова А.С., Школьникова Н.Н.* Интеграция регионов и качество экономического пространства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. – 2016. – № 2 (35). – С. 18-26.

Беков 2004 – *Беков Р.С.* Пространственно-временной метаморфоз экономической динамики России. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. – 318 с.

Бочко 2004 – *Бочко В.С.* Валовой региональный продукт: оценка развития территории // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2004. – № 8. – С. 31-44.

Бураев 2004 – *Бураев Р.А.* Социально-экономическая география Кабардино-Балкарии. Учебник. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – 325 с.

Галачиева и др. 2014 – *Галачиева С.В., Эркенова Л.З., Кушхова Д.С.* Современные тенденции развития региональной социально-экономической системы как объекта управления // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 4 (60). – С. 51-58.

Гордеев и др. 2014 – *Гордеев С.С., Зырянов С.Г., Иванов О.П., Кочеров А.В.* Валовой региональный продукт как интегральный показатель развития региональной экономики: специфика и проблемы использования // Социум и власть. – 2014. – № 5 (49). – С. 50-54.

Гранберг 2004 – *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики: учебник. 4-е издание – М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с.

Гуня 2004 – *Гуня А.Н.* Трендовые изменения и развитие горного региона: методология, географический анализ и возможности управления. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2004. – 224 с.

Джанаева, Шидов 2009 – *Джанаева З.А., Шидов С.А.* Инвестиционный климат КБР // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2009. – № 1 (27). – С. 45-50.

Дзагова 2017 – *Дзагова С.С.* Анализ проблем пространственного развития муниципальных территорий // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 5 (79). – С. 41-49.

Дикинов и др. 2010 – *Дикинов А.Х., Агузарова Л.А., Губашиева И.К.* Управление процессом перехода экономики дотационного региона к устойчивому развитию. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2010. – 152 с.

Дикинов и др. 2015 – *Дикинов А.Х., Губачиков Б.А., Иванова К.Т.* Развитие экономического пространства Северо-Кавказского макрорегиона России в аспекте качественных и количественных характеристик // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 6 (68). – С. 56-62.

Дикинов и др. 2009 – *Дикинов А.Х., Губашиева И.К., Темботов Т.М.* Формирование региональной рыночной инфраструктуры на современном этапе экономического развития // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2009. – № 3 (29). – С. 49-54.

Дикинов и др. 2016 – *Дикинов А.Х., Еиугаова А.А., Чаплаев Х.Г.* Консолидация региональных политик и стратегий как предпосылка устойчивого развития регионов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 5 (73). – С.69-78.

Дружинин 2005 – *Дружинин А.Г.* Юг России конца XX – начала XXI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 2005. – 283 с.

Загазежева 2009 – *Загазежева О.З.* Компоненты системного социально-экономического развития региона // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2009. – № 2 (28). – С. 47-53.

Иванов 2016 – *Иванов А.А.* Некоторые проблемы обеспечения устойчивого сбалансированного развития депрессивных республик Северного Кавказа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 5 (73). – С. 79-83.

Кабардино-Балкария... 1998 – *Кабардино-Балкария* в цифрах. Статистический ежегодник. 1998. – Нальчик: Госкомстат КБР, 1998. – 249 с.

Казанчева 2009 – *Казанчева Х.К.* Социально-экономические особенности функционирования депрессивного региона // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2009. – № 2 (28). – С. 55-63.

Казанчева и др. 2014 – *Казанчева Х.К., Махошева С.А., Ципинов О.А.* Особенности алгоритма развития региональной экономики в контексте теории устойчивого развития // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 2 (58). – С. 73-79.

Кандрокова 2013 – *Кандрокова Т.А.* Методологические подходы по определению инновационного потенциала региона // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2013. – № 6 (56). – С. 113-120.

Керэфов 2010 – *Керэфов М.А.* Некоторые подходы к модернизации региональной экономики Северного Кавказа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2010. – № 2 (34). – С. 67-74.

Киселев 2010 – *Киселев В.Н.* Сравнительный анализ инновационной активности субъектов Российской Федерации // Инновации. – 2010. – № 4 (138). – С. 44-55.

Куянцев, Кетенчиев 2009 – *Куянцев А.И., Кетенчиев М.В.* Региональная экономика и методы управления экономическими объектами инвестиционной значимости КБР // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2009. – № 3 (29). – С. 65-69.

Куянцев и др. 2014 – *Куянцев И.А., Кильчукова И.Л., Канаметова Д.А.* Методология формирования региональной концепции устойчивого социально-экономического развития // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 3 (59). – С. 124-130.

Мамбетов 2017 – *Мамбетов М.А., Темирболатова С.Х., Абитова Дж.Х., Такаева Х.Х.* Специфика системной организации экономического пространства на мезоуровне // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 3 (77). – С. 66-74.

Мамбетова, Маршанов 2010 – *Мамбетова Ф.А., Маршанов Б.М.* Оценка социально-экономического потенциала региона для выявления стратегических приоритетов развития территории // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2010. – № 4 (36). –

С. 33-42.

Митрофанова, Морозова 2008 – *Митрофанова И.В., Морозова И.А.* Основные характеристики и атрибутивные свойства экономического пространства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – № 6 (27). – С. 47-56.

Нагоева 2010 – *Нагоев А.Б.* Основные направления развития социально-экономической политики в регионе // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2010. – № 1 (33). – С. 97-102.

Овчинников 2010 – *Овчинников В.Н.* Социально-экономические проблемы и ресурсы стабилизации положения на Северном Кавказе в новом геоэкономическом формате // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 12 (69). – С. 11-20.

Рейтинг 2017 – *Рейтинг* инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 260 с.

Сабанчиев 2012 – *Сабанчиев А.Х.* Состояние факторов и архитектуры роста в экономике субъектов Северного Кавказа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2012. – № 2 (46). – С. 182-187.

Хасиева 2013 – *Хасиева Т.А.* Состояние экономического ландшафта Северо-Кавказского макрорегиона и перспективы его развития // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2013. – № 3 (53). – С. 128-133.

Хубиева, Мамбетова 2012 – *Хубиева Ж.К., Мамбетова Ф.А.* Управление модернизацией территории на основе эффективного использования социально-экономического потенциала региона (на материалах регионов Юга России). – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2012. – 184 с.

Хуранова 2011 – *Хуранова З.Б.* Обеспечение устойчивого социо-эколого-экономического развития региона. – Нальчик: Принт-центр, 2011. – 162 с.

Хуранова и др. 2010 – *Хуранова З.Б., Шогенов М.Х., Сабанчиев К.Х.* Экономический потенциал и механизм оценки устойчивого развития региона // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2010. – № 5 (37). – С. 142-149.

Шевлоков, Мисаков 2014 – *Шевлоков В.З., Мисаков В.С.* Ориентиры улучшения инвестиционного и предпринимательского климата в КБР // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 2 (58). – С. 110-113.

Шевлоков и др. 2012 – *Шевлоков В.З., Шевлокова Ф.Б., Хуранова З.Б.* Оценка социально-экономического потенциала региона // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2012. – № 2 (46). – С. 202-208.

Школьникова, Аджигова 2017 – *Школьникова Н.Н., Аджигова А.С.* Влияние качества экономического пространства на интеграционные процессы регионов СКФО // Россия: от стагнации к развитию (региональные, федеральные, международные проблемы). Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 03 февраля 2017 г.). – Ставрополь: Институт дружбы народов Кавказа, 2017. – 734 с.

Щетинина 2006 – *Щетинина Д.П.* Влияние неоднородности экономического пространства на индикаторы региональной динамики. Автореферат ... кандидата экономических наук. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2006. – 34 с.

REFERENCES

ADZHIKOVA A.S., SHKOL'NIKOVA N.N. *Integratsiya regionov i kachestvo ekonomicheskogo prostranstva* [The integration of regions and quality of economic space]. IN: Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Ekonomika. Ekologiya. – 2016. – No. 2 (35). – P. 18-26. (In Russian)

AVRAMCHIKOVA N.T. *Teoreticheskie aspekty otsenki kachestva ekonomicheskogo prostranstva* [Theoretical aspects of the assessing the quality of economic space]. IN: Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. – 2012. – No. 35 (266). – P. 2-13. (In Russian)

BEKOV R.S. *Prostranstvenno-vremennoi metamorfoz ekonomicheskoi dinamiki Rossii* [Spatial and temporal metamorphosis of the Russia's economic dynamics]. – Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2004. – 318 p. (In Russian)

BOCHKO V.S. *Valovoi regional'nyi produkt: otsenka razvitiya territorii* [Gross regional product: assessment of territory's economic development]. IN: *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. – 2004. – No. 8. – P. 31-44. (In Russian)

BURAEV R.A. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya Kabardino-Balkarii. Uchebnik*. [Social and economic geography of the Kabardino-Balkaria. A textbook]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2004. – 325 p. (In Russian)

DIKINOV A.Kh., AGUZAROVA L.A., GUBASHIEVA I.K. *Upravlenie protsessom perekhoda ekonomiki dotatsionnogo regiona k ustoichivomu razvitiyu* [Directing the transition of subsidized region to sustainable development]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2010. – 152 p. (In Russian)

DIKINOV A.Kh., ESHUGAOVA A.A., CHAPLAEV KH.G. *Konsolidatsiya regional'nykh politik i strategii kak predposylka ustoichivogo razvitiya regionov* [Consolidation of regional policies and strategies as a prerequisite of sustainable development of regions]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2016. – No. 5 (73). – P. 69-78. (In Russian)

DIKINOV A.Kh., GUBACHIKOV B.A., IVANOVA K.T. *Razvitie ekonomicheskogo prostranstva Severo-Kavkazskogo makroregiona Rossii v aspekte kachestvennykh i kolichestvennykh kharakteristik* [Development of economic space of the North Caucasian macroregion of Russia in aspect of qualitative and quantitative characteristics]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2015. – No. 6 (68). – P. 56-62. (In Russian)

DIKINOV A.Kh., GUBASHIEVA I.K., TEMBOTOV T.M. *Formirovanie regional'noi rynochnoi infrastruktury na sovremennom etape ekonomicheskogo razvitiya* [Formation of the regional market infrastructure at the present stage of economic development]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2009. – No. 3 (29). – P. 49-54. (In Russian)

DRUZHININ A.G. *Yug Rossii kontsa XX – nachala XXI v. (ekonomiko-geograficheskie aspekty)* [Russia's South in late 20th – early 21st century (economic and geographical aspects)]. – Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo RGU, 2005. – 283 p. (In Russian)

DZAGOVA S.S. *Analiz problem prostranstvennogo razvitiya munitsipal'nykh territorii* [Analysis of problems of spatial development of municipal territories]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2017. – No. 5 (79). – P. 41-49. (In Russian)

DZHANAIEVA Z.A., SHIDOV S.A. *Investitsionnyi klimat KBR* [Investment climate in KBR]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2009. – No. 1 (27). – P. 45-50. (In Russian)

GALACHIEVA S.V., ERKENOVA L.Z., KUSHKHOVA D.S. *Sovremennye tendentsii razvitiya regional'noi sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy kak ob'ekta upravleniya* [Modern trends of development of regional socio-economic system]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2014. – No. 4 (60). – P. 51-58. (In Russian)

GORDEEV S.S., ZYRYANOV S.G., IVANOV O.P., KOCHEROV A.V. *Valovoi regional'nyi produkt kak integral'nyi pokazatel' razvitiya regional'noi ekonomiki: spetsifika i problemy ispol'zovaniya* [Gross regional product as the integral component of regional economy development: specific and problems of use]. IN: *Sotsium i vlast'*. – 2014. – No. 5 (49). – P. 50-54. (In Russian)

GRANBERG A.G. *Osnovy regional'noi ekonomiki: uchebnik. 4-e izdanie*. [Foundations of regional economy. 4th edition]. – M.: Izdatel'skii Dom GU VShE, 2004. – 495 p. (In Russian)

GUNYA A.N. *Trendovye izmeneniya i razvitie gornogo regiona: metodologiya, geograficheskii analiz i vozmozhnosti upravleniya* [Trend changes and the development of the mountain region: methodology, geographic analysis and possibilities of steering]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2004. – 224 p. (In Russian)

IVANOV A.A. *Nekotorye problemy obespecheniya ustoichivogo sbalansirovannogo razvitiya depressivnykh respublik Severnogo Kavkaza* [Some problems of ensuring the sustainable

balanced development of the depressive republics of the North Caucasus]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2016. – No. 5 (73). – P. 79-83. (In Russian)

Kabardino-Balkariya v tsifrakh. Statisticheskii ezhegodnik. 1998 [Kabardino-Balkaria in numbers. Statistical yearbook. 1998]. – Nal'chik: Goskomstat KBR, 1998. – 249 p. (In Russian)

KANDROKOVA T.A. *Metodologicheskie podkhody po opredeleniyu innovatsionnogo potentsiala regiona* [Methodological approaches to definition of regional innovation potential]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2013. – No. 6 (56). – P. 113-120. (In Russian)

KAZANCHEVA Kh.K. *Sotsial'no-ekonomicheskie osobennosti funktsionirovaniya depressivnogo regiona* [Social and economic features of functioning of the depressive region]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2009. – No. 2 (28). – P. 55-63. (In Russian)

KAZANCHEVA Kh.K., MAKHOSHEVA S.A., TSIPINOV O.A. *Osobennosti algoritma razvitiya regional'noi ekonomiki v kontekste teorii ustoichivogo razvitiya* [Specific features of algorithm of development of regional economy in the context of the theory of sustainable development]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2014. – No. 2 (58). – P. 73-79. (In Russian)

KEREF OV M.A. *Nekotorye podkhody k modernizatsii regional'noi ekonomiki Severnogo Kavkaza* [Some approaches to modernization of regional economy of the North Caucasus]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2010. – No. 2 (34). – P. 67-74. (In Russian)

KHASIEVA T.A. *Sostoyanie ekonomicheskogo landshafta Severo-Kavkazskogo makroregiona i perspektivy ego razvitiya* [Condition of the economic landscape of the North Caucasian macroregion and prospects of its development]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2013. – No. 3 (53). – P. 128-133. (In Russian)

KHUBIEVA Zh.K., MAMBETOVA F.A. *Upravlenie modernizatsiei territorii na osnove effektivnogo ispol'zovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala regiona (na materialakh regionov Yuga Rossii)* [Management of the modernization of the territory on the basis of effective use of region's socio-economic potential (by the case of South Russia's regions)]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2012. – 184 p. (In Russian)

KHURANOVA Z.B. *Obespechenie ustoichivogo sotsio-ekologo-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Ensuring sustainable social, ecological and economic development of the region]. – Nal'chik: Print-tsentr, 2011. – 162 p. (In Russian)

KHURANOVA Z.B., SHOGENOV M.Kh., SABANCHIEV K.Kh. *Ekonomicheskii potentsial i mekhanizm otsenki ustoichivogo razvitiya regiona* [Economic potential and the mechanism of the estimation of the sustainable development of a region]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2010. – No. 5 (37). – P. 142-149. (In Russian)

KISELEV V.N. *Sravnitel'nyi analiz innovatsionnoi aktivnosti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Comparative analysis of innovation activity of subjects of the Russian Federation]. IN: *Innovatsii.* – 2010. – No. 4 (138). – P. 44-55. (In Russian)

KUYANTSEV A.I., KETENCHIEV M.V. *Regional'naya ekonomika i metody upravleniya ekonomicheskimi ob"ektami investitsionnoi znachimosti KBR* [Regional economy and methods of management of KBR economic objects having investment importance]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2009. – No. 3 (29). – P. 65-69. (In Russian)

KUYANTSEV I.A., KIL'CHUKOVA I.L., KANAMETOVA D.A. *Metodologiya formirovaniya regional'noi kontseptsii ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Methodology of forming the regional concept of sustainable socio-economic development]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2014. – No. 3 (59). – P. 124-130. (In Russian)

MAMBETOV M.A., TEMIRBOLATOVA S.Kh., ABITOVA Dzh.Kh., TAKAEVA Kh.Kh. *Spetsifika sistemnoi organizatsii ekonomicheskogo prostranstva na mezourovne* [Specificity of the system organization of the economic space at the mezo-level]. IN: *Izvestiya Kabardino-*

Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2017. – No. 3 (77). – P. 66-74. (In Russian)

MAMBETOVA F.A., MARSHANOV B.M. *Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala regiona dlya vyyavleniya strategicheskikh prioritetov razvitiya territorii* [Assessment of the socio-economic potential of the region for determination of strategic development priorities of the territory]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2010. – No. 4 (36). – P. 33-42. (In Russian)

MITROFANOVA I.V., MOROZOVA I.A. *Osnovnye kharakteristiki i atributivnye svoistva ekonomicheskogo prostranstva* [Main characteristics and attributes of economic space]. IN: *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'.* – 2008. – No. 6 (27). – P. 47-56. (In Russian)

NAGOEV A.B. *Osnovnye napravleniya razvitiya sotsial'no-ekonomicheskoi politiki v regione* [The basic directions and methods of development of the regional economic policy]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2010. – No. 1 (33). – P. 97-102. (In Russian)

OVCHINNIKOV V.N. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy i resursy stabilizatsii polozheniya na Severnom Kavkaze v novom geoekonomicheskom formate* [Socio-economic problems and resources of stabilizing the situation in the North Caucasus in a new geo-economic format]. IN: *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'.* – 2010. – No. 12 (69). – P. 11-20. (In Russian)

Reiting innovatsionnogo razvitiya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. Vypusk 5. [Russian Regional Innovation Scoreboard. Issue 5]. – M.: NIU VShE, 2017. – 260 p. (In Russian)

SABANCHIEV A.Kh. *Sostoyanie faktorov i arkhitektury rosta v ekonomike sub"ektov Severnogo Kavkaza* [Condition of factors and of architecture of growth in economies of federal subjects of the Northern Caucasus]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2012. – No. 2 (46). – P. 182-187. (In Russian)

SHCHETININA D.P. *Vliyanie neodnorodnosti ekonomicheskogo prostranstva na indikatory regional'noi dinamiki. Avtoreferat ... kandidata ekonomicheskikh nauk* [The influence of the economic space's diversity on the indices of regional economy. Abstract of the thesis for a candidate of economic sciences degree]. – Rostov-na-Donu: RGU, 2006. – 34 p. (In Russian)

SHEVLOKOV V.Z., MISAKOV V.S. *Orientiry uluchsheniya investitsionnogo i predprinimatel'skogo klimata v KBR* [Reference points of improvement of investment and enterprise climate in KBR]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2014. – No. 2 (58). – P. 110-113. (In Russian)

SHEVLOKOV V.Z., SHEVLOKOVA F.B., KHURANOVA Z.B. *Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala regiona* [Estimation of social and economic region's potential]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2012. – No. 2 (46). – P. 202-208. (In Russian)

SHKOL'NIKOVA N.N., ADZHIKOVA A.S. *Vliyanie kachestva ekonomicheskogo prostranstva na integratsionnye protsessy regionov SKFO* [The influence of the economic spaces quality on the process of integration of the NCFD regions]. IN: *Rossiya: ot stagnatsii k razvitiyu (regional'nye, federal'nye, mezhdunarodnye problemy)* [Russia: from stagnation to development (regional, federal and international issues)]. *Sbornik materialov XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', 03 fevralya 2017 g.)* [Proceedings of the 12th International scientific and practical conference (Stavropol, February 3, 2017)]. – Stavropol': Institut druzhby narodov Kavkaza, 2017. – 734 p. (In Russian)

ZAGAZEZHEVA O.Z. *Komponenty sistemnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Components of the system social and economic development of a region]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2009. – No. 2 (28). – P. 47-53. (In Russian)

УДК 316.422

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-129-148

ОБЩЕСТВО СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: КОНТУРЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Ж.М. ХАМДОХОВА

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований
360002, КБР, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2
E-mail: janenal@mail.ru*

Аннотация. В настоящей работе представлена модель социальной стратификации кабардино-балкарского общества по критерию ресурсообеспеченности. Особое внимание уделяется исследованию влияния различных видов ресурсов и капиталов на положение индивидов в стратификационной системе, анализу значимости каждого из ресурсов, а также условий, при которых происходит конвертация ресурсов в капитал. Выявлены существенные факторы стратификации общества. Изучены основные параметры стратификации кабардино-балкарского общества в сравнении с российским. На основе кластеризации по ресурсообеспеченности выделены основные группы, составлявшие реальную социальную структуру современного кабардино-балкарского общества, объяснены причины устойчивого социального неравенства между ними. Определена специфика социальной структуры. В статье используются результаты социологического исследования ЦСПИ КБНЦ РАН, проведенного в Кабардино-Балкарской Республике в 2017 г.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика; социальная структура; социальная стратификация; ресурсный подход; капитал; актив; ресурсы, ресурсообеспеченность.

MODERN KABARDIN-BALKAR SOCIETY: CONTOURS OF SOCIAL STRUCTURE

Zh.M. KHAMDOKHOVA

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360002, KBR, Nalchik, Balkarova st., 18
E-mail: janenal@mail.ru*

Abstract. The article continues an analysis of the data obtained in sociological survey, conducted by the Center of socio-political researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Kabardin-Balkar Republic in 2017. Here is presented the model of social stratification of the Kabardin-Balkar society built on the availability of resources distribution indexes. Special attention is paid to a research of influence of different types of resources and the capitals on the position of individuals in the stratification system, to the analysis of the importance of each of resources and conditions under which the converting of resources into the capital becomes possible. Essential factors of social stratification are identified and the basic parameters of

the Kabardin-Balkar society's stratification in comparison with the Russian one are studied. By means of clustering sociological variables in terms of resource availability, the main groups that make up the real social structure of modern Kabardin-Balkari society are delineated, and the reasons for the persistent social inequality between them are explained and some peculiarities of the regional society's social structure is defined.

Key words: Russia; Kabardin-Balkar Republic; social structure; social stratification; resource approach; capital; asset; resources; availability of resources.

Введение

В предлагаемой статье продолжено изучение социальной структуры общества Кабардино-Балкарской Республики на основе материалов социологического исследования, проведенного в 2017 году Центром социально-политических исследований КБНЦ РАН. Анализ полученных данных осуществлялся через призму двух подходов – ресурсного и одноступенчатого классового. Результаты исследования в рамках обоих подходов представлены в двух предыдущих статьях [Хамдохова 2018a, 2018b]. В них рассмотрены факторы социальной структуризации, определены общий объем и структура имеющихся у населения КБР ресурсов, конфигурация и параметры модели стратификации кабардино-балкарского общества по критерию уровня жизни, проанализирован реальный уровень жизни населения КБР на основе оценки благосостояния и уровня депривации граждан, рассмотрены численность и характерные признаки основных слоев, а также факторы принадлежности к социальному слою.

Ниже будет представлена модель социальной стратификации кабардино-балкарского общества, где в качестве оснований для стратификации выделяются объем и структура ресурсов (капиталов, активов), которыми обладают индивиды. Ресурс сам по себе, это только ресурсный потенциал – возможность для индивида изменить свое материальное или социальное положение. Когда он используется в процессе обмена и оказывает сколько-нибудь ощутимое положительное воздействие на положение его владельца в социуме – он превращается в реальный актив. В свою очередь, если актив не только способен накапливаться, конвертироваться в денежную форму и воспроизводиться, но и приносить новую, добавочную стоимость, превышающую объемы, необходимые для простого воспроизводства соответствующего ресурса – он рассматривается как капитал. Различие форм функционирования ресурсов, которыми располагают члены данного общества лежит в основе его дифференциации на разные слои и классы [Тихонова 2014: 273]. В рамках ресурсной парадигмы исследовалось влияние различных видов ресурсов и капиталов на положение индивидов в стратификационной системе кабардино-балкарского общества, проводился анализ значимости каждого из ресурсов, а также условий, при которых происходит конвертация ресурсов в капитал.

Объем и структура имеющихся ресурсов как основа различий уровня жизни в современном кабардино-балкарском обществе

Исследование показало, что каждый пятый из числа опрошенных полностью лишен всех видов ресурсов, имеющих статус реальных активов, что свидетельствует о не востребованности ресурсов данной категории людей экономикой КБР. Еще 35% населения более стабильно включено в экономическую жизнь, но использование ресурсов, которыми они располагают, неспособно оказать сколь-нибудь ощутимое позитивное воздействие на положение их владельцев в социуме. 42% населения обладает ресурсами, на уровне позволяющим им работать как актив, хотя две трети из этой категории находятся в неустойчивой ситуации. И, наконец, лишь 2% имеют показатели индекса ресурсообеспеченности на уровне, допускающем их превращение в капитал [Хамдохова 2018а: 243].

Для наглядности оценка параметров распределения значений ресурсообеспеченности населения КБР представлена в таблице 1.

Таблица 1

Распределение значений ресурсообеспеченности населения КБР

Показатели	Значение ресурсообеспеченности	Процентили:	Значение ресурсообеспеченности
Среднее значение	8,27	10	3,00
Медиана	8,00	20	4,00
Мода	7	25	5,00
Размах величины	22	30	6,00
Минимум	1	40	7,00
Максимум	23	50	8,00
		60	9,00
		70	10,00
		75	11,00
		80	12,00
		90	14,00

В левой части таблицы приведены общие параметры распределения значений ресурсообеспеченности. Размах ее величины – 22 балла, при этом наименьшая величина составляет 1 балл, наибольшее значение равно 23 баллам. Самое «типичное», то есть наиболее часто встречающееся, значение обеспеченности ресурсами составляет 7 баллов (мода), а медианное – которое делит исследуемую совокупность на две равные части – 8 баллов. В правой части таблицы показано нарастание значений ресурсообеспеченности с шагом по 10% от общего числа опрошенных (по процентиллям): до трех баллов у

первых 10 %, до 4 баллов у первых 20% и т.д. Здесь явно выступает степень дифференциации различных слоев по показателям ресурсообеспеченности: обеспеченность ресурсами нижних 10% респондентов не превышает трех баллов, а верхние 10% имеют ресурсообеспеченность свыше 14 баллов.

Сравнение основных параметров стратификации российского и кабардино-балкарского обществ показывает, что общие показатели их ресурсообеспеченности практически не отличаются (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные параметры модели социальной стратификации по критерию уровня ресурсообеспеченности по РФ и КБР (в баллах)

Характеристики модели	по РФ, 2008 г.	по КБР, 2017 г.
Минимальные значения ИР	0	1
Максимальные значения ИР	23	23
Среднеарифметические значения ИР	7,14	8,27
Медианные значения ИР	7	8
Модальные значения ИР	4	7

Если сравнить модели стратификации кабардино-балкарского общества по критерию ресурсообеспеченности и по критерию уровня жизни, то оказывается, что общие контуры моделей в находящихся выше уровня медианы частях довольно близки (см. рис. 1, где сплошной линией показана медиана распределений). Кроме того, на обеих моделях четко выделяется нижняя суживающаяся часть, в которой сосредоточено более четверти населения КБР (29%). По словам Тихоновой Н.Е., эта схожесть не случайна и уровень жизни действительно прямо зависит от общего объема имеющихся ресурсов, в том числе и «неэкономических» [Тихонова 2014: 321].

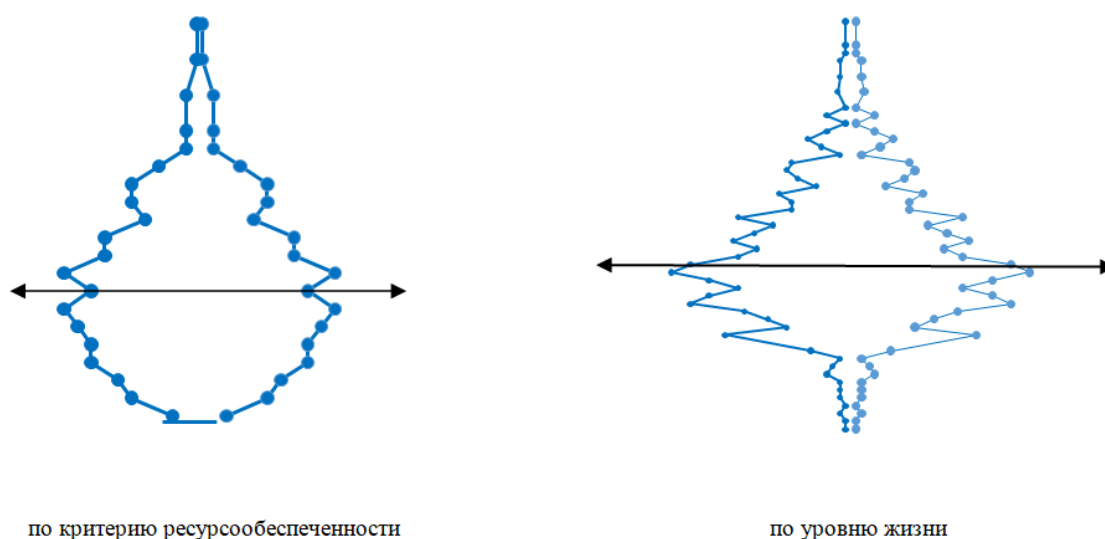
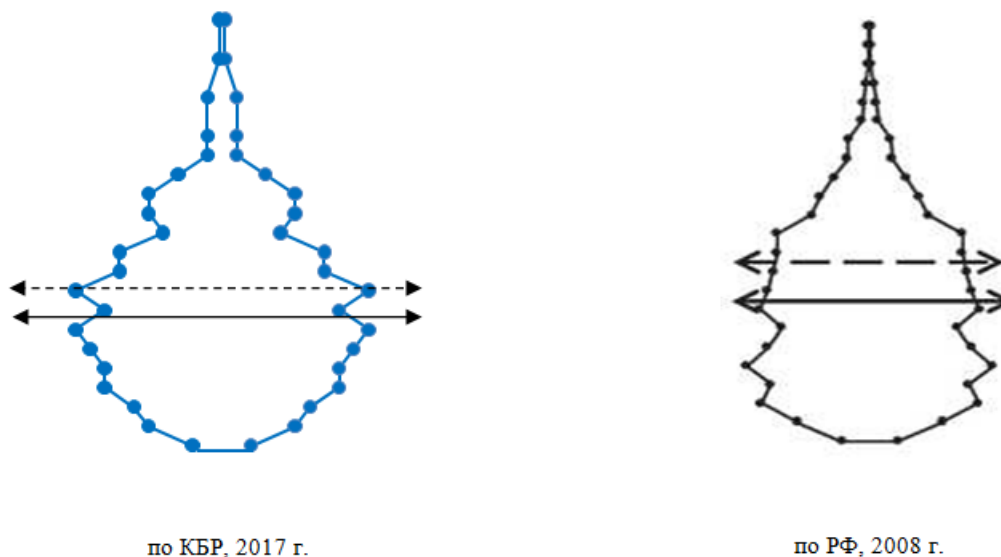

Рисунок 1 – Модели социальной стратификации кабардино-балкарского общества по критерию ресурсообеспеченности и уровню жизни

Конфигурация полученной модели стратификации кабардино-балкарского общества по критерию ресурсообеспеченности характерна и для современного российского общества в целом (см. рис. 2). Сплошной линией на рисунке 2 показана медиана распределений, а пунктирной – тот показатель индекса ресурсообеспеченности, начиная с которого ресурсы превращаются в актив.

по КБР, 2017 г.

по РФ, 2008 г.

Рисунок 2 – Модель социальной стратификации кабардино-балкарского и российского обществ по критерию ресурсообеспеченности

Как видно на рисунке 3, совокупный ресурс и «неэкономические» виды ресурсов имеют аналогичные изменения от слоя к слою. Вместе с тем с увеличением уровня жизни в слое их показатели начинают постепенно «расходиться», образуя «дельту» (прибыль), которую приносят «неэкономические» виды капитала представителям верхних слоев. Эффект «дельты» достигается в силу непропорционального распределения «неэкономических» ресурсов между всеми членами кабардино-балкарского общества, что обуславливает в нем социальное неравенство.

Если говорить об общей структуре кабардино-балкарского общества по критерию ресурсообеспеченности, то более половины в нем (54%) обладают таким объемом ресурсов, который не может рассматриваться как актив, а 46% приходится на относительно высокоресурсную группу, которая имеет возможность занять благоприятные структурные позиции, получая при этом относительно высокие доходы, а также имеет благополучные условия жизни, характеризующиеся положительной динамикой и хорошими жизненными шансами во всех сферах жизнедеятельности.

Некоторые виды ресурсов, начиная с определенного их уровня (≥ 2 балла), работают весьма эффективно, и шансы людей занять относительно более высокую позицию в рамках стратификации по уровню жизни прямо коррелируют с показателями каждого из них. Следует отметить, что не все

виды ресурсов имеют решающее значение для социального статуса индивидов. К числу таких ресурсов относятся личностный и символический [Давыдова, Тихонова 2006: 31].

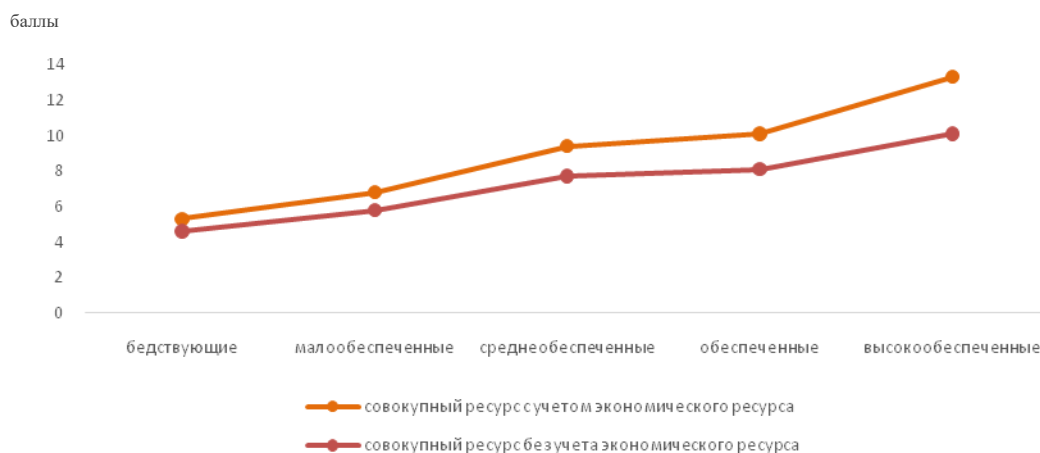

Рисунок 3 – Среднеарифметические показатели совокупного ресурса населения КБР в слоях, выделенных по критерию уровня жизни, баллы

В результате проведенного анализа было выделено 4 вида ресурсов, успешно работающих в качестве капитала. Речь идет об экономическом, квалификационном, социальном и властном ресурсах, причем, каждый из них только при условии определенного его объема (≥ 3 балла) рассматривался в качестве такового. Обладание такими ресурсами является одной из главных причин, обуславливающих вероятность попадания в тот или иной кластер (коэффициент Спирмена для экономического ресурса равен 0,679, властного – 0,616, социального – 0,593 и квалификационного – 0,568).

Социальная структура кабардино-балкарского общества

Для исследования стратификационной структуры кабардино-балкарского общества была применена процедура кластерного анализа, в основу которого был положен критерий ресурсообеспеченности. В результате вся совокупность респондентов была разделена на 6 основных групп, имеющих ресурсы разной структуры (см. табл. 3). Оптимальное число групп было определено на основе кластеризации респондентов с определенным набором значимых и незначимых капиталобразующих ресурсов (экономического, квалификационного, социального и властного).

Итак, в первый кластер вошли респонденты, обладающие всеми четырьмя видами ресурсов в качестве актива либо капитала. В шестой кластер, напротив, вошли респонденты, не обладающие ни одним значимым капиталобразующим ресурсом. Второй кластер объединил тех, кто обладает, как минимум, тремя из четырех видов ресурсов в статусе актива либо капитала. Остальные кластеры отличаются тем, что каждый из них объединяет респондентов, обладающих одним значимым ресурсом – экономическим (третий кластер), социальным (четвертый кластер) и квалификационным (пятый кластер). Причем в составе

этих кластеров есть респонденты, обладающие еще одним ресурсом в размере актива или капитала. Так, в третьем кластере некоторые респонденты наряду с экономическим обладают также значимым квалификационным, либо социальным, либо властным ресурсами. В четвертом кластере есть группа обладающих значимым социальным ресурсом в сочетании со значимым квалификационным либо властным ресурсами. В пятом кластере часть респондентов наряду со значимым квалификационным ресурсом располагает также значимым властным ресурсом.

Таблица 3

Классификация кластеров, различающихся структурой их ресурсообеспеченности по капиталобразующим ресурсам¹

	Кластеры											
	1	2			3			4			5	
Экономический	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Квалификационный	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Социальный	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Властный	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■

Итак, рассмотрим общий портрет *1 кластера* (12%), который условно можно назвать «высокоресурсным», поскольку его представители обладают всеми четырьмя капиталобразующими ресурсами в размере актива либо капитала. Большинство его представителей – образованные люди: 86% имеют законченное высшее образование и 4% – незаконченное высшее и столько же ученую степень. В то же время немногим меньше половины из них (45%) – выходцы из семей, где родители высшего образования не имели, а у 29% они имели среднее специальное образование. В основном это специалисты (38%), хотя достаточно значимо в кластере и представительство предпринимателей (18%), а также руководителей (14%). Нефизический характер труда в данном кластере имеют 90%, причем в массе своей его представители работают в госсекторе (54%), в том числе 16% – в сфере государственного управления. Что касается места жительства, то для них наиболее характерно проживание в г. Нальчике (37%) и районных центрах (30%).

Чуть более половины (52%) представителей 1-го кластера – это сравнительно молодые люди в возрасте до 40 лет. Практически каждый третий (36%) – в возрасте 30-39-лет, каждый четвертый (26%) – в возрасте 40-49 лет, 18% приходится на 50-59-летних и 4% – на 60-69-летних.

По уровню жизни картина выглядит следующим образом: свыше половины 1-го кластера (53%) – состоятельные люди, среди которых каждый третий является представителем обеспеченных и каждый пятый – высокообеспеченных слоев кабардино-балкарского общества. На долю среднеобеспеченных слоев приходится 47%.

С точки зрения ресурсообеспеченности «высокоресурсный» кластер характеризуется прежде всего сравнительно высоким уровнем объема

¹ Фоном выделены ресурсы в статусе актива либо капитала

агрегированного ресурса в 15,0 баллов (при среднем значении 8 баллов по всему массиву опрошенных) и неэкономических ресурсов в 12 баллов (при среднем значении в 7 баллов по всему массиву), а также человеческого капитала (у всех представителей группы человеческий капитал имеет качество актива). В плане соотношения ресурсов, для кластера свойственны высокие показатели экономического и социального ресурсов (соответственно 3,1 и 2,9 баллов), причем социальный ресурс имеет качество капитала у 69%. Достаточно развит и властный ресурс: 86% располагают им как активом и 14% – как капиталом. И поскольку экономический ресурс в качестве капитала присутствует у 65% кластера, а доходы от бизнеса и собственности получает в нем практически каждый второй (48%), речь может идти о разновидности властного ресурса, который хорошо конвертируется в экономический.

При анализе полученного эмпирического материала также выяснилось, что 1-й кластер распадается на две подгруппы, одну из которых можно условно назвать группой «собственников и управленцев», на долю которой приходится 3% от числа опрошенных и 22% от численности кластера. Главное отличие этой подгруппы от остальных представителей данного кластера – возраст, профессиональный состав и экономическая отдача от имеющихся ресурсов. Представители подгруппы «собственников и управленцев» в массе своей – это предприниматели и управленцы (67%) старше 40 лет (64%), в то время как во второй подгруппе преобладают специалисты с высшим образованием (42%) моложе 40 лет (58%). Средний балл капиталобразующих ресурсов в этих подгруппах составляет соответственно 3,2 балла и 2,5 балла. Таким образом, при, казалось бы, одинаковой структуре ресурсов обеих подгрупп, экономическая отдача от имеющихся ресурсов различается у них довольно заметно. Так, в подгруппе «собственников и управленцев» всеми четырьмя видами капитала одновременно обладают 18% опрошенных, тремя видами капитала – 72% (у 46% в статусе капитала присутствуют экономический, социальный и квалификационный ресурсы; у 36% – экономический, социальный и властный ресурсы). У второй подгруппы экономический ресурс имеет качество капитала у 55%, социальный – у 60%, квалификационный – у 17% и властный – у 2%. Доходы от бизнеса и собственности в подгруппе «собственников и управленцев» получают 72%, во второй подгруппе – 38%. Различия в подгруппах, прямо вытекающие из их принадлежности к разным поколениям, хорошо видны и в обеспеченности физиологическим и культурным ресурсами. Так, в старшей по возрасту подгруппе «собственников и управленцев» культурным и физиологическим ресурсами в размере капитала обладают соответственно 27% и 36%, во второй – по 48%.

Таким образом, 1-й кластер по всем признакам, с точки зрения ресурсного подхода, является верхним слоем.

Рассмотрим теперь **2-й кластер** (18%), представители которого обладают тремя видами капиталобразующих ресурсов в размере актива либо капитала. 59% в нем – сравнительно молодые люди в возрасте до 40 лет, на 40-49-летних приходится 21% и столько же (20%) на тех, кто старше 50 лет.

Все без исключения обладают значимым квалификационным ресурсом, в том числе 84% – в качестве актива и 16% – в качестве капитала. Большинство представителей 2-го кластера (72%) обладают значимым социальным ресурсом, в том числе 29% – в качестве актива и 43% – в качестве капитала. Значимым властным ресурсом обладают 80%, физиологическим – 55%, культурным – 33%. Значимым экономическим ресурсом обладают 47%, в том числе каждый пятый (21%) – в качестве капитала. Агрегированный ресурс составляет 11,7 баллов в среднем по кластеру. Следует отметить, что обладание соответствующим объемом «неэкономических» ресурсов (квалификационного, властного и социального) обеспечило каждому второму из этого кластера возможность принадлежать к нему даже без наличия у него необходимого экономического капитала.

По уровню жизни картина выглядит следующим образом: 30% являются представителями малообеспеченных слоев, 53% – среднеобеспеченных и 17% – обеспеченных и высокообеспеченных слоев населения.

Абсолютное большинство его представителей – образованные люди: 84% имеют законченное высшее и 8% – незаконченное высшее образование, 7% имеют среднее специальное образование. Большая часть из них (39%) – выходцы из семей, где родители имели высшее либо неполное высшее образование, а у 20% они имели среднее специальное образование. Преимущественно – это специалисты с высшим образованием (40%). Служащие из числа технического и обслуживающего персонала составляют 13% и практически столько же (11%) – руководители различного уровня, на долю квалифицированных рабочих и безработных (безработных и ищущих работу) приходится по 8%. Каждый четвертый работает в социальной сфере (26%) и каждый десятый (11%) в сфере государственного управления. В финансовой сфере заняты 17%, а в сферах транспорта и связи, сельского хозяйства, оптово-розничной торговли – по 7%. Что касается места жительства, то для них наиболее характерно проживание в г. Нальчике (36%) и в районных центрах (24%).

3-й кластер (15%) объединил тех, кто обладает значимым экономическим ресурсом, причем большая доля представителей данного кластера (63%) наряду с экономическим располагает и другим капиталобразующим ресурсом (квалификационным, либо социальным, либо властным) в статусе актива или капитала.

По возрасту 3-й кластер отличается от предыдущих. Менее половины кластера (38%) – сравнительно молодые люди в возрасте до 40 лет. На 40-49-летних приходится 14%, на тех, кому за 50-59-летних – 23%, на тех, кому за 60 лет – 25%.

По уровню жизни картина выглядит следующим образом: 50% – являются представителями среднеобеспеченных слоев, 29% – из малообеспеченных, 18% и 3% – соответственно из обеспеченных и высокообеспеченных слоев населения.

Каждый второй представитель 3-го слоя имеет среднее специальное образование, 32% – высшее либо неполное высшее, 15% – среднее общее

образование. 42% – выходцы из семей, где родители имели среднее специальное образование, 21% – высшее либо неполное высшее образование, а у 14% они имели неполное среднее образование. По своему профессиональному составу 3-й кластер достаточно пестрый: специалисты с высшим образованием составляют 8%, служащие из числа технического и обслуживающего персонала – 13%, квалифицированные рабочие – 10%, самозанятые – 16%, неработающие (безработные и ищущие работу) – 13%, разнорабочие – 7%, пенсионеры – 23%. В сфере оптовой и розничной торговли трудится каждый четвертый, в жилищно-коммунальном хозяйстве и социальной сфере – соответственно 19% и 11%, сельском хозяйстве – 14%. Что касается места жительства, то большая часть из них – горожане: на долю нальчан приходится 39%, в районных центрах и селах проживают соответственно 26% и 35%.

Что касается ресурсобеспеченности, то 29% кластера располагают экономическим ресурсом в размере капитала (у остальных 71% – в размере актива). Квалификационным ресурсом в статусе актива располагают 23%, социальным ресурсом в статусе актива или капитала обладают соответственно 11% и 5%, властным ресурсом в размере актива располагают 19%. Значимыми культурным и физиологическим ресурсами обладают соответственно 11% и 33%.

Агрегированный ресурс составляет 7,1 балла в среднем по кластеру.

Представители *4-го кластера* (20%) обладают социальным ресурсом в статусе актива либо капитала, причем пятый из данного кластера располагает наряду с социальным и другим капиталобразующим ресурсом – квалификационным (49%) либо властным (32%) – в статусе актива или капитала.

Как и в 3-м кластере здесь сравнительно молодые (до 40 лет) составляют меньше половины, в том числе 23% – в возрасте до 29 лет и 19% – в возрасте 30-39. Каждый четвертый представитель (24%) – в возрасте 40-49 лет, каждый пятый – 50-59-лет и 14% приходится на тех, кому за 60 лет.

По уровню жизни картина выглядит следующим образом: на долю бедствующих слоев населения приходится 5%, малообеспеченных – 51%, среднеобеспеченных – 36, обеспеченных и высокообеспеченных – 8%.

Большие половины представителей 4-го кластера (52%) имеют незаконченное высшее или высшее образование, 28% – среднее специальное образование, 17% – среднее общее, а неполное среднее – 3%. Представители данного кластера являются выходцами из семей, где родители имели среднее специальное образование (36%), неполное среднее (21%) или среднее образование (19%). По своему профессиональному составу он достаточно пестрый: 15% приходится на специалистов с высшим образованием, на долю квалифицированных рабочих и разнорабочих – соответственно 11% и 10%, служащих из числа технического и обслуживающего персонала – 7%, самозанятых – 5%, неработающих (безработных или ищущих работу) – 22%. На пенсионеров приходится 19%. В социальной сфере работают 20%, в сельском хозяйстве и в сфере транспорта и связи – по 15%, в оптово-розничной торговле – 9%.

Представители 4-го кластера – преимущественно горожане (57%), причем, 35% из них проживает в г. Нальчике и 22% – в районных центрах.

Что касается ресурсообеспеченности, то у 47% кластера социальный ресурс имеет статус капитала (у остальных 53% – статус актива). Каждый четвертый (26%) лишен экономического ресурса как такового, у остальных (74%) он не значимый и равен единице. 70% лишены властного ресурса, у 29% и 1% он имеет соответственно статус актива и капитала. Другими значимыми видами неэкономических ресурсов – физиологическим и культурным – обладают соответственно 41% и 37% представителей данного кластера. Агрегированный ресурс составляет 8 баллов в среднем по кластеру.

В 5-й *кластер* (13%) вошли те, кто располагает квалификационным ресурсом в статусе актива либо капитала, причем значимая доля (42%) представителей данного кластера наряду с квалификационным обладает и властным ресурсом в статусе актива или капитала.

Это, пожалуй, самый молодой по возрасту и высокообразованный кластер: 79% имеют высшее и 13% незаконченное высшее образование. Большинство в нем (63%) – в возрасте до 40 лет, причем 35% из них – в возрасте до 29-лет. 20% приходится на 40-49-летних и 17% – на 50-59-летних.

40% – выходцы из семей, где родители имели среднее специальное образование, у 34% – высшее либо незаконченное высшее образование, у 11% – среднее общее образование. Преимущественно – это специалисты с высшим образованием (34%). Квалифицированные рабочие и безработные составляют в нем соответственно 17% и 15%, служащие из числа технического и обслуживающего персонала – 8%, руководители – 6%. Сфера их деятельности – преимущественно социальная (40%), на долю работающих в строительстве, оптово-розничной торговле и в органах правопорядка приходится по 9%, в сфере государственного управления – 5%. Для них наиболее характерно проживание в г. Нальчике (45%) и в районных центрах (28%).

По уровню жизни картина выглядит следующим образом: на долю бедствующих слоев населения приходится 6%, малообеспеченных – 70%, среднеобеспеченных – 21% и обеспеченных 3%.

Что касается ресурсообеспеченности, то квалификационным ресурсом в статусе актива обладают все без исключения. Экономического, социального и властного ресурсов лишены соответственно 49%, 40% и 62%. У остальных представителей 5-го кластера объемы этих ресурсов не превышают 1 балла. Культурным и физиологическим ресурсами в размере капитала обладают соответственно 21% и 47% кластера. Агрегированный ресурс составляет 6,9 баллов в среднем по кластеру.

Представители *6-го кластера* (22%) не обладают ни одним капиталобразующим ресурсом в статусе актива либо капитала.

В данном кластере в отличие от других больше представителей старших возрастных групп. Так, более половины представителей 6-го кластера – старше 40 лет (64%). На долю 40-99-летних приходится 17%, на 50-59-летних – 25%, на долю 60-69-летних и 70-летних (и старше) приходится соответственно 17% и 5%.

По уровню жизни картина выглядит следующим образом: на долю бедствующих слоев населения приходится 20%, малообеспеченных – 65%, среднеобеспеченных – 15%.

9% представителей данного кластера имеют неполное среднее образование, 23% – среднее общее, 40% – среднее специальное. Высшее и незаконченное высшее образование имеют соответственно 19% и 9%. Каждый пятый (21%) из семей, где родители имели неполное среднее образование, 23% – среднее общее и 29% – среднее специальное образование. Преимущественно – это пенсионеры и безработные (по 25%), а также служащие из числа технического и обслуживающего персонала (17%). Кроме того, есть среди них специалисты с высшим образованием – 9% и разнорабочие – 8%. Большинство представителей 6-го кластера – горожане (68%), причем 35% из них проживают в г. Нальчике.

Следует отметить, что это самый низкоресурсный кластер, поскольку ни один из его представителей не владеет значимым капиталобразующим ресурсом. Что касается остальных видов ресурсов, то физиологическим в размере актива и капитала обладают соответственно 9% и 10%, культурным ресурсом в размере актива обладают 6%. Агрегированный ресурс составляет 3,5 балла в среднем по кластеру.

Таким образом, с учетом неравенства ресурсов, выступающего фактором стратификации, была получена следующая картина социальной структуры современного кабардино-балкарского общества: 1) образующая верхний слой кабардино-балкарского общества элита (в т. ч. субэлита из «собственников и управленцев»), на долю которой приходится 12% населения; 2) группы исполнителей, составляющие средние слои и насчитывающие 33% населения; 3) группы исполнителей, составляющие большинство населения (55%) и относящиеся к промежуточному и низшему слоям.

На основе полученного материала можно сделать вывод о том, что социальная структура кабардино-балкарского общества отражает специфику социальной структуры российского общества в целом. В ней сосуществуют два типа социальной структуры. С одной стороны, неэтакратическая, в основе которой лежит критерий доступа к власти [Шкаратан 2009]. С другой – классовая, основывающаяся на рыночных позициях индивидов в зависимости от характера находящихся в их распоряжении ресурсов. Причем если первая из них характеризует ситуацию с социальной дифференциацией прежде всего в элитных и субэлитных группах, то вторая описывает стратификацию основной массы населения [Тихонова 2014: 46]. А единым для обеих структур индикатором, свидетельствующим о реальном статусе человека в обществе, является уровень жизни.

Сравнение структуры и объема ресурсов с уровнем жизни различных кластеров

Представляется интересным сравнение структуры и объема ресурсов с уровнем жизни каждого из кластеров. При анализе полученного эмпирического материала выявлено соответствие уровня жизни общему объему ресурсов:

показатели объема ресурсов демонстрируют значимую связь с уровнем жизни (коэффициент Спирмена – 0,596). А это означает, что чем большим объемом ресурсов располагает индивид, тем выше уровень его жизни.

Рисунок 4 достаточно наглядно иллюстрирует близость общей ресурсообеспеченности 1-го и 2-го кластеров при явном различии в получаемом на располагаемые ресурсы экономическом эффекте. Разница в экономической отдаче от располагаемых кластерами ресурсов объясняется, на наш взгляд, разницей в объемах властного ресурса, который в 1-м кластере имеет значимый объем (в статусе актива либо капитала) и позволяет конвертировать человеческий капитал в реальный экономический ресурс.

Объем ресурсов обоих кластеров находится на уровне, необходимом, чтобы они стали работать как актив (15,0 баллов у первого кластера и 11,7 баллов – у второго). Важно также отметить, что по возрасту, профессиональному статусу (за исключением предпринимателей), образованию, характеру труда и другим показателям представители 1-го и 2-го кластеров существенных различий между собой не имеют.

3-й кластер похож на 2-й по уровню жизни, но отличается по ресурсообеспеченности. В него входят преимущественно пенсионеры, сумевшие «обрасти» заметным имуществом. Кроме того, сюда попали люди, предпочитающие самостоятельно решать свои финансовые проблемы, осуществляя некоторые виды коммерческой деятельности. Достаточно сказать, что 53% от всех «самозанятых» попали именно в 3-й кластер. Представители третьего кластера, как и первого, располагают значимым экономическим ресурсом, однако представители 1-го кластера обладают им в сочетании с другими капиталобразующими ресурсами (прежде всего с властным) в размере актива либо капитала. А это позволяет говорить о том, что обладание одним лишь экономическим ресурсом в размере актива либо капитала не обязательно означает попадание на высокие статусные позиции.

Следует отметить, что все три кластера (1-й, 2-й и 3-й) образуют благополучную часть населения.

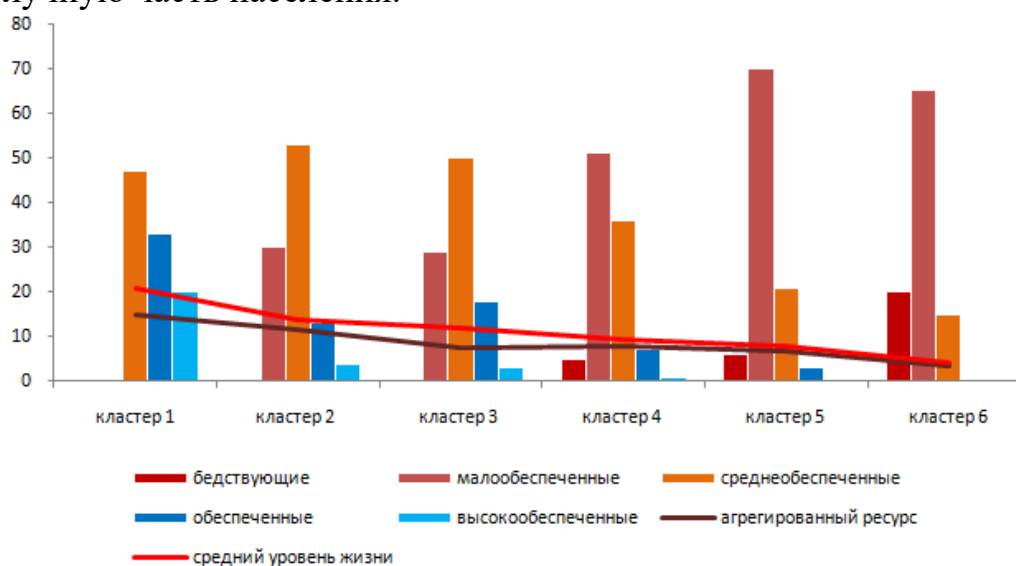

Рисунок 4 – Состав кластеров по уровню жизни (%) и ресурсообеспеченности

По ресурсообеспеченности 4-й кластер не отстает от 3-го (средний балл ресурсообеспеченности составляет соответственно 7,5 и 8,0 баллов), однако заметно уступает ему по уровню жизни. Различают оба кластера прежде всего характеристики экономического ресурса, который у 3-го кластера составляет 2,4 балла, а у 4-го – 0,7 баллов, и социального ресурса (соответственно 1,0 балл и 2,2 балла).

Полагаем, что два кластера (2-й и 3-й) с определенной долей условности можно отнести к среднему классу, выделяя при этом второй кластер как группу с ресурсообеспеченностью выше среднего. О четвертом кластере можно говорить как о группе, занимающей промежуточную позицию между благополучной и неблагополучной частями населения.

Остальные кластеры (5-й и 6-й), относящиеся к неблагополучной части населения, демонстрируют более низкие показатели по уровню жизни, человеческому капиталу и по всем видам ресурсов.

Одно из главных различий между ними – возраст. Так, 63% 5-го кластера составляют люди в возрасте до 40 лет, в то время как в 6-м кластере практически столько же (64%) – старше 40 лет. 5-й кластер в отличие от 6-го характеризуется прежде всего более развитым человеческим капиталом – значения квалификационного и культурного ресурса у него кратно превышают соответствующие показатели 6-го кластера. Различия в их человеческом капитале, прямо вытекающие из принадлежности к разным поколениям, хорошо видны при кластеризации без учета экономического ресурса. В этом случае средний балл ресурсообеспеченности составляет 6,3 балла для 5-го кластера и 2,9 баллов для более пожилого 6-го кластера. Таким образом, при, казалось бы, близости структуры ресурсов двух этих кластеров, реальные различия в объемах их активов довольно значимы.

С точки зрения социально-профессионального статуса, треть 5-го кластера составляют специалисты с высшим образованием и еще 17% – квалифицированные рабочие. В составе 6-го кластера каждый второй относится к категории неработающих – пенсионеров или безработных, и еще 17% относятся к малооплачиваемым рядовым служащим из числа технического и обслуживающего персонала.

О шестом кластере можно говорить как о низкоресурсной группе, образующей неблагополучную часть населения, низкий уровень жизни которой обусловлен не только недостаточным размером их доходов, но и почти полным отсутствием у этой части населения всех видов ресурсов, которые позволили бы получать больший объем доходов.

На рисунке 5 видно, что среди кластеров в наименьшей степени из всех видов ресурсов распространены властный и культурный, в наибольшей степени – физиологический ресурс. На рисунке так же четко просматривается превосходство в обеспеченности ресурсами 1-го кластера над остальными.

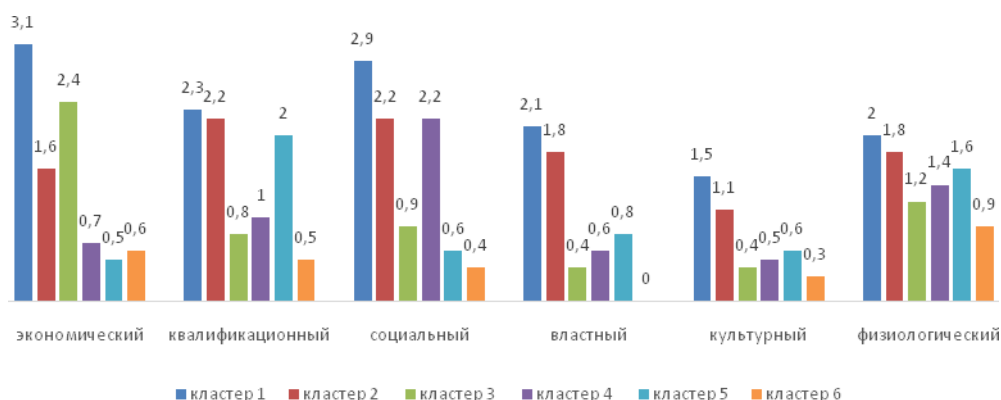

Рисунок 5 – Средний балл различных видов ресурсов по кластерам, баллы

Следовательно, «высокоресурсный» 1-й кластер является единственным, где объем экономического ресурса допускает его превращение в капитал, который обладает свойством самовозрастания, о чем свидетельствуют данные динамики материального положения за последние три года. Основная масса 1-го кластера (62%), большинство представителей которой имели показатели экономического капитала 3 балла и выше (65%), отметила улучшение своего материального положения за последние три года. Таким образом, число тех, чье положение за последние годы улучшилось при наличии у них капитала, явно превышает численность тех, у кого оно не улучшилось (см. табл. 4).

Однако наличие значимого экономического ресурса вовсе не означает, что все представители 1-го кластера являются бизнесменами, хотя доля в нем предпринимателей больше, чем в каком-либо другом кластере.

Следует также отметить, что практически все (94%), у кого ресурсообеспеченность достигает по общему объему качества капитала, оказались именно в этом кластере. Кроме того, каждый третий из всех указавших в качестве основного источника доходов «собственный бизнес» оказался именно в 1-м кластере, при этом доходы от бизнеса и собственности получает в нем каждый второй (48%). Все сказанное позволяет говорить о том, что представители 1-го кластера (прежде всего из подгруппы «собственников и управленцев») могут использовать экономический ресурс в качестве рентопринносящего актива, что является ключевым признаком 1-го кластера.

Таблица 4

Динамика достижений представителей разных кластеров в течение 3-х лет перед опросом, % (допускалось несколько ответов)

	1 кластер	2 кластер	3 кластер	4 кластер	5 кластер	6 кластер
Повысить уровень своего материального положения	62	45	37	19	19	1
Улучшить жилищные условия	72	61	51	58	30	20
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу	40	16	4	6	6	2

Повысить уровень образования и/или квалификации	26	28	8	16	8	3
Открыть собственное дело	16	5	5	3	4	2
Сделать дорогостоящие приобретения (купить квартиру, автомобиль, мебельный гарнитур и т.п.)	36	18	16	16	15	7
Побывать в другой стране мира	24	4	8	5	2	-
Ничего из вышеперечисленного за последние 3 года добиться не удалось	4	12	28	20	42	71

Данные исследования выявили связь между стратификационной позицией респондентов и их установками на достижение. Так, в низкоресурсном 6-м кластере установок на получение хорошего образования, престижной работы не было соответственно у 9% и 15%, иметь собственный бизнес – у 33%, стать богатым человеком – у 34%, иметь доступ к власти – у 61%. У представителей высокоресурсного 1-го кластера доля таковых составила соответственно 0%, 0%, 4%, 6%, 30%. Установки на достижение являются основной ценностью для людей, обладающих большей ресурсообеспеченностью и занимающих более высокие социально-стратификационные позиции (см. рис.6).

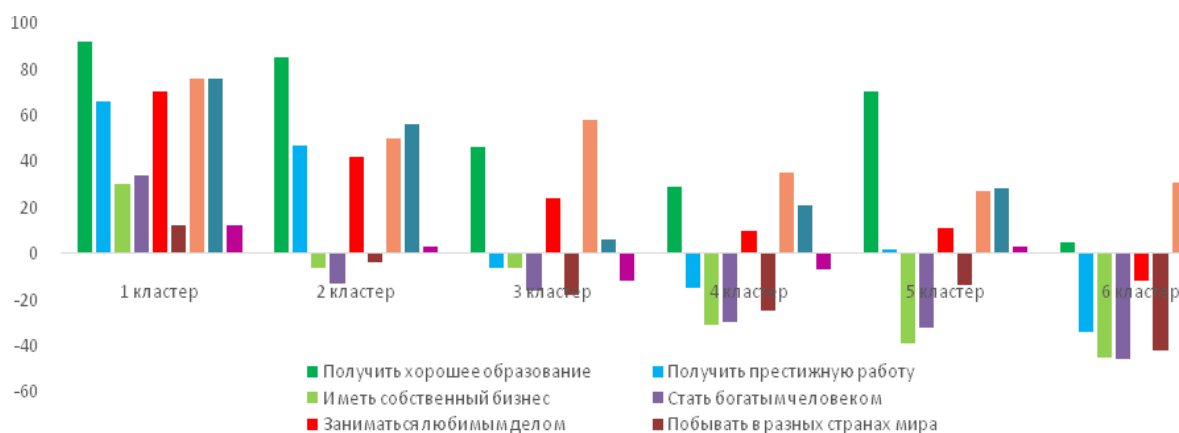

Рисунок 6 – Распределение по кластерам ответов на вопрос «В каких сферах Вы добились желаемого?» (п.п.¹)

Разница между кластерами прослеживается в идентификации своего социального статуса в обществе (см. рис. 7). Так, идентифицируют свой статус по уровню образования 54% в первом кластере и 7% – в шестом, по степени престижности своей профессии – соответственно 28% и 2%, по должности на работе – соответственно 20% и 0%.

¹ разница в процентных пунктах между ответами «удалось добиться» и «не удалось добиться»

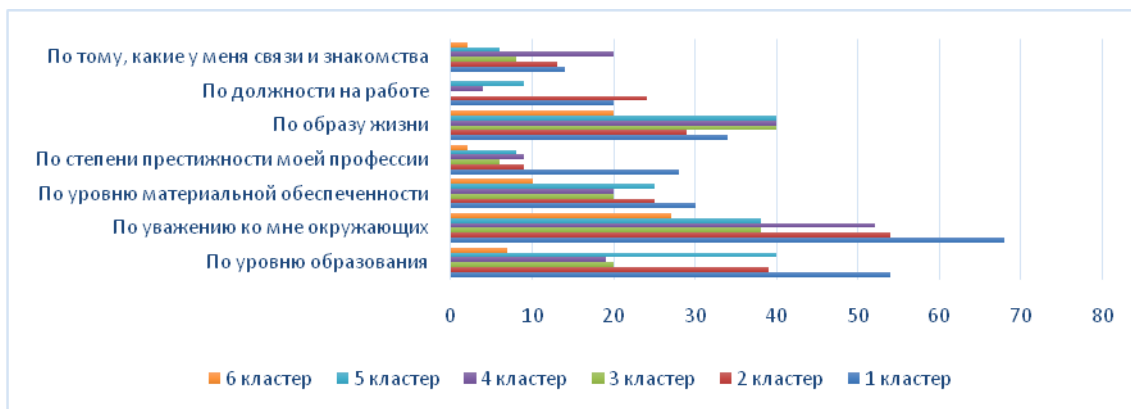

Рисунок 7 – Распределение ответов на вопрос «Каким образом Вы оцениваете свое положение в обществе в настоящее время?» (%)

Наблюдаются также различия в эмоциональном самочувствии, представителей различных кластеров, в их восприятии социальной действительности, в ценностных ориентациях. Так, среди представителей «низкоресурсного» кластера доля переживающих чувства, что дальше так жить нельзя, осознающих собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг, а также испытывающих чувство несправедливости происходящего вокруг вдвое больше, чем в «высокоресурсном» кластере (см. рис. 8).

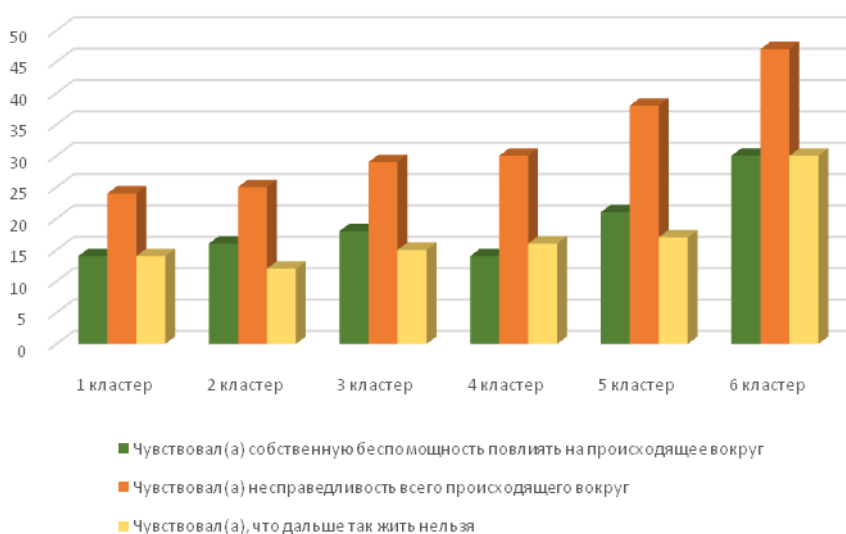

Рисунок 8 – Эмоциональное самочувствие представителей различных кластеров (%)

Представители всех кластеров по-разному оценивают свое положение, статус в обществе. Так, в первом кластере доля оценивающих его как «хорошее»кратно превышает соответствующий показатель в шестом кластере (соответственно 84% и 28%). Различия наблюдаются и в оценках того, как жизнь складывается в целом (см. рис. 9).

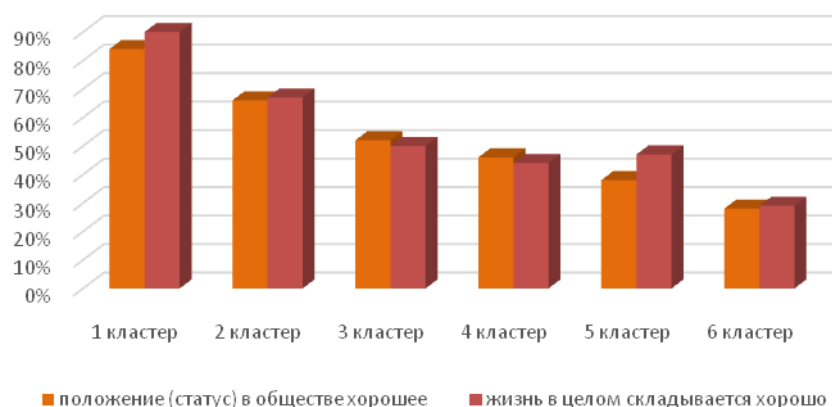

Рисунок 9 – Оценка положения в обществе и жизни в целом (%)

Число сторонников общества равных доходов в 6-м кластере заметно больше, чем в 1 кластере и в целом по массиву (31%). Так, соответственно 39% и 24% полагают, что «равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей». Для представителей 1-го кластера на первый план выходит «возможность быть яркой индивидуальностью» (66%), а для 6-го кластера – «жить как все, не выделяться среди других» (56%). Также обстоит дело с ценностью «главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни», которую разделяют 48% представителей первого кластера и 35% – шестого. Еще ярче проявляются различия между этими кластерами в вопросе, касающемся возможности добиться успеха любым способом. К примеру, каждый второй (52%) из первого кластера утверждает, что «чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через совесть», доля таковых в 6-м кластере составляет 30%.

Заключение

Сравнение основных параметров стратификации российского и кабардино-балкарского обществ показало, что общие показатели их ресурсообеспеченности практически не отличаются и социальная структура кабардино-балкарского общества отражает специфику социальной структуры российского общества в целом. В ней сосуществуют два типа социальной структуры. С одной стороны, неоэтакратическая, в основе которой лежит критерий доступа к власти [Шкаратан 2009]. С другой – классовая, основывающаяся на рыночных позициях индивидов в зависимости от характера находящихся в их распоряжении ресурсов группах, то вторая описывает стратификацию основной массы населения [Тихонова 2014: 46].

Судя по результатам исследования, 46% населения республики находятся на относительно благоприятных структурных позициях, хотя степень благополучия представителей этой части населения сильно дифференцирована.

Попадание на те или иные статусные позиции связано с обладанием значимыми капиталобразующими ресурсами (экономическим, властным,

социальным и квалификационным), являющимися существенными факторами стратификации в современном обществе (коэффициент Спирмена равен соответственно 0,679, 0,616, 0,593 и 0,568).

Обладание одним лишь экономическим ресурсом в размере актива либо капитала не обязательно означает попадание на высокие статусные позиции. Однако его наличие в сочетании с другими ресурсами (прежде всего с властным), резко повышает вероятность такого попадания.

Как оказалось, все виды капитала (экономический, властный, социальный и квалификационный) концентрируются у 3% населения, образующих особую подгруппу «собственников и управленцев». Эти люди, сосредоточив в своих руках капиталобразующие виды ресурсов, активно используют их для создания собственного бизнеса или занятия руководящих позиций.

Что касается весьма пестрых по своему составу среднересурсных групп, образовавших так называемый «средний класс», то они обладают ресурсообеспеченностью и уровнем жизни, превышающими медианные показатели по массиву.

Если говорить о низкоресурсных группах, то важно отметить, что их низкий уровень жизни обусловлен не только недостаточным размером доходов, а практически полным отсутствием у этой части населения всех видов ресурсов, которые позволили бы получать больший объем доходов.

Говоря об особенностях модели социальной структуры кабардино-балкарского общества, следует отметить, что она характеризуется соответствием уровня жизни и экономического ресурса общему объему ресурсов индивидов.

Таким образом, социальную структуру современного кабардино-балкарского общества образуют: 1) элита, на долю которой приходится 12% населения; 2) группы исполнителей, составляющие средние слои и насчитывающие 33% населения; 3) группы исполнителей, составляющие большинство населения (55%) и относящиеся к промежуточному и низшему слоям.

ЛИТЕРАТУРА

Давыдова, Тихонова 2006 – Давыдова Н.М., Тихонова Н.Е. Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 29-41.

Тихонова 2014 – Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. – Москва: Новый хронограф, – 2014. – 402 с.

Хамдохова 2018a – Хамдохова Ж.М. Ресурсообеспеченность как фактор социальной стратификации: на материалах по Кабардино-Балкарской Республике // Электронный журнал – Кавказология. – 2018. – №1. – С. 223-244. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-1-223-244>

Хамдохова 2018b – Хамдохова Ж.М. Уровень жизни как фактор социальной стратификации: на материалах по Кабардино-Балкарской Республике // Электронный журнал – Кавказология. – 2018. – № 2. – С. 101-119. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-2-101-119>

Шкаратан 2009 – Шкаратан О.И. Становление постсоветского неэтакратизма // Общественные науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 5-22.

REFERENCES

DAVYDOVA N.M., TIKHONOVA N.E. *Metodika rascheta resursnoy obespechennosti pri analize sotsial'noy stratifikatsii* [Technique of calculation of endowment in resources in analysis of social stratification]. IN: Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2006. – No. 2. – P. 29-41. (In Russian)

TIKHONOVA N.E. *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Russia's social structure: theories and reality]. – Moskva: Novyi khronograf, – 2014. – 402 p. (In Russian)

KHAMDOKHOVA Zh.M. *Resursoobespechennost' kak faktor sotsial'noi stratifikatsii: na materialakh po Kabardino-Balkarskoi Respublike* [Availability of Resources as the Basis of Social Stratification: by the Case of Kabardin-Balkar Republic]. IN: Elektronnyi zhurnal – Kavkazologiya [Caucasology]. – 2018. – No. 1. – P. 223-244. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-1-223-244> (In Russian)

KHAMDOKHOVA ZH.M. *Uroven' zhizni kak faktor sotsial'noi stratifikatsii: na materialakh po Kabardino-Balkarskoi Respublike* [Standard of living as the basis of social stratification: by the case of Kabardin-Balkar Republic]. IN: Elektronnyi zhurnal – Kavkazologiya [Caucasology]. – 2018. – No. 2. – P. 101-119. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-2-101-119> (In Russian)

SHKARATAN O.I. *Stanovlenie postsovetskogo neoetokratizma* [Formation of a Post-Soviet neoetokratizm // Obshestvennye nauki i sovremennost'. – 2009. – No. 1. – P. 5-22. (In Russian)

УДК 316.752.4 (470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-149-172

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-
БАЛКАРИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

**А.В. КУШХАБИЕВ
М.М. АЛХАСОВ
И.А. ТАБАКСОЕВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»,
Центр социально-политических исследований
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: anzor-vk@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ результатов социологического исследования по состоянию политических ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период. Респонденты и эксперты фиксируют, что к настоящему времени у населения Кабардино-Балкарии произошла существенная трансформация политических ценностей, сложившихся к концу советской эпохи. Политические ценности, по мнению экспертов, занимают последнее ранговое место в иерархии ценностей населения КБР. За последние 20 лет в республике произошло снижение удельного веса политически активных граждан. Политические установки жителей республики, по мнению части экспертов, имеют тенденцию к трансформации в тоталитарном направлении. Подавляющее большинство респондентов считают себя законопослушными гражданами и готовы действовать конституционным путём в случае нарушения их прав, что является позитивным показателем отношения жителей республики к законности. Значительное большинство респондентов считают себя патриотами КБР. Полученные результаты выявили и несколько актуальных проблем в республике. По мнению значительного процента опрошенных, в КБР в той или иной степени не соблюдаются права человека, а права их народов в республике не защищены. Чуть больше половины респондентов считает, что законы в Кабардино-Балкарии не соблюдаются. По мнению респондентов, среди политических и общественных сил в республике наибольшего доверия заслуживает Глава КБР. Чуть более половины респондентов не отдаёт предпочтения ни одной из политических партий. По оценке большинства экспертов, в выборах федеральных, республиканских и муниципальных органов власти принимает участие половина и менее половины жителей КБР. В суждениях экспертов фиксируется неоднозначная роль фактора этничности в общественном сознании и практике. Население КБР предпочитает видеть руководителями республиканских и местных органов власти людей своей национальности, но одновременно, по сравнению с периодом конца XX в., в республике в значительной степени снизилось влияние национальных общественных организаций.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария; население; политические ценности; современный период; анкетный опрос; экспертный опрос.

**THE POLITICAL VALUES OF POPULATION OF THE KABARDINO-BALKARIA IN THE MODERN PERIOD
(BY RESULTS OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

**A.V. KUSHKHABIEV
M.M. ALKHASOV
I.A. TABAKSOEV**

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: anzor-vk@mail.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the results of a sociological research on the condition of political values of the population of Kabardino-Balkaria in the modern period. Respondents and experts note that by now the population of Kabardino-Balkaria has occurred a significant transformation of political values that formed by the end of the Soviet era. Political values, according to experts, occupy the last ranked place in the hierarchy of values of the population of the KBR. In the past 20 years, the share of politically active citizens has decreased in the republic. Political attitudes of the inhabitants of the republic, in the opinion of some experts, tend to transform into a totalitarian direction. The overwhelming majority of respondents consider themselves law-abiding citizens and are ready to act in a constitutional way in case of violation of their rights, which is a positive indicator of the attitude of the republic's inhabitants to the rule of law. A significant majority of respondents consider themselves to be patriots of the KBR. The obtained results revealed several actual problems in the republic. According to a significant percentage of respondents, in the KBR does not respect human rights to some extent, and the rights of their people in the republic are not protected. Slightly more than half of the respondents believe that the laws in Kabardino-Balkaria are not respected. According to the respondents, among the political and social forces in the republic, the KBR leader deserves the greatest confidence. Slightly more than half of respondents do not give preference to any of the political parties. At the rate of the majority of experts, in the elections of federal, republican and municipal authorities take part the half and less than half of the inhabitants of the KBR. In the judgments of experts, the ambiguous role of the factor of ethnicity in public consciousness and practice is fixed. The population of the KBR prefers to see people of their nationality as leaders of republican and local authorities, but at the same time, compared to the end of the 20th century, the influence of national public organizations has significantly decreased in the republic.

Key words: Kabardino-Balkaria; population; political values; modern period; questionnaire poll; expert poll.

К политическим ценностям относится предпочтительное отношение субъектов политики (народов, социальных слоев, групп и индивидов) к государственному устройству, законности, порядку, к правительствам и правителям, к политическим режимам, к политическим партиям, политическим лидерам, к патриотизму и космополитизму, к национальной безопасности, к гражданским свободам, к свободе слова, равенству, справедливости, гражданскому миру, сотрудничеству и т. п. На протяжении столетий в государствах с разным социально-политическим строем, у разных слоев

общества доминировали разные политические ценности. Они оказывают значительное, трансформирующее влияние на культуры народов, на государственное устройство и др. Системы ценностей и, в частности, политические ценности формируют векторы дальнейшего развития стран мира. В этой связи, изучение проблем трансформации политических ценностей населения регионов Российской Федерации и, в частности населения Кабардино-Балкарской Республики, имеет важное значение для отечественных социогуманитарных наук.

Как правило, политические ценности формируются у индивидов в процессе инкультурации. Вначале у индивидов формируются базовые ценностные ориентации: витальные (представления о жизни, здоровье, физическом состоянии, качестве жизни и т. п.), семейные (представления о взаимоотношениях членов семьи и родственников), моральные (представления о добре, зле, благе, дружбе, чести, долге, взаимопомощи, об отношении к старшим и т. п.), социальные (представления о статусе, профессии, богатстве, дисциплине, предприимчивости, участии в общественной жизни и т. п.), этнокультурные (представления о культуре своего этноса), религиозные (представления о своей религии). Как известно, на основе базовых ценностных ориентаций у индивидов и социальных групп формируется менталитет и складывается комплекс региональных ценностей (предпочтительное или неприязненное отношение к жителям своего населенного пункта, района, этноса, региона). На основе сложившейся системы ценностей социальных групп вырабатываются определенные политические ценности.

В эпохи масштабных перемен (революций, реформ, войн и т. п.) новые ценности, прежде всего, политические (демократические, социалистические и т. п.), оказывают трансформирующее, а нередко и деформирующее влияние на системы ценностей народов. Значительная часть общества, как правило, молодежь и определенный процент среднего поколения, становятся приверженцами и пропагандистами новых ценностей. Группы населения с устойчивой традиционной системой ценностей фактически не могут воспринимать новые "революционные" ценности. В то же время традиционная система ценностей становится механизмом, оказывающим в определенной степени сдерживающее влияние на кардинальные перемены, и способствует сохранению элементов этнических культур [Кушхабиев 2017: 94, 95].

К середине 1980-х гг. система ценностей народов Советского Союза представляла собой синтез социалистических и традиционных (сохранявшихся элементов этнокультурных ценностей) ценностей. Для традиционных ценностей народов союзных и автономных республик Советского Союза была характерна своя специфика, определявшаяся предыдущими периодами истории, этническими культурами и т. п. Политические же ценности у большинства населения республик СССР, в том числе и населения Кабардино-Балкарии, были социалистические: вера в непоколебимость социалистического строя и КПСС, интернационализм, равенство и т. п. [Кушхабиев 2018: 67].

В период перестройки (1985-1991 гг.) в Советском Союзе происходили масштабные реформы, направленные на демократизацию политической и

социально-экономической системы, смену внешнеполитического курса. В этот период происходили значительные изменения в общественном сознании, в системах ценностей народов страны. В разных регионах страны преобразования проходили со своими особенностями. Они являлись отражением социокультурного состояния, политической зрелости народов. В совокупности политических ценностей значительной части населения Кабардино-Балкарии, преимущественно молодежи и среднего возраста, особенно интеллигенции, доминирующими стали идеи демократических преобразований и этнокультурного развития. Старшее поколение, сотрудники административных органов разных уровней и сотрудники правоохранительных органов сохраняли приверженность социалистическим ценностям. В этот период в Кабардино-Балкарии, как и в других автономных образованиях СССР, стали осуществлять деятельность общественные организации и движения. Их основными направлениями деятельности были содействие демократическим преобразованиям в республике и решение проблем этнокультурного развития. В период перестройки и в начале 1990-х гг. у населения Кабардино-Балкарии наблюдался повышенный интерес к политическим событиям. Значительным был и удельный вес политически активных граждан [Боров и др. 1999: 103-156; Кушхабиев 2017: 95, 96].

Распад СССР в 1991 г., упразднение социалистической идеологии и переход России к капиталистической экономике привели к кардинальным социально-экономическим и политическим изменениям, к трансформации системы ценностей населения регионов страны. По результатам исследований российских ученых (социологов, политологов, философов, культурологов, психологов и др.) в конце XX – начале XXI в. социалистические и традиционные ценности у населения регионов страны сменились системой ценностей, которую можно охарактеризовать как синтез новых либеральных и традиционных ценностей. Эволюция же политических ценностей в регионах Российской Федерации имеет свою специфику. В Кабардино-Балкарии в середине 1990-х гг. происходил спад деятельности национальных движений и политической активности населения.

Дальнейшее развитие политической и социально-экономической ситуации в Кабардино-Балкарии и, прежде всего, отставание республики от других регионов страны в сфере экономики, влечет за собой деформацию системы ценностей ее населения, в том числе политических, с серьезными последствиями.

В конце XX – начале XXI в. в работах отечественных ученых (философов, социологов, психологов и др.) уделялось значительное внимание исследованию разных аспектов систем ценностей советского, позднее российского общества. В последнее десятилетие российскими учеными проводятся исследования, преимущественно социологические, посвященные состоянию и эволюции систем ценностей населения регионов страны, в основном молодежи. Проблемы трансформации политических ценностей населения страны содержатся в исследованиях Н.И. Лапина [Лапин 1997], Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой [Лапин, Беляева 2002], И.А. Халий [Актуализированные... 2015],

Е.В.Бродовской [Бродовская 2012], В.Н. Кулябцевой [Кулябцева 2004], И.В. Богдан [Богдан 2014], А.В. Григорьева [Григорьев 2016], М.В. Григорьевой [Григорьева 2013], В.А. Зимина [Зимин 2012] и др.

К настоящему времени опубликовано незначительное число исследований, в которых анализируются некоторые аспекты трансформации политических ценностей населения Кабардино-Балкарии. Среди них исследования А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 2014; Кушхабиев 2017], Б.С.Карамурзова и А.Х. Борова [Карамурзов, Боров 2017; Боров и др. 1999]. Социологическое исследование трансформации системы ценностей и, в частности, политических ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период проводится впервые.

Основным источником при подготовке настоящей статьи послужили результаты социологического исследования (анкетного и экспертного опросов), проведенного Центром социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН в апреле-мае 2018 г. во всех районах и городских округах Кабардино-Балкарии. Социологическое исследование было проведено с целью выявления мнений респондентов и экспертов о характере и степени трансформации системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период [Кушхабиев и др. 2018a; Кушхабиев и др. 2018b.]

В задачи политического блока анкетного опроса входит: выявление отношения населения КБР к политической деятельности, определение политической активности населения КБР, соблюдение законности и правопорядка в республике, выявление партийных предпочтений и избирательной активности населения КБР, определение характера трансформации политических ценностей жителей республики.

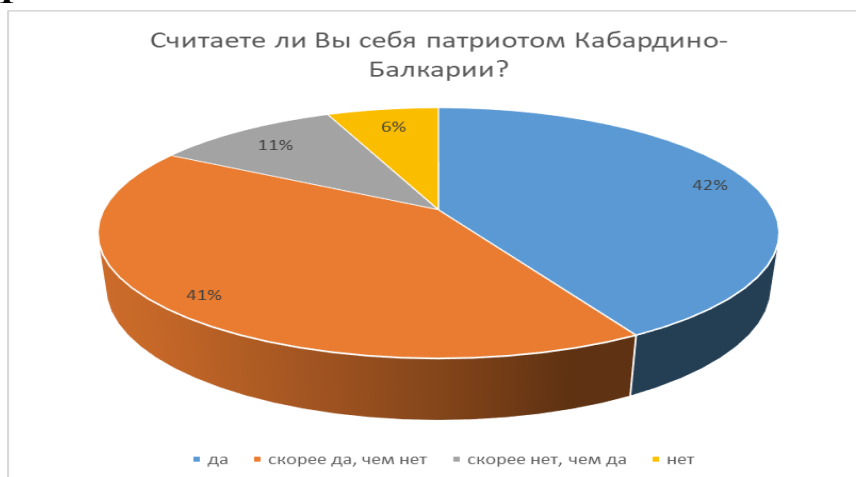
В анкетном опросе приняли участие 522 респондента – жители КБР. Использовались методы квотной и случайной выборки. При формировании доли квотной выборки учтено адекватное процентное соотношение респондентов кабардинской, балкарской и русской национальности по районам и городским округам республики. Также учитывалось соотношение социальных слоев и сфер деятельности респондентов.

В задачи экспертного опроса входит: определение самых важных ценностей и выявление наиболее актуальных проблем для большинства населения КБР, среди которых – выявление характера и степени трансформации политических ценностей населения КБР. В качестве экспертов выступили специалисты – сотрудники сфер высшего и среднего образования, науки, культуры, государственного и муниципального управления. Использовался метод случайной выборки – 50 экспертов, жителей КБР. Выборка рассчитана по признаку основной сферы деятельности. Большинство экспертов – 40 человек (80%) представляют сферы образования, науки и культуры. 9 человек (18%) представляют сферу государственного и муниципального управления. 1 человек (2%) представляет сферу коммерции и торговли.

Анализ полученных данных показал следующие результаты.

Степень интереса к политике и готовности к участию в политической деятельности. Для определения политической активности и отношения жителей республики к политической деятельности, прежде всего, был выявлен уровень их регионального патриотизма. Отвечая на вопрос, считают ли себя патриотами Кабардино-Балкарии, 42% респондентов указали на ответ – "да", 41% – "скорее да, чем нет", 11% – "скорее нет, чем да", 6% – "нет" (Диаграмма 1).

Диаграмма 1

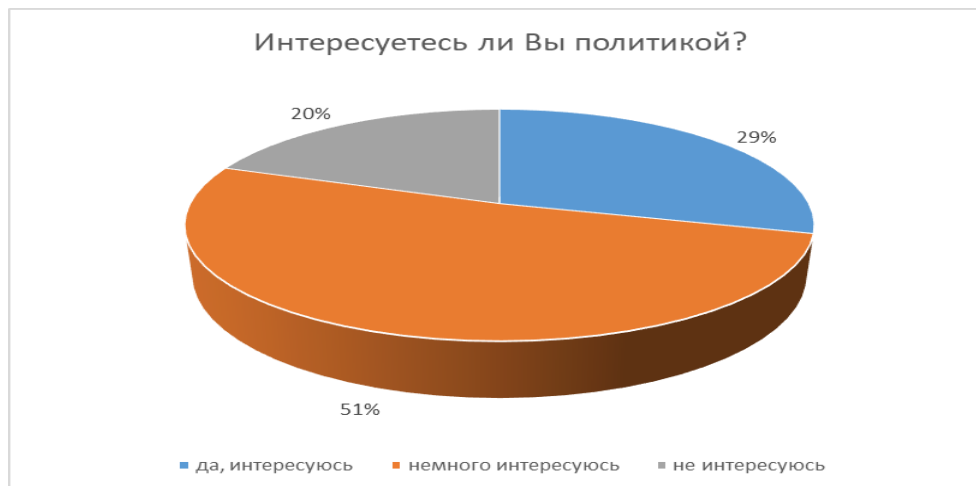

При этом наибольшая доля респондентов во всех исследуемых группах указала, что они являются патриотами КБР. Лишь в возрастной группе 18-20 лет 33% респондентов ответили, что они являются патриотами и столько же, что они не являются патриотами КБР. Результаты настоящего анкетного опроса коррелируют с результатами социологического исследования, проведенного среди молодежи КБР в 2014 г. По результатам анкетного опроса 2014 г., 71% респондентов указали, что считают себя патриотами КБР и 16% респондентов – придерживаются противоположного мнения [Ощроев 2017: 23]. Таким образом, результаты социологических исследований 2014 и 2018 г. свидетельствуют о значительном удельном весе патриотически настроенных жителей республики.

Важное значение для настоящего исследования имеет выявление удельного веса категории более или менее политизированных респондентов и категории безразличных к политике. С этой целью респондентам были предложены вопросы: "Интересуетесь ли Вы политикой?"; "Если да, то почему?"; "Если нет, то почему?". Респондентов, интересующихся политикой, оказалось 29% (Диаграмма 2). Из них наибольшая доля приходится на мужчин (81,1%), на респондентов в возрасте 31-40 лет (58,2%), 21-30 лет (57,0%) и 41-50 лет (50,4%), на респондентов других национальностей (88,9%), на кабардинцев (84,6%), на русских (84,6%), на занятых в следующих сферах деятельности: сервис и туризм (100%), система высшего образования (93%), административные органы (90%); на проживающих в Терском (94%), Урванском (88%), Лескенском (88%) и Чегемском (88%) районах.

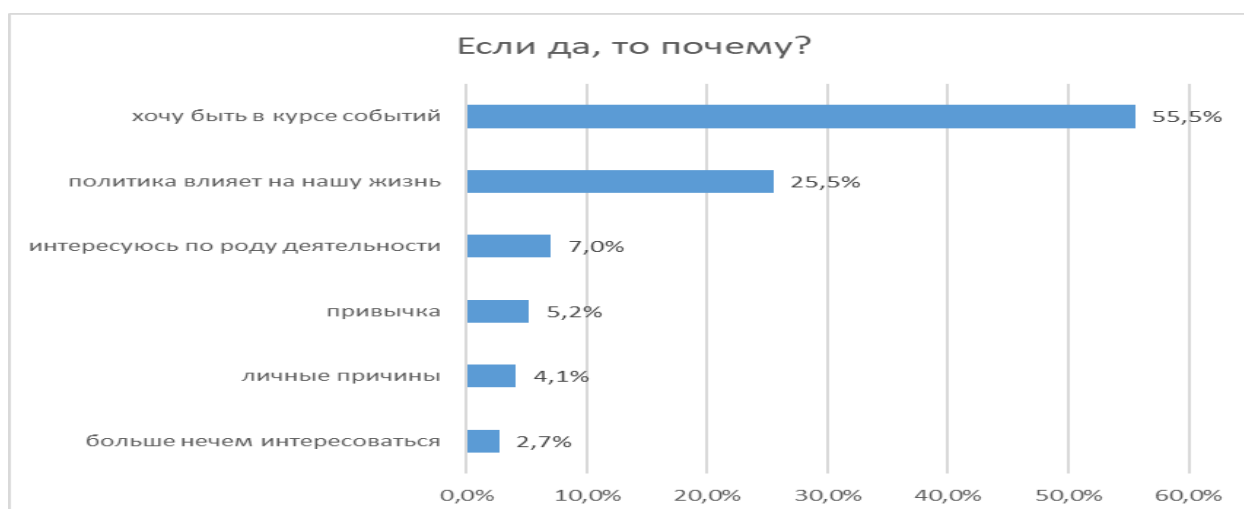
Наибольшая доля всех исследуемых категорий респондентов указала, что они немного интересуются политикой. Только в возрастной группе 18-20 лет удельный вес респондентов, интересующихся и, не интересующихся политикой одинаков – по 50%.

Диаграмма 2

Объясняя свой интерес к политике, 55,5% респондентов указали на ответ – "хочу быть в курсе событий", 25,5% – "политика влияет на нашу жизнь", 7% – "интересуюсь по роду деятельности", 5,2% – "привычка", 4,1% – "личные причины", 2,7% – "больше нечем интересоваться" (Диаграмма 3).

Диаграмма 3

В качестве причин, по которым интересуются политикой, респонденты указали следующие: хотят быть в курсе событий – мужчины (51,4%), женщины (50,4%); политика влияет на их жизнь – женщины (26%), мужчины (21%); по роду деятельности – женщины (8,3%), мужчины (7,9%). Остальные причины в сумме набрали меньше 20%, и не столь значимы.

Респондентов, не интересующихся политикой, оказалось 20%. В качестве причин они указали следующие. 25,3% из них указали – "от нас ничего не зависит", 24,9% – "политики не вызывают доверия", 20,2% – "интересуюсь, но мало", 10,5% – "нет времени, много проблем", 8,6% – "политика – грязное дело", 5,8% – "это не интересно", 4,7% – "я не разбираюсь в политике".

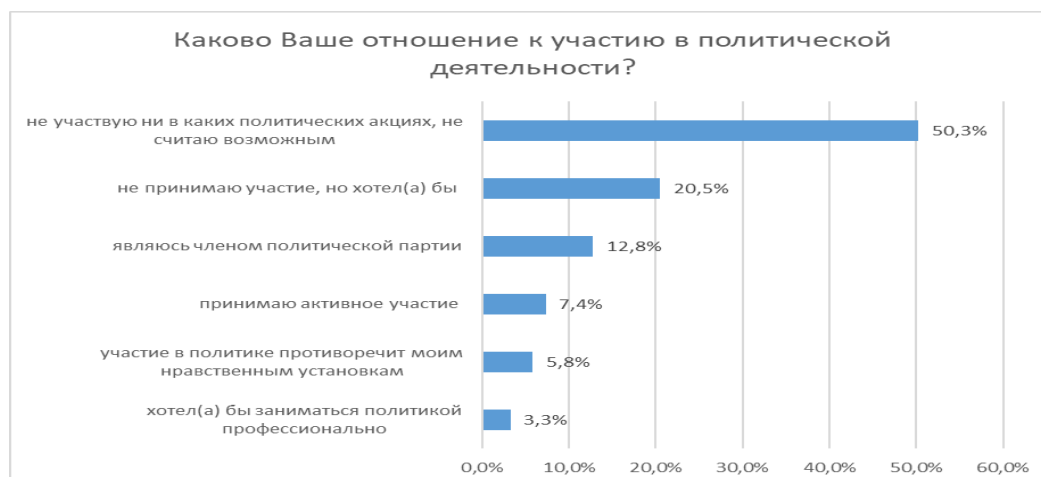
33,3% респондентов в возрастной группе 18-20 лет указали, что у них нет времени, много проблем. В возрастных группах 21-30 и 51-60 лет 14,0% и 18,9% респондентов ответили, что от них ничего не зависит. В возрастной группе 31-40 и 41-50 лет 15,8% и 13,6% респондентов указали, что политики не вызывают доверия. В возрастной группе свыше 60 лет 15,8% респондентов указали, что интересуются политикой, но мало.

Двумерный анализ этих двух категорий жителей КБР дал следующие результаты. Среди тех, кто указал, что от них ничего не зависит, преобладают кабардинцы (30,3%), в возрасте 51-60 лет (18,9%), респонденты, работающие в сферах общественные организации (50%) и система высшего образования (40,3%), проживающие в Черекском, Урванском и Майском районах (соответственно 50,9%, 50,1%, 32,2%). Среди тех, кто указал, что политики не вызывают доверия, наибольшая доля приходится на балкарцев (27,7%), респондентов в возрасте 31-40 лет (15,8%), работающих в сфере социального сервиса и туризма (100%), в науке и культуре (45,7%), проживающих в Лескенском (63,5%), Чегемском (54,8%) и Зольском (39,2%) районах.

В целом, удельный вес респондентов, интересующихся политикой, оказался довольно высоким. В то же время полученные данные расходятся с результатами экспертного опроса. По мнению подавляющего большинства экспертов (94%), преобладающая часть жителей КБР не интересуется политикой. Данный вывод согласуется с мнениями экспертов о доминировании у населения республики экономических проблем и ценностей. Большинство населения КБР занято решением материальных проблем, в связи с чем интересуется политикой в незначительной степени.

Относительно вопроса об отношении к участию в политической деятельности респонденты выбрали следующие варианты ответов. 50,3% респондентов указали на ответ – "не участвую ни в каких политических акциях, не считаю возможным", 20,5% – "не принимаю участие, но хотел(а) бы", 12,8% – "являюсь членом политической партии", 7,4% – "принимаю активное участие", 5,8% – "участие в политике противоречит моим нравственным установкам", 3,3% – "хотел(а) бы заниматься политикой профессионально" (Диаграмма 4).

Диаграмма 4

Преобладающая часть респондентов, как мужчин (41,7%), так и женщин (53,9%) сообщила, что они не участвуют ни в каких политических акциях и не считают это возможным. Наибольшая доля респондентов в возрастных группах 21-30 (49,5%), 31-40 (52,7%), 41-50 (52,0%), 51-60 (48,4%), 60 и старше (43,9%) указала, что они не участвуют ни в каких политических акциях, не считают это возможным. Только в возрастной группе 18-20 лет 66,7% респондентов сообщили, что они не принимают участие в политической деятельности, но хотели бы. Наибольшая доля респондентов всех национальных групп и сфер деятельности на заданный вопрос ответила, что они не участвуют ни в каких политических акциях, не считают это возможным. 25,0% респондентов, работающих в общественных организациях и 32,0% – в сфере здравоохранения и спорта указали, что не принимают участие в политической деятельности, но хотели бы.

Значительная доля респондентов в 9-ти административно-территориальных единицах из 13-ти сообщила, что они не участвуют ни в каких политических акциях, не считают это возможным. Свыше третьей части респондентов в Терском (36,4%) и Чегемском (33,3%) районах указали, что не принимают участие в политической деятельности, но хотели бы. 30,3% респондентов в Зольском районе сообщили, что принимают активное участие в политической деятельности. 43,8% респондентов в Черекском районе указали, что являются членами политических партий.

Таким образом, свыше половины респондентов указали, что не участвуют ни в каких политических акциях и не считают это возможным. В то же время три достаточно значимые группы респондентов демонстрируют довольно высокую политическую активность. Это те, кто заявил, что 1) является членом политической партии (12,8%), 2) принимает активное участие в политической жизни республики (7,4%), 3) не принимает участия, но хотел бы (20,5%). В сумме это почти половина (40,7%) опрошенных жителей КБР. Это, главным образом, мужчины (51,4%), в возрасте 18-20 лет (83,3%) и 51-60 лет (45,2%), представители всех национальностей.

Мнения экспертов об изменении политической активности жителей КБР за последние 20 лет распределились следующим образом. 64% экспертов указали, что произошло снижение удельного веса политически активных граждан (членов партий, участников шествий, митингов и др. мероприятий) КБР. 22% экспертов считают, что число политически активных граждан увеличилось и 14% – число политически активных граждан не изменилось. Мнение экспертов о снижении политически активных граждан также свидетельствует о доминировании в сознании и жизни населения республики экономических проблем и ценностей, снижении интереса к политике, а также о неразвитости в республике гражданского общества.

Следует отметить, что при ранжировании экспертами ценностей населения КБР, политические ценности оказались на последнем месте (из семи видов ценностей), что свидетельствует о довольно "прохладном" отношении жителей КБР к политике.

Определяя свое отношение к деятельности национальных общественных организаций (далее НОО) КБР, 64% респондентов указали, что не обладают информацией об их деятельности, 25% – считают их деятельность бесполезной, 11% – считают их деятельность полезной (Диаграмма 5).

Диаграмма 5

Наибольшая доля респондентов во всех исследуемых группах указала, что не обладает информацией о деятельности НОО КБР. Лишь 26% респондентов-мужчин и 19% респондентов-женщин считают деятельность НОО полезной. Наибольшая доля респондентов, занятых в сфере правоохранительных органов, считает деятельность НОО КБР бесполезной. В целом, преобладающая часть респондентов сообщила, что не обладает необходимой информацией о деятельности НОО КБР.

Результаты экспертного опроса по вопросу о значении для населения КБР деятельности НОО показали следующее. 66% экспертов указали, что она имеет небольшое значение, 22% – имеет большое значение, 10% – не имеет никакого значения. 2% экспертов сообщили свои различные варианты ответов.

Таким образом, мнения преобладающей части респондентов и экспертов свидетельствуют, о том, что в настоящее время, по сравнению с периодом

конца XX в., значение национальных общественных организаций в КБР снизилось в значительной степени. В то же время, мнения 22% экспертов и 11% респондентов показывают, что определенная часть населения КБР все же проявляет интерес к деятельности НОО. На основании мнений респондентов и экспертов можно заключить, что по сравнению с периодом конца XX в. удельный вес политически активного населения Кабардино-Балкарии в настоящее время невысок.

Оценки состояния законности и правопорядка в Кабардино-Балкарии. Важное значение для настоящего исследования имеет выявление мнений респондентов о соблюдении в КБР законности и правопорядка. Отвечая на вопрос: "Соблюдаются ли права человека в Кабардино-Балкарии?", 45% респондентов указали, что больше не соблюдаются, чем соблюдаются, 35% – больше соблюдаются, чем не соблюдаются, 16% – не соблюдаются, 4% – полностью соблюдаются (Диаграмма 6). Среди тех, кто считает, что права человека в КБР не соблюдаются преобладающую часть респондентов составляет молодёжь в возрасте 18-20 лет (84%), женщины (63%), по национальным группам – "другие" (78%) и балкарцы (67%), по сферам деятельности – занятые в сфере сервиса и туризма (80%), торговли и обслуживания (76%).

Диаграмма 6

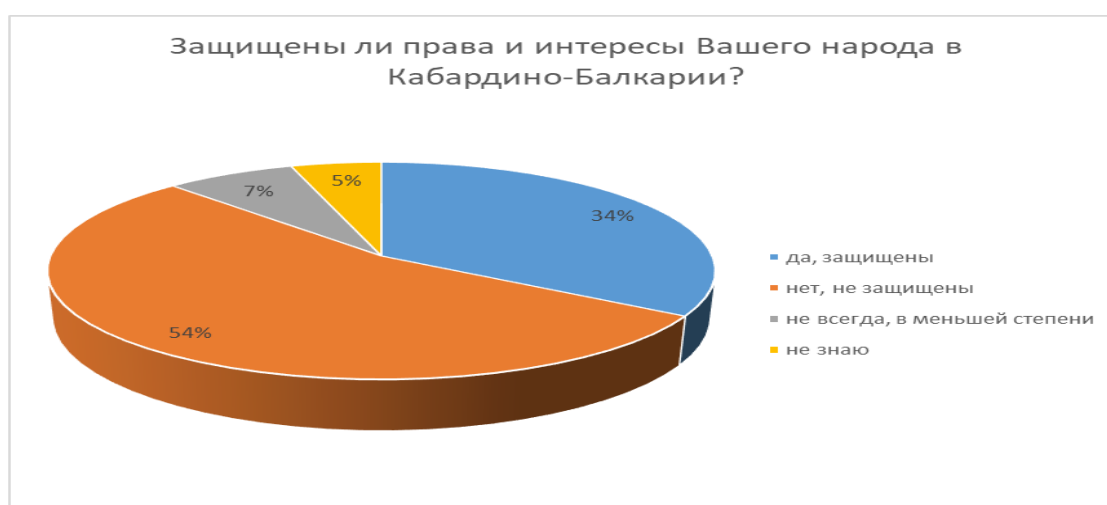

Преобладающая часть респондентов, как среди мужчин, так и среди женщин, а также во всех возрастных и национальных группах указала, что права человека в КБР больше не соблюдаются, чем соблюдаются. Из 14-ти сфер занятости в 11-ти, респонденты заявили, что права человека не соблюдаются. Только в сельском хозяйстве и строительстве наибольшая доля респондентов указала, что права человека в Кабардино-Балкарии соблюдаются. По территориальному признаку лишь в Терском и Майском районах наибольшая доля респондентов считает, что права человека в КБР соблюдаются. Таким образом, преобладающая часть респондентов (почти 2/3), считает, что права человека в Кабардино-Балкарии, в целом, не соблюдаются.

Мнения экспертов по вопросу о соблюдении прав человека в КБР распределились следующим образом. 48% экспертов указали, что права человека в КБР больше соблюдаются, чем нет, 36% – больше не соблюдаются, чем соблюдаются, 10% – не соблюдаются, 6% – полностью соблюдаются. Тот факт, что, по мнению довольно высокого удельного веса респондентов (61%) и экспертов (46%), в КБР права человека в той или иной степени не соблюдаются, следует рассматривать как серьезную проблему в данной области.

При ответе на вопрос: "Защищены ли права и интересы Вашего народа в Кабардино-Балкарии?", респонденты выбрали следующие варианты ответов. 54% респондентов указали – "нет, не защищены", 34% – "да, защищены", 7% – "не всегда, в меньшей степени", 5% – "не знаю" (Диаграмма 7).

Диаграмма 7

Наибольшая доля респондентов, как мужчин, так и женщин, во всех возрастных и национальных группах считает, что права их народов в Кабардино-Балкарии не защищены. Лишь респонденты в возрастных группах 18-20 (50%) и 21-30 (44%) лет считают, что права их народов в КБР защищены.

По сферам деятельности мнения респондентов, считающих, что права их народа в Кабардино-Балкарии не защищены, выше. Градация по месту жительства респондентов выявила незначительное изменение показателей. В 10-ти административно-территориальных единицах КБР удельный вес респондентов, считающих, что права их народа в республике защищены, не высок. Только в Лескенском, Терском и Урванском районах КБР наибольшая доля респондентов считает, что права их народа защищены.

В целом, по мнению преобладающей части респондентов, права их народов в Кабардино-Балкарии не защищены, что следует рассматривать как актуальную проблему в данной сфере.

Отвечая на вопрос: "Являетесь ли Вы законопослушным гражданином?", респонденты выбрали следующие варианты ответов. 64,8% респондентов указали "да", 33,5% – "в целом, я соблюдаю законы", 1,7 – "нет" (Диаграмма 8).

Диаграмма 8

Наибольшая доля респондентов во всех исследуемых категориях Лишь респонденты, занятые в сферах промышленности (14%) и строительства (10%), и 13% респондентов – жителей г. Баксана заявили, что не считают себя законопослушными гражданами. В целом, подавляющее большинство респондентов (98,3%) считает себя законопослушными гражданами, что является позитивным показателем отношения жителей КБР к законности.

При ответе на вопрос: "Какие политические и общественные силы в современной Кабардино-Балкарии заслуживают наибольшего доверия?", где можно было выбрать не более 3-х вариантов ответов, респонденты указали следующее. 20,7% респондентов указали – Глава КБР, 20,3% – никакие, 15,4% – Правительство КБР, 13,7% – правоохранительные органы (прокуратура, полиция, ФСБ), 11,9% – Парламент КБР, 9,9% – национальные общественные организации КБР, 8,1% – религиозные организации КБР (Диаграмма 9).

Диаграмма 9

34,3% респондентов-мужчин считают, что из всех политических и общественных сил современной Кабардино-Балкарии наибольшего доверия заслуживает Глава республики. 32,9% респондентов-женщин считают, что ни

одна из перечисленных политических и общественных сил КБР не заслуживает доверия. Но все же 29,7% респондентов-женщин считают, что наибольшему доверия заслуживает Глава республики. 26,3% респондентов-мужчин считают, что ни одна из перечисленных политических и общественных сил КБР не заслуживает доверия.

Преобладающая часть респондентов в возрастной группе 21-30 лет считает, что из всех политических и общественных сил современной Кабардино-Балкарии наибольшему доверия заслуживает Глава республики и правоохранительные органы (по 28%), в возрастной группе 18-20 лет – Глава республики и религиозные организации КБР (по 50%), в возрастной группе 31-40 лет – правоохранительные органы (прокуратура, полиция, ФСБ) (28,8%), в возрастных группах 41-50 (40,8%) и свыше 60 лет (36,8%) – ни одна из перечисленных политических и общественных сил современной Кабардино-Балкарии не заслуживает доверия. Немалая доля респондентов в возрасте 51-60 (44,2%) лет считает, что наибольшему доверия заслуживает Глава КБР.

28,9% респондентов кабардинской национальности указали, что доверяют Главе КБР, и столько же, что ни одна из вышеперечисленных политических и общественных сил в Кабардино-Балкарии не заслуживает доверия. 34,1% респондентов балкарской национальности считают, что ни одна из перечисленных политических и общественных сил современной Кабардино-Балкарии не заслуживает доверия. 42,3% респондентов русской национальности указали, что доверяют Главе КБР.

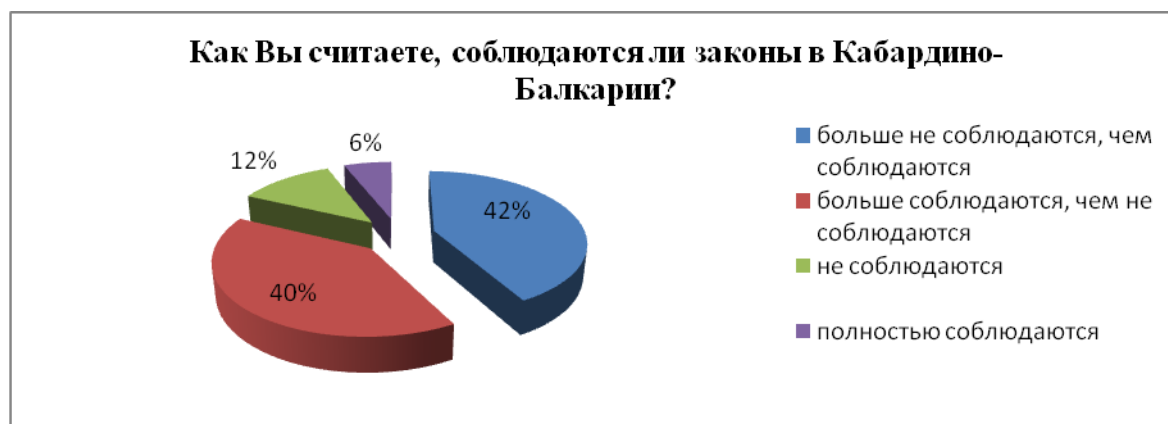
Наибольшая доля работающих в сферах сельского хозяйства, здравоохранения и спорта, сервиса и туризма, в правоохранительных органах, в административных органах и общественных организациях указала, что доверяют Главе КБР. Респонденты, работающие в сферах промышленности, торговли и обслуживании, в системе среднего и высшего образования, науки и культуры, безработные, пенсионеры и студенты считают, что ни одна из перечисленных политических и общественных сил современной Кабардино-Балкарии не заслуживает доверия. Примечательный факт: лишь 50% работников правоохранительных органов заявили, что можно доверять правоохранительным органам.

По территориальному признаку ответы респондентов распределились следующим образом. Главе КБР доверяет наибольшая доля респондентов в г. Прохладном, Прохладненском и Терском районах; правоохранительным органам – в Майском и Лескенском районах, никаким политическим и общественным силам современной Кабардино-Балкарии – в г. Нальчике, Баксанском, Черекском, Чегемском и Эльбрусском районах. Преобладающая часть респондентов в Зольском районе сообщила, что доверяет религиозным организациям (27,3%), затем Главе КБР (24,2%), Парламенту КБР (24,2%). 24,2% респондентов сообщили, что не доверяют никаким политическим и общественным силам современной Кабардино-Балкарии.

Отвечая на вопрос: "Как Вы считаете, соблюдаются ли законы в Кабардино-Балкарии?", респонденты выбрали следующие варианты ответов. 42% респондентов указали на ответ – больше не соблюдаются, чем

соблюдаются, 40% – больше соблюдаются, чем не соблюдаются, 12% – не соблюдаются, 6% – полностью соблюдаются (Диаграмма 10).

Диаграмма 10

Чуть более половины респондентов мужского пола считает, что законы в КБР соблюдаются. Наибольшая доля респондентов женского пола считает, что законы в КБР не соблюдаются. Большая доля респондентов в возрастных группах 21-30 и свыше 60 лет считает, что законы в КБР соблюдаются. Наибольшая доля респондентов в возрастных группах 18-20, 31-40, 41-50 и 51-60 лет считает, что в КБР законы не соблюдаются.

По национальному признаку большинство респондентов "других" (77,8%), балкарцев (64,7%) и кабардинцев (50,7%) считает, что в Кабардино-Балкарии законы не соблюдаются. Лишь наибольшая доля респондентов русской национальности (51,2%) считает, что в Кабардино-Балкарии законы соблюдаются. По сферам деятельности преобладающая часть респондентов считает, что в республике законы не соблюдаются. По территориальному признаку наибольшая доля респондентов в 8-ми административно-территориальных единицах считает, что законы в республике не соблюдаются. Преобладающая часть респондентов в Зольском, Лескенском, Майском, Урванском и Терском районах считает, что законы в республике соблюдаются.

В целом, чуть больше половины респондентов считает, что законы в Кабардино-Балкарии не соблюдаются. Это показывает наличие серьезной проблемы в данной сфере.

Более позитивными являются мнения экспертов относительно вопроса, в какой степени соблюдаются федеральные и республиканские законы в КБР. 68% экспертов указали, что в КБР соблюдаются федеральные и республиканские законы, 26% – больше не соблюдаются, чем соблюдаются. Данные мнения экспертов свидетельствуют о доминировании позитивной тенденции в правовой сфере. Только 6% считают, что федеральные и республиканские законы в КБР не соблюдаются.

Отвечая на вопрос: "Какие действия Вы предпочтете предпринять в случае нарушения Ваших прав?", где можно было выбрать до 3-х вариантов ответов, респонденты выбрали следующие варианты. 29,7% респондентов

указали, что обратятся в федеральные органы власти, 29,5% – в правоохранительные органы, 22,9% – в органы власти Кабардино-Балкарии, 7,5% – в общественные организации, 4% – никаких, не имеет смысла, 3,6% – готовы участвовать в акциях протеста, 1,5% – не знают, 1,3% – зависит от ситуации (Диаграмма 11).

Диаграмма 11

Наибольшая доля респондентов, как мужского пола, так и женского, указала, что при нарушении их прав они предпочтут обратиться в федеральные органы власти. Преобладающая часть респондентов 18-20 лет сообщила, что они предпочтут участвовать в акциях протеста. В возрастных группах 21-30, 41-50 и 60 выше наибольшая доля респондентов указала, что они предпочтут обратиться в правоохранительные органы. В возрастных группах 31-40 и 51-60 наибольшая часть респондентов сообщила, что они предпочтут обратиться в федеральные органы власти. Наибольшая доля респондентов – кабардинцев и русских указала, что при нарушении их прав они предпочтут обратиться в правоохранительные органы. Преобладающая часть респондентов-балкарцев указала, что они предпочтут обратиться в федеральные органы власти.

Преобладающая часть респондентов, занятых во всех сферах деятельности, указала, что при нарушении их прав они предпочтут обратиться в федеральные органы власти и в правоохранительные органы. Лишь категория респондентов, которые отнесли себя к группе "безработный, пенсионеры и студенты" сообщила, что они предпочтут обратиться в органы власти КБР.

Преобладающая часть респондентов в г. Нальчике и г. Прохладном, а так же в Баксанском, Майском и Чегемском районах КБР сообщила, что при нарушении их прав они предпочтут обратиться в федеральные органы власти. Наибольшая доля респондентов в г. Баксане, в Прохладненском, Зольском, Лескенском, Черекском и Эльбрусском районах указала, что они предпочтут

обратиться в правоохранительные органы. Преобладающая часть респондентов в Терском и Урванском районах сообщила, что они предпочтут обратиться в органы власти Кабардино-Балкарии.

Таким образом, фактически 90% респондентов готовы действовать конституционным путём, обращаясь в органы государственной власти и общественные организации в случае нарушения их прав. В то же время, выявлена немногочисленная группа респондентов (3,6%), которая готова участвовать в акциях протеста в случае нарушения их прав.

Мнения экспертов в некоторой степени расходятся с мнениями респондентов. По вопросу о том, какие действия предпочтут предпринять жители КБР в случае нарушения их прав, 32% экспертов указали, что обратятся в органы власти КБР, 20% – обратятся в федеральные органы власти, 20% – обратятся в правоохранительные органы. 14% экспертов сообщили свой вариант – "будут бездействовать", 6% – обратятся в общественные организации. 14% экспертов, указавших, что жители КБР будут бездействовать в случае нарушения их прав, свидетельствует о политической пассивности немалой части населения республики и неразвитости гражданского общества. Мнения остальных экспертов свидетельствуют о несколько большем доверии населения республики органам власти КБР и меньшем доверии федеральным органам власти и правоохранительным органам. Мнения указанных 14% экспертов коррелируют с данными социологического исследования 2014 г. По результатам анкетного опроса 2014 г., 39% респондентов сообщили, что не смогут отстоять свои интересы и права в случае их нарушения [Ощроев 2017: 28].

Партийные предпочтения и избирательная активность. Относительно вопроса о партийных предпочтениях респонденты отметили следующее. 50,2% респондентов сообщили, что не отдают предпочтения ни одной из политических партий, 41,4% отдают предпочтение партии "Единая Россия", 4,6% – КПРФ, 2,7% – ЛДПР, 0,6% – Справедливой России, 0,4% – Яблоко, 0,2% – Партия Навального (Диаграмма 12).

Диаграмма 12

Значительная доля респондентов, как мужчин (52,0%) так и женщин (49,3%) сообщила, что они не отдают предпочтение ни одной из политических партий. 33,1% мужчин и 45,5% женщин указали, что отдают предпочтение

партии "Единая Россия". Наибольшая доля респондентов по возрастным и национальным группам также сообщила, что они не отдают предпочтения ни одной из политических партий. Только 49,7% респондентов кабардинской национальности сообщили, что отдают предпочтение партии "Единая Россия". По сферам деятельности наибольшая доля респондентов указала, что они не отдают предпочтения ни одной из политических партий. Лишь преобладающая часть респондентов, работающих в сфере административных и правоохранительных органов, сообщила, что они отдают предпочтение партии "Единая Россия" (58,9% и 50,0% соответственно).

В 9-ти административно-территориальных единицах КБР наибольшая доля респондентов сообщила, что они не отдают предпочтения ни одной из политических партий. Преобладающая часть респондентов в Прохладненском, Лескенском, Терском и Урванском районах указала, что они отдают предпочтение партии "Единая Россия" (60,0%, 66,7%, 84,8% и 55,8% соответственно).

В целом, электорат партии "Единая Россия" в Кабардино-Балкарии состоит, в основном, из женщин; лиц в возрасте 21-40 лет и 51-60 лет; по национальности кабардинцев; работающих в административных и правоохранительных органах, в системе высшего образования, в сельском хозяйстве и в системе среднего образования. Электорат остальных партий незначителен, составляет в сумме 8,5% от числа всех опрошенных и не является значимой величиной. Преобладающая часть сторонников партии "Единая Россия" проживает в Терском (84,8%), Лескенском (66,7%), Прохладненском (60,0%) и Урванском районах (55,8%).

Чуть более половины респондентов не отдаёт предпочтения ни одной из политических партий.

Мнения экспертов по вопросу о том, какой из политических партий отдаёт предпочтение большинство населения КБР, в некоторой степени отличаются от мнений респондентов. 52% экспертов сообщили, что отдают предпочтение партии "Единая Россия", 14% – КПРФ. 34% считают, что большинство населения республики не отдаёт предпочтения ни одной из партий. Полученные мнения респондентов и экспертов расходятся с официальными данными Избирательной комиссии КБР. В частности, по итогам выборов 18 сентября 2016 г. в Государственную Думу ФС РФ VII созыва в КБР, за Единую Россию проголосовали 375945 человек (77,71%), за КПРФ – 91430 (18,90%) [Белых 2016].

Относительно вопроса насколько активно население КБР принимает участие в выборах федеральных органов власти, 26% экспертов отметили, что в выборах принимает участие большинство населения КБР. 74% экспертов сообщили, что в выборах федеральных органов власти принимает участие половина, а также меньшая и незначительная часть населения, что не совпадает с официальными данными. В частности, по данным ЦИК РФ, явка на выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва в КБР 18 сентября 2016 г. составила 90,11% населения республики [Тумов 2017: 134].

По вопросу о том насколько активно население КБР принимает участие в выборах республиканских и муниципальных органов власти, большая часть экспертов (82%) считают, что в выборах в республиканские и муниципальные органы власти принимает участие примерно половина, меньшинство и незначительная часть населения КБР. Только 18% экспертов считают, что в выборах принимает участие большинство населения КБР. Данные мнения также не совпадают с официальными данными. В частности, по данным Избирательной комиссии КБР, явка избирателей на выборы депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики V созыва 14 сентября 2014 г. составила свыше 71%¹.

Характер трансформации политических ценностей населения КБР. По вопросу о том, в каком направлении трансформировались политические ценности населения КБР, 34% экспертов указали, что в тоталитарном, 28% – в демократическом, 26% – в либеральном. 8% экспертов предложили свой вариант – "в анархо-криминальном", 2% – "в политической деградации". Значительный удельный вес экспертов, считающих, что политические ценности населения КБР трансформировались в тоталитарном направлении, свидетельствует о том, что значительная часть жителей КБР проявляет недоверие демократическим институтам и связывает улучшение сложившейся в республике социально-экономической ситуации с возвратом к тоталитарному режиму.

Относительно значения национальной принадлежности руководителей органов власти КБР для населения республики 80% экспертов указали, что большинство населения КБР предпочитает руководителей республиканских и местных органов власти своей национальности, 20% экспертов считают, что руководителей органов власти своей национальности предпочитает около половины населения КБР (Диаграмма 13).

Диаграмма 13

¹ Выборы депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики пятого созыва 14 сентября 2014 года. [Электронный ресурс]. Сайт Избирательной комиссии КБР. URL: <http://kabardin-balkar.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/arkhiv-regionalnykh-izbiratelnykh-kampaniy-kampaniy-referendumov/vybory-deputatov-parlamenta-kbr-pyatogo-sozyva/> (дата посещения: 10.06.2018).

Мнения всех экспертов продемонстрировали, что жители КБР в той или иной степени предпочитают руководителей республиканских и местных органов власти своей национальности. Среди экспертов не оказалось указавших, что руководителей республиканских и местных органов власти своей национальности предпочитает "меньшинство населения КБР" и "незначительная часть населения КБР". Данные ответы показали довольно большое значение этнического фактора в общественно-политической жизни республики.

Оценивая общественно-политическую ситуацию в КБР по сравнению с другими республиками Северного Кавказа, 68% экспертов указали, что в КБР общественно-политическая ситуация такая же как и в других республиках Северного Кавказа. 26% экспертов считают, что в КБР общественно-политическая ситуация более стабильная, чем в других республиках Северного Кавказа, 4% – в КБР общественно-политическая ситуация менее стабильная, чем в других республиках Северного Кавказа. Только 2% экспертов считают, что в КБР есть скрытая угроза. Мнения большинства экспертов свидетельствуют о том, что, несмотря на ряд различий между республиками Северного Кавказа (в сферах экономики, межнациональных и межконфессиональных отношений и др.), общественно-политическая ситуация в КБР, в целом, идентична общественно-политической ситуации в регионе.

По вопросу о том, какие политические проблемы в большей степени волнуют население КБР, 44% экспертов заявили, что внутриполитические проблемы РФ, 38% – внутриполитические проблемы КБР, 18% – международные проблемы. Данные мнения экспертов согласуются с выводами экспертов о доминировании у населения республики экономических проблем и ценностей. Большинство населения КБР недовольно сложившейся социально-экономической ситуацией, и как следствие, выражает обеспокоенность внутриполитическими проблемами РФ и КБР.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

У населения Кабардино-Балкарии к настоящему времени произошла существенная трансформация политических ценностей. Политические ценности, по мнению экспертов, занимают последнее ранговое место в иерархии ценностей населения КБР, что свидетельствует о довольно "прохладном" отношении жителей республики к политике. За последние 20 лет в республике произошло снижение удельного веса политически активных граждан, что также свидетельствует о снижении интереса к политике и неразвитости в республике гражданского общества. В большей степени население республики волнуют внутриполитические проблемы РФ и КБР. Политические установки жителей республики, по мнению части экспертов, имеют тенденцию к трансформации в тоталитарном направлении.

Социологическое исследование выявило и некоторые позитивные явления и тенденции. Подавляющее большинство респондентов (98,3%) считают себя законопослушными гражданами, что является позитивным показателем отношения жителей республики к законности. Фактически 90% респондентов готовы действовать конституционным путём, обращаясь в

органы государственной власти и общественные организации в случае нарушения их прав. Большинство опрошенных считают себя патриотами КБР.

В то же время, полученные результаты выявили и несколько актуальных проблем в республике. По мнению значительной части опрошенных, в КБР в той или иной степени не соблюдаются права человека, а права их народов в республике не защищены. Чуть больше половины респондентов считает, что законы в Кабардино-Балкарии не соблюдаются.

По мнению респондентов, среди политических и общественных сил в республике наибольшего доверия заслуживает Глава КБР (20,7%). Чуть более половины респондентов не отдаёт предпочтения ни одной из политических партий. По оценке преобладающей части экспертов, в выборах федеральных, республиканских и муниципальных органов власти принимает участие половина и менее половины жителей КБР.

Еще один интересный парадокс, выступающий в суждениях экспертов, относится к значению фактора этничности в общественном сознании и практике. Население КБР предпочитает видеть руководителями республиканских и местных органов власти людей своей национальности, что свидетельствует о большом значении этнического фактора в общественно-политической жизни республики. Но одновременно, по сравнению с периодом конца XX в., в республике в значительной степени снизилось влияние национальных общественных организаций. Общественно-политическая ситуация в КБР, в целом, по основным параметрам идентична ситуации в Северо-Кавказском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Актуализированные... 2015 – *Актуализированные* ценности современного российского общества: [монография] [Электронный ресурс] / Отв. ред. И.А. Халий. – М.: ИС РАН, 2015. – 273 с.

Богдан 2014 – *Богдан И.В.* Политические ценности в современной России: когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Вып. 3. – С. 24-34.

Боров и др. 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 184 с.

Бродовская 2004 – *Бродовская Е.В.* Ценностная система общества как фактор политической трансформации современной России. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2004. – 212 с.

Григорьев 2016 – *Григорьев А.В.* Политические ценности студентов города Астрахани // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 4 (49). – С. 124-129.

Григорьева 2013 – *Григорьева М.В.* Политические ценности и установки студенческой молодежи г. Иваново // Третья международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 28 февраля – 1 марта 2013 г. – Материалы конференции. – М: ВЦИОМ, 2013. – С. 462-465.

Зимин 2012 – *Зимин В.А.* Политические ценности в постсоветской России // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 10. – С. 206-210.

Карамурзов, Боров 2017 – *Карамурзов Б.С., Боров А.Х.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Электронный журнал – Кавказология. – 2017. – № 1. – С. 12-40. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-1-12-40>

Кулябцева 2004 – *Кулябцева В.Н.* Политические ценности и их трансформация в условиях современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Ставрополь, 2004. – 150 с.

Кушхабиев 2014 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы трансформации политических ценностей кабардинцев // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 4 (60). – С. 154-159.

Кушхабиев 2018 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы трансформации системы ценностей российского общества в конце XX – начале XXI в. в работах российских исследователей // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2018. – № 1 (81). – С. 66-74.

Кушхабиев 2017 – *Кушхабиев А.В.* Политические ценности кабардинского населения Кабардино-Балкарии во второй половине 80-х – 90-х годах XX века // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 3 (77). – С. 94-100.

Кушхабиев и др. 2018a – *Кушхабиев А.В., Алхасов М.М., Кильчукова А.Л., Табаксоев И.А.* Аналитический отчет о результатах анкетного опроса «Трансформация системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современных условиях». Политический блок. Рукопись. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2018. – 35 с.

Кушхабиев и др. 2018b – *Кушхабиев А.В., Алхасов М.М., Табаксоев И.А.* Аналитический отчет о результатах экспертного опроса «Трансформация системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современных условиях». Рукопись. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2018. – 29 с.

Лапин 1997 – *Лапин Н.И.* Динамика ценностей населения реформируемой России // Вестник Российской академии наук. – 1997. – Т. 67. – № 2. – С. 140-145.

Лапин, Беляева 2002 – *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России. Аналитический доклад по результатам четырех всероссийских исследований в рамках мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» 1990-1994-1998-2002 гг. – М.: ИФ РАН, 2002. – 70 с.

Ошроев 2017 – *Ошроев Р.Г.* Анализ общественно-политической и религиозной ситуации в Кабардино-Балкарии в аспекте противодействия терроризму. Научный доклад. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 106 с.

Тумов 2017 – *Тумов А.А.* Избирательный процесс в современной Кабардино-Балкарии: эволюция политических условий, устойчивость политических результатов // Электронный журнал – Кавказология. – 2017. – № 2. – С. 119-139. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-119-139>

REFERENCES

Aktualizirovannye tsennosti sovremennogo rossiyskogo obshchestva: [monografiya] [Elektronnyy resurs] / otv. red. I.A. Khaliy [Actual values of modern Russian society: [monograph] [Electronic resource] / Ed. I.A. Khaliy]. – М.: IS RAS, 2015. – 273 p. (In Russian)

BOGDAN I.V. *Politicheskiye tsennosti v sovremennoy Rossii: kognitivnyy, emotsional'nyy i povedencheskiy aspekty* [Political values in modern Russia: cognitive, emotional and behavioral aspects]. IN: Problem analysis and state-managerial design. – М., 2014. Issue 3. – P. 24-34. (In Russian)

BOROV A.Kh., DUMANOV Kh.M., KAZHAROV V.Kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: sources, ways of becoming, problems]. – Nalchik: Publishing Center «El-Fa», 1999. – 184 p. (In Russian)

BRODOVSKAYA Ye.V. *Tsennoznaya sistema obshchestva kak faktor politicheskoy transformatsii sovremennoy Rossii* [The value system of society as a factor in the political transformation of modern Russia]. – Tula: Publishing House of Tula State University, 2004. – 212 p. (In Russian)

GRIGOR'YEV A.V. *Politicheskiye tsennosti studentov goroda Astrakhani* [Political values of Astrakhan city students]. IN: The Caspian region: politics, economy, culture. Science Magazine. – 2016. – No. 4 (49). – P. 124-129. (In Russian)

GRIGOR'YEVA M.V. *Politicheskiye tsennosti i ustanovki studencheskoy molodezhi g. Ivanovo* [Political values and attitudes of students in the city of Ivanovo]. IN: Third International Scientific and Practical Sociological Conference «Continuing Grushin». – M.: VTsIOM, 2013. – P. 462-465. (In Russian)

KARAMURZOV B.S., BOROV A.Kh. *Severnyy Kavkaz v istoricheskom vremeni i prostranstve i vremeni* [Northern Caucasus in historical time and space and time]. IN: Elektronnyi zhurnal – Kavkazologiya [Caucasology]. – 2017. – No. 1. – P. 12-40. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-1-12-40> (In Russian)

KULYABTSEVA V.N. *Politicheskiye tsennosti i ikh transformatsiya v usloviyakh sovremennoy Rossii. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata politicheskikh nauk* [Political values and their transformation in the conditions of modern Russia. Thesis for the degree of candidate of political science]. – Stavropol, 2004. – 150 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Politicheskiye tsennosti kabardinskogo naseleniya Kabardino-Balkarii vo vtoroy polovine 80-kh – 90-kh godakh XX veka* [Political values of the Kabardian population of Kabardino-Balkaria in the second half of the 80's – 90's of the 20th century]. IN: Herald of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – No 3 (77). – P. 94-100. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy transformatsii politicheskikh tsennostey kabardintsev* [Problems of transformation of political values of Kabardians]. IN: Herald of the Kabardino-Balkarian Science Center of the Russian Academy of Sciences. – 2014. – No 4 (60). – P. 154-159. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy transformatsii sistemy tsennostey rossiyskogo obshchestva v kontse XX – nachale XXI v. v rabotakh rossiyskikh issledovateley* [Problems of transformation of the value system of Russian society in the late of 20th – early 21st century in the works of Russian researchers]. IN: Herald of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – No. 1 (81). – P. 66-74. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V., ALKHASOV M.M., KILCHUKOVA A.L., TABAKSOEV I.A. *Analiticheskiy otchet o rezul'tatakh anketnogo oprosa «Transformatsiya sistemy tsennostey naseleniya Kabardino-Balkarii v sovremennykh usloviyakh»* [Analytical report on the results of the questionnaire poll «Transformation of the value system of the population of Kabardino-Balkaria in modern conditions». Manuscript]. – Nalchik: KBSC RAS, 2018. – 35 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V., ALKHASOV M.M., TABAKSOEV I.A. *Analiticheskiy otchet o rezul'tatakh ekspertnogo oprosa «Transformatsiya sistemy tsennostey naseleniya Kabardino-Balkarii v sovremennykh usloviyakh»* [Analytical report on the results of the expert poll «Transformation of the value system of the population of Kabardino-Balkaria in modern conditions». Manuscript]. – Nalchik: KBSC RAS, 2018. – 29 p. (In Russian)

LAPIN N.I. *Dinamika tsennostey naseleniya reformiruyemoy Rossii* [Dynamics of the values of the population of the reforming Russia]. IN: Herald of the Russian Academy of Sciences. – 1997. – Vol. 67. – No 2. – P. 140-145. (In Russian)

LAPIN N.I., BELYAYEVA L.A. *Kak chuvstvuyut sebya, k chemu stremyatsya grazhdane Rossii. Analiticheskiy doklad po rezul'tatam chetyrekh vserossiyskikh issledovaniy v ramkakh monitoringa «Nashi tsennosti i interesy segodnya» 1990-1994-1998-2002 gg* [How do they feel, for what are striving the citizens of Russia. Analytical report on the results of four All-Russian studies within the framework of monitoring «Our Values and Interests Today» 1990-1994-1998-2002]. – M: IF RAS, 2002. – 70 p. (In Russian)

OSHROEV R.G. *Analiz obshchestvenno-politicheskoy i religioznoy situatsii v Kabardino-Balkarii v aspekte protivodeystviya terrorizmu. Nauchnyy doklad* [Analysis of the socio-political and religious situation in Kabardino-Balkaria in the aspect of countering terrorism. Scientific report]. – Nalchik: IGI KBSC RAS, 2017. – 106 p. (In Russian)

TUMOV A.A. *Izbiratel'nyi protsess v sovremennoi Kabardino-Balkarii: evolyutsiya politicheskikh uslovii, ustoichivost' politicheskikh rezul'tatov* [Electoral process in modern Kabardino-Balkaria: evolution of political situation, stability of political results]. IN: Elektronnyi zhurnal – Kavkazologiya [Caucasology]. – 2017. – No. 2. – P. 119-139. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-119-139> (In Russian)

ZIMIN V.A. *Politicheskiye tsennosti v postsovetskoy Rossii* [Political values in post-Soviet Russia]. IN: Theory and practice of social development. International Journal. – 2012. – No. 10. – P. 206-210. (In Russian)

УДК 323.2/324

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-173-198

ELECTIONS AS A POLITICAL TOOL OF REGIONAL ELITES: THE CASE OF THE KABARDIN-BALKAR REPUBLIC**A.A. TUMOV**

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: tumovasker@gmail.com*

Abstract. The post-Soviet Russian state formation, which has been considered as an example of “failed transition to democracy”, provides us with a large room for exploring the role of unfair elections in the statebuilding process and enables to delve into the subnational-level elections in order to reveal their covert and non-obvious functions. Indeed, given that elections per se are a part of a broader picture, it is vitally important to comprehend their veiled nature in order to explain their context, results, outcomes, and incentives of the key contributors. The focus of the current research is limited to the Kabardin-Balkar Republic, Russian ethnic enclave located in the North Caucasus. The paper deals with the national and subnational elections conducted in the aforementioned region. The method used in research is case study, which is focused on three different cases (as examples illustrating main points of the study) and identifies the ways elections (partnering with other informal institutions) were used to stabilize the established order. In this paper author aims to investigate the factors contributive to the rigging nature of elections in limited access orders. It starts with the outline of the current state of the art in electoral studies. The overview of the research landscape demonstrates the existing multitude of approaches in the literature on elections, although the research field on electoral contestation in republics in the North Caucasus still remains a blank sheet. The results of the research favour findings of the previous scholars of elections in non-democratic countries. The significant correlation between the type of institutional environment and functions of elections takes place. In Kabardino-Balkaria, as in other socio-political entities characterized by limited access of individuals and organizations to rent, power, and privileges, despite the formal design of political system, the decision-making machinery mostly favours interests of groups within the ruling coalition. The central finding of the research is related to the functions of elections in limited access orders. According to the paper, elections contribute to the resilience and stable stay of ruling coalition in power throughout the whole post-soviet period. Elites in different administrative levels negotiate and conclude informal agreements to share the power, resources, and rents non-violently; in order to fulfill their commitments, they use election-rigging as the most incontrovertible way to accommodate interests of different elite and non-elite groups.

Key words: rigged elections; political institutions; Kabardin-Balkar Republic; North Caucasus; post-Soviet Russia; social movements; authoritarian resilience.

ВЫБОРЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ «ИНСТРУМЕНТ» В РУКАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ: СЛУЧАЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**A.A. ТУМОВ**

ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360002, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: tumovasker@gmail.com

Аннотация. Процесс государственного строительства в постсоветской России, который рассматривается политологами как пример «незавершенного перехода к демократии», позволяет нам исследовать роль «несправедливых выборов» и понять их скрытые и неочевидные функции в этом процессе. И если учесть, что выборы являются частью более широкой картины политического развития, изучение «закулисной» природы выборов необходимо для понимания контекста, результатов, а также мотивов деятельности основных участников электорального процесса.

Данная статья посвящена изучению федеральных и региональных выборов в Кабардино-Балкарской Республике, северо-кавказском субъекте Российской Федерации. Используемый в работе метод «case studies», основанный на разборе трех кейсов, позволяет продемонстрировать как выборы в сочетании с другими неформальными институтами обеспечивают стабилизацию существующего порядка. Структура исследования выстроена в соответствии с порядком изучения роли несправедливых выборов в порядках ограниченного доступа. Обзор литературы, посвященной электоральным исследованиям, демонстрирует наличие большого количества подходов к изучению выборов, а также состояние слабой изученности этой проблемы в республиках Северного Кавказа. Результаты исследования подтверждают выводы ряда авторов об обусловленности природы избирательного процесса институциональным устройством политической единицы (в данном случае субъекта федерации). Кабардино-Балкария, несмотря на формальный дизайн политической системы, характеризуется ограниченным доступом индивидов и организаций к ренте, власти и привилегиям; процесс принятия решений выстроен в соответствии с необходимостью учета интересов групп, представляющих правящую коалицию.

Основной вывод статьи заключается в том, что институт выборов обеспечивает устойчивое пребывание правящей коалиции у власти в течение всего постсоветского периода. Элиты на федеральном и региональном уровнях используют выборы как инструмент формализации и воплощения в жизнь результатов скрытых договоренностей по разделу власти, рент и ресурсов между различными группами ненасильственным путем.

Ключевые слова: фальсифицированные выборы; политические институты; Кабардино-Балкарская Республика; Северный Кавказ; постсоветская Россия; общественные движения; устойчивость режима.

Introduction

A variety of research has already been conducted with aim to establish causal links between elections and political orders; these schools represent attempts to analyse transition from authoritarian rule to democracy, transfer from conflict to post-conflict society, institutional development of political orders, and electoral systems in federal states.

Transitology is a subfield of political science dealing with “transitions” of authoritarian regimes towards the establishment of democracies. Proponents of this academic tradition considered elections as one of the institutional prerequisites for democracy, emphasizing the notion of “free and fair elections,” coined by Dahl and developed by his successors [Dahl 2000; Elklitt, Svensson 1997: 37]. The criticism triggered major shifts in this field – after obviously failed attempts to yield numerous

concepts of “democracies with adjectives” researchers started to conceptualize the “institutionalized ambiguity” conversely – they adopted the suggestion of Linz to rely on subtypes of authoritarianism rather than to build subtypes of democracy and invented the term of “electoral authoritarianism” [Gasirowski 2006: 110-111; Schedler 2006: 5]. The proponents of the concept share the stance that these regimes are semi-autocratic by their own choice and not because they lack capabilities to manage the full transition to democracy. Elections in this type of regime are free but hardly fair [Schedler 2002; Way 2006]. Electoral malpractices are manifestations of electoral engineering, according to Golosov, with his argument that authoritarian regimes are more likely to undertake comprehensive electoral reforms, aiming to make the system more consistent with the incumbents’ goals [Golosov 2016: 381-382].

Some researchers tried to transcend the dichotomy “democracy/authoritarianism” and concentrated onto the “grey zone,” hybrid regimes, and the ways used by those regimes seeking to sustain their viability. The notion of “hybrid regime” implies the combination of both democratic procedures and authoritarian mechanisms within one political entity: the competitive democratic institutions, such as multiparty elections, rather mask the reality of autocratic domination because they are fraudulent and coerced; scholars agree that the type of hybrid regime falls somewhere between the conventional, closed authoritarian regime and a fully developed democracy or polyarchy [Diamond 2002; Cassani 2014]. Notwithstanding the recent developments in transitology (or, to be precise, “post-transitology”), authoritarian studies still provide a large room for discussion on the purposes and outcomes of holding elections. Elections, walking concertedly with informal practices (clientelism, tribal/kinship ties, etc.), contribute to the transformation of state institution and establishment of the neo-patrimonial system [Hinnenbusch 2010]. This perspective succeeds to account for authoritarian viability and legitimacy, because it takes elections into consideration as a part of the social order within a broader framework where patronage, ethnic ties, and other informal practices are intertwined with formal routines and are often treated as hindrances to democratization.

Some recent studies in liberal state- and peace-building, i.e. the transition from conflict to democracy rather than from authoritarianism to democracy demonstrate the links between violence and democratic institutions incorporated in conflict/post-conflict societies [Collier 2009; Goodhand, Sedra 2013; Riese et al. 2010]. According to different cases regarding complex societies, the whole matter of electoral violence is partly attributable to the multiethnicity, resulting into violent ethnic conflicts. According to Snyder, implementation of democratic elections in conflict and post-conflict societies might cause outbursts of violence and civilian conflicts [Snyder 2000]. The possible solution for preventing interethnic violence sometimes requires the implantation of informal rules aimed to ensuring the “fair” ethnic representation in government bodies [Miller 2006: 50-52]; the last point is crucial for analyzing and comprehending the politics in the Kabardin-Balkar Republic.

Numerous researches are made in line with institutional studies; they deal with emergence and formation of political institutions (i.a. elections, as they are highly

formalized by very detailed and explicit rules but function intermittently). According to North, institutions are “rules of the game in a society”, including both “formal” rules such as constitutions and laws enforced and protected by the state, and “informal” constraints such as “codes of conduct, norms of behavior, and conventions,” which are generally enforced by members of the relevant group [North 1990]. The concept of violence is of crucial importance for comprehension of the contemporary institutional approach [North et al. 2009]. After the breakdown of the Soviet Union the establishment of electoral system started from scratch, and this process in regions was affected by elite struggles, ethnic cleavages, social movements’ activities, and weaknesses of the federal center. These factors caused deviations in formation of electoral rules and legislation, which were supposed to be manifestations of newly emerged democracy, but in practice have led to different outcomes. Institutional studies pay prior attention to the combination of overt and covert rules, customs, and traditions, established in the political entity [Panov 2016; Боров 2016]. According to the concept of “rational choice institutionalism”, political entrepreneurs and incumbents create rules to reduce the uncertainty and lower transaction costs [Панов 2004: 16]. In the course of time, those rules transform into proper institutions and become fundamental attributes of the current political system [Geddes 1995: 241]. In this vein, Gelman tries to explain the authoritarian nature of contemporary Russia and argues that researchers need to pay attention to the “path contingency” – a complex combination of structural (culture and legacies) and procedural (agents’ actions restricted by existing structures) drivers of transformation [Гельман 2003; Гельман 2006: 57].

Given that we are dealing with the nexus between elections and stability/political order in a subnational polity over time it is justifiable to look over the literature on the role elections play in federations. Numerous studies were conducted in order to shed the light on Russian federal system. The significant point for discussing center-periphery relations is the common Russian phenomenon of “subnational authoritarianism” [Gibson 2005; The Politics 2010]. Scherbak explained the regional vote-rigging in Russia by the specifics of Russian fiscal policies [Щербак 2010] Panov and Ross have conducted a number of studies and have given insight into the functioning of regional legislative assemblies and the impact of federal reforms and changes in electoral legislatures on regional political arena [Panov, Ross 2013; Panov 2016]. In his comprehensive research on development of post-communist federalism in Russia Ross makes contributions into the nature of political parties and their absence in regional political processes in the 1990s [Ross 2002: 92-105]. Gelman endures this discussion, presenting the evolution of federal policies in the early 2000s and linking together the elites’ “imposed consensus” and electoral reforms [Гельман 2005; Gelman 2002]. In a similar manner, Litvinova and Kokorhoeva have investigated the same processes up to the early 2010s. They claim the causation of election-rigging in Russian regions to be the aftereffect of the federal policies, overlapping with endeavors of local elites [Кокорхоева 2012; Литвинова 2011].

As we can derive from the literature review, elections in different societies provide different results and impact future existence of political orders. Moreover,

there are still unanswered questions concerning electoral characteristics and attributes in Russian regions, the functions elections provide and the way they are managed. Elections in the North Caucasus, notorious due to their massive fraud and voter turnouts, have been barely touched upon in a few studies in the context of Russian elections. Specific studies conducted in the North Caucasus slightly address ballots but fail to pay sufficient attention – they do not extend beyond a mere description of mechanical procedures and results.

The contemporary political relevance of the subject is crucial for understanding the Russian politics on both national and subaltern levels. If all reasonable men tend to believe the voting process having been manageable, the gaps and puzzles in the academic knowledge should cover the fundamental issues of elections, why they are held, and how they serve the needs of conductors (ruling coalition) and recipients (citizens). How ethnic-based power-sharing systems in multi-ethnic political entities contribute to the political stabilization? How incumbents use electoral mechanisms to distribute the power among their clients and prevent the encroachment of corrivals into the ruling coalition? To which extent federal elites may affect the regional electoral contestation and demand for the necessary results? Why, eventually, population is reluctant to challenge the authorities and accepts the rigged electoral outcomes?

The general research question refers to all aforementioned questions. As soon as I am trying to understand the social phenomenon and to identify its causes, reason, and key actors' motives for action, the question is of analytical character. Specifically, the current paper intends to answer the following question: how does election-rigging provide political stability in Russian subnational units?

For a more detailed analysis of institutions regulating the electoral system three cases were chosen in KBR. They were selected according to three dimensions mentioned above: first, the role of inter-ethnic power sharing in political stabilization; second, how local authorities deliver the results required by federal elites and regulate the power configuration; and third, to which extent incumbents are capable to impact the electoral outcomes in order to excommunicate the oppositional parties from access to power. In order to maintain the consistence of case studies, all three selected cases deal with legislative elections in KBR during the post-Soviet period.

From the general research question presented earlier we might derive the good reason to assume that the ruling coalition in Kabardino-Balkaria prefers to consider elections as a tool of political stabilization. The notion of political stability refers to the state of the political object when it has the capacity to prevent its non-survival [Dowding 1983: 238-239]. One can say that the political object either does or does not possess the capacity to withstand contingencies. Therefore, there are no degrees of stability – the system is either stable or unstable. In order to develop our assumptions, we need to identify the possible factors contributing to the political object's instability. Martin Svolik in his research emphasizes that authorities may be toppled down due to their inability to either solve the puzzle of authoritarian control (e.g. popular uprising as a result) or manage the problem of power-sharing (e.g. coup d'état as a result) [Svolik 2012: 5-13]. The following assumptions will be constructed on the basis of this consideration.

The first assumption deals with the ruling coalition's desire to control the population and prevent possible unrests and popular uprising. I assume that the ruling coalition in limited access orders with ethnic-based societal cleavages uses rigged elections for the purposes of political stabilization by means of ethnic power-sharing.

The second assumption relates to the intra-elite relations. Kabardin-Balkaria is not an independent state, and local elites have to focus on addressing the needs of superior groups on the national level. Adjusting Svoboda's idea to the particular case of KBR, we allege that subnational incumbents need to solve the problem of power-sharing taking into consideration demands from both federal and regional parties. Hence, we arrive at the following hypothesis: in subnational polities with limited access orders election-rigging ensures the outcomes of informal plea bargain between subnational and national political elites.

The making of modern political and electoral regime in KBR

The historical narrative of Kabardin-Balkar political development since the Soviet Union's breakdown is essential for understanding the way the contemporary electoral system and its functions emerged and have changed over the past decades. In this chapter I intend to present the main milestones of subnational political process, shortly describe the evolution of democratic institutions (i.a. elections), and delineate impact of the federal-level policies on the local vicissitudes and conflictual complexities.

The starting point for historical narrative on elections in post-communist Kabardino-Balkaria is 1989, when the political movement of Perestroika led to democratization of the Soviet political system. The notorious electoral system, which had been existing since the late 1920s, with its one-party ballot and voter turnout in the vicinity of 100% [White 1985: 217], was reformed by Gorbachev's amendments. The 1989 Soviet legislative election was the first opportunity citizens ever had of casting their ballots for any but the official Communist Party candidates. The freshly elected Congress of People's Deputies represented (more or less) the whole universe of political spectrum and pursued the ensuing democratization, concurrently undermining the Communist Party's (CPSU) influence.

The rapid democratization affected regions, including Kabardino-Balkaria. Firstly, Perestroika being started, different newly-established independent ethnic-oriented non-governmental organizations claimed their adherence to the principles of ethno-cultural development and democratization and denied to recognize the primacy of CPSU. Secondly, the 1990 republican Supreme Soviet election signified the emergence of the competitive political arena. Although the sham ballots took place in three of eight precincts, the political opposition managed to advance and enter the legislature [Такова 2010: 92].

The regional nomenklatura with republican party secretary Valeriy Kokov as a leader was challenged by the two newly emerged nationalistic factions – Kabardian and Balkarian. Having caught the wind of the fading CPSU's influence, Kokov swapped his position to the chairman of the Supreme Soviet, particularly given that the Gorbachev's reforms heaved the Soviets (legislatures) to the zenith of power.

Moreover, after the suspicious castling Kokov made a grave political mistake, being espied cooperating with the failed 1991 Moscow coup leaders who sought to roll back the liberal reforms. The pro-democratic forces organized a public rally and raised the population to resist nomenklatura; Kokov and other high-rank officials were compelled to step down [Шопова 2010: 120-121]. Nonetheless, his political calculus and ability to build networks boosted him during the 1991 Kabardin-Balkar presidential election – he was elected as the first President of KBR [Боров 2016: 158]. During 1991-1997 he tried to strengthen his position: firstly, he earned the trust of federal authorities due to his ability to deliver necessary electoral and referendum results and to prevent “the Chechen scenario” (the neighboring Republic of Chechnya claimed its independence and attempted to withdraw Russian Federation; those events culminated into the civil war; according to a common attitude, all Caucasian republics were on a brink of armed conflict). Secondly, he was successful in confronting the inner opposition: the most compliant and flexible entrepreneurs were co-opted into the power structures, the most radical ones were detained on the political outskirts. The opposition had been eliminated by 1997; the same year, the first post-Soviet republican Constitution was adopted, the Parliamentary election strengthened Kokov’s party, and he himself won the uncontested presidential election being a single candidate [Ross 2002: 161; Казенин 2009: 77]. As a result, the successful authoritarian consolidation (procedures become routinized and internalized in social, institutional, and psychological life) in KBR was achieved in 1997.

The decline of federal power and the country’s fragmentation in the 1990s were succeeded by Moscow’s attempt to establish control over the most important administrative levers and create robust vertically structured political system [Литвинова 2011: 156-157]. The Putin’s federal government conducted two arrays of political reforms and changed the legislation resulting in the significant metamorphoses of the domestic political system [Шхагапсоев и др. 2011: 182-183]. The large-scale campaign to bring regional statutes and republican constitutions in accordance with the Constitution of the Russian Federation led to the unification of legislations; the governors’ elections were replaced by President’s appointments; in accordance with the electoral reform, single-mandate constituencies were abolished and succeeded by the proportional representation model; the country was divided in seven federal districts, with chairmen (“polpreds”) thereof controlling regional executives and securities. Reforms have resulted in reasserting federal authority over the regions; the political system has been permeated by “power vertical” designed to maintain cohesion of the ruling elite.

Reforms significantly impacted the Kabardin-Balkar power model. The republican Constitution lost its trappings of statehood such as notions of “republican sovereignty” and “republican citizenship”. The bicameral Parliament became unicameral; some of its Committees lost their validity. The most visible change was that the President has no longer been an elected official – according to the new legislation, his empowerment has been carried out on the proposal of President of Russia by the regional Parliament for five years¹.

¹ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 12 июля 2005 года № 52-РЗ «О поправках к

The regional authorities faced a number of challenges during the reform period. First of them was a fierce struggle in the 1999 and 2002 elections. The 1999 Russian State Duma election in the Kabardin-Balkar precinct was tested by the serious clash between incumbent candidate Sohov and independent self-nominee Teuvazhukov¹; the public opinion associated the latter with clandestine activities of Arsen Kanokov, the well-known Kabardian tycoon who had been opposing the republican authorities over a long period of time. During his campaign Teuvazhukov spent a considerable amount of money but did not succeed (Sohov was elected as a State Duma deputy), even though his campaign was marked as well-conducted and very convincing [Боров 2017: 166]. The 2002 presidential election in KBR was expected to be an ordinary Kokov's triumph; nevertheless, "big money politics" initiated by Kanokov hindered the incumbent's victory by landslide – Kokov encountered a ferocious resistance by Kanokov's proteges. Kokov had not been reluctant to win at all costs; his scandalous electoral campaign stirred scandalous fallout in Russian media because of breaching the electoral legislation – harassment of oppositional candidates, over-expenditure of electoral budget, buying of votes, and coercing students to go to the ballots [Тумов 2017: 122]. However, Kokov managed to strengthen his positions by meeting the requirements of the federal authorities – KBR voted for Putin in 2000 and the newly emerged party of power "United Russia" in 2003 with a sizeable discipline; these results had a confidence-building effect among national elites towards Kokov².

In September 2005, after Kokov had resigned the post for health reasons, in accordance with the new legislation, Putin appointed aforementioned Arsen Kanokov as the Head of KBR (the new title of the post). The first month of his leadership was marred by the raid of Wahhabi militants on Nalchik, when more than 140 people were reported to have been killed during the ensuing shooting. The subsequent surge of violence exercised by both Jihadist insurgents and security agencies had been shaking the North Caucasus for decade. The state of emergency in republics had become a routine affair impeding its economic growth and influx of tourists; moreover, the precarious situation was used by authorities to justify the further political restrictions³. In the meantime, republic was quaking under the rise of new nationalist movements. Being backed by support of powerful State Duma deputy Zalikhanov, the newly established Balkarian social movement contested the authorities over the land disputes and demanded to lift the moratorium on the land privatization and to distribute it among local communities. The situation was

Конституции Кабардино-Балкарской Республики» // «Кодекс» - электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802041439> (дата обращения: 05.08.2018).

¹ Эксперт 3, Lawyer, interview conducted in Nalchik 17.09.2017.

² Маркедонов С. Кабардино-Балкария: Конец эры Кокова. 22 сентября 2005 г. // Сайт Международного правозащитного общества «Мемориал». URL: <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/09/m48064.htm> (дата обращения: 05.08.2018).

³ Казенин К., Стародубовская И. Северный Кавказ: Quo Vadis? // «Полит.ру» - информационно-аналитический портал. URL: <https://polit.ru/article/2014/01/14/caucasus/> (дата обращения: 05.08.2018).

exacerbated by Kanokov's political stance and allegations, which Balkar entrepreneurs perceived to be "pro-Circassian" and "nationalistic." In addition, the nascent Kabardian (Circassian) social movement raised its head, demanding to compensate the historical grievances and opposing Balkarian pretensions. The political tension between Kanokov and those close to former president Kokov had also affected the political affairs [Казенин 2009: 84-90].

The electoral process in the meantime did not undergo major changes, except for incredibly rising outcome indicators of federal elections in KBR. During 2007-2012, electoral results had been equilibrating to median 90 per cent of voter turnout and support of incumbent candidates – "United Russia" in the State Duma elections (2007, 2011) and Dmitriy Medvedev and Vladimir Putin in presidential elections (2008, 2012). On the other hand, regional electoral results left room for political contestation, as far as large Duma parties (Communist Party, Liberal Democratic Party, and "A Just Russia") were represented in the Parliament of KBR. Furthermore, in 2012 federal legislation reinstated presidential elections in regions, allowing regional legislatures to maintain the desired model; nevertheless, Kabardino-Balkaria used the opportunity to recruit the Head of the republic without elections [Panov 2016: 360].

The political and economic underperformance fostered Kanokov's dismissal in 2013. He was succeeded by Yury Kokov, the former chairperson of National Antiterror Committee; his designation has probably been connected with the preparation to the oncoming 2014 Winter Olympics – Kokov was expected to put an end to the continuing religious insurgence due to his experience of working in securities¹. This mission has partially been accomplished; however, experts consider it as a result of the Federal Security Service's efforts, rather than of governors'. Another major reason for that was the exodus of Salafists to the Middle East, where they sought to join expanding Islamic State². Furthermore, most of the problems raised by social movements have been unanswered; in contrast with Kanokov, Kokov, Kabardian himself, has been accused of sympathizing with Balkars and promoting pro-Balkar policies; some activists were insulted by the upcoming 2014 Olympics in Sochi, a cite of one of the largest massacres of Circassians in the XIX century (Kabardians are one of the Circassian sub-ethnic groups)³.

During Kokov's presidency the electoral process in KBR has conserved its previously gained attributes, i.e. high indicators of both voter turnout and wide support for incumbent candidates. Thus, in the 2018 presidential election Vladimir Putin obtained 93,38% votes in KBR, which became the highest result among

¹ Expert 5, Social Activist, interview conducted in Nalchik, 24.08.2017.

² ФСБ: бандподолье на Северном Кавказе практически полностью ликвидировано // ТАСС. 19 декабря 2017 г. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/4825781> (дата обращения: 05.08.2018).

³ Zhemukhov, Sufian. The Circassian Dimension of the 2014 Sochi Olympics. Sept. 2009 // Circassian World – Independent web source. <https://web.archive.org/web/20091011120907/http://www.circassianworld.com/new/general/1382-circassian-dimension-2014sochi-szhemukh.html> (last accessed: 05.08.2018).

Russian regions. Nevertheless, independent electoral monitoring groups and observers were reporting about voting irregularities and ballot stuffing¹.

Thus, a historical account of post-Soviet political development of Kabardin-Balkar Republic shows the rise and conservation of electoral irregularities, e.g. enormously high voter turnout, support for incumbent candidates, and permanent reports from polling organizations about ballot stuffing. The next sections are focusing on different dimensions and characteristics of elections in KBR: inter-ethnic power sharing, bargain between federal and regional elites, and manifestation of local intra-elite struggle in electoral fraud.

Electoral mechanisms of inter-ethnic power sharing

The handful literature on informal political institutions in the North Caucasus is replete with the notion of ethnic quota that consists in allocation of public offices among representatives of key ethnic groups; this distribution aims to provide their equal access to power [Стародубровская, Казенин 2016]. Undoubtedly, the implementation of this principle transpires behind the scenes, given that it nominally contradicts to the basic provisions of Russian Constitution [Литвинова 2011: 240]. Some experts consider this informal institution to be effectively resolving intra-elite conflicts [Адиев и др. 2017], while the others point out the loss of public interest towards the equal distribution of power [Казенин 2010: 208-209].

Although the origins of ethnic quota principle of power-sharing were built on during the Soviet period, the late 1980s democratization eroded this informal convention. It was brought back to life after the March, 1990 elections to the Russian and the Kabardin-Balkar Supreme Soviets; according to the results, none of Balkar deputies was elected to the Russian Soviet, and only 18 – to the republican Soviet (consisting of 160 members). The immediate public outcry compelled authorities to conduct re-elections in several precincts in order to increase the former number to 1 and the latter – to 21 [Шорова 2010: 101]. Nevertheless, Balkar political leaders stated the “inequality” in distributing the power positions; parliamentary sessions became vivid evidence of the ethnic-based elite cleavage. In the meantime, Kabardian non-governmental organizations denounced corruption and political elite’s reluctance to guarantee democratization. Both social movements stood up against each other and the ruling group – former Soviet nomenklatura. The new form of political manifestation – “conventions of people” – took place in 1991-1992; those conventions demanded to divide the republic along ethnic lines. Several demonstrations run by opposition barely escaped the non-violent arena; during the 1992 political crisis federal troops were deployed in Nalchik to maintain law and order [Шорова 2010: 144-146].

¹ Юрасова, Татьяна. Все подходы записаны. 3 июня 2018 г. // Электронное периодическое издание «Новая газета». URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/06/03/76701-vse-podhody-zapisany> (дата обращения: 05.08.2018); Явка в Кабардино-Балкарии превысила результаты прошлых выборов. 19 марта 2018 г. // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/318010/> (дата обращения: 05.08.2018).

Politicians on the middle ground headed by newly elected President Valeriy Kokov tried to divide the opposition and co-opt moderate leaders into the ruling coalition. He managed to establish the power-sharing system among the highest officials: Kabardian president, Balkar prime-minister, and Russian speaker of Parliament. In 1993, following the lead of President Yeltsin of Russia who eliminated the Russian Supreme Soviet and replaced it with the State Duma, Kokov dissolved the republican legislature and held the election to the newly established Parliament of KBR. None of the opposition deputies from the Supreme Soviet advanced to the new convocation, as it was consisting of representatives of large businesses and former communist nomenklatura. Furthermore, the number of Balkar deputies in the new convocation increased and exceeded the share of the population. This number has been stable thus far; the ethnic composition of parliamentary convocations is illustrated in the table below (Table 1).

Table 1

Ethnic Composition of Parliamentary Convocations

Ethnic group	1 st conv.		2 nd conv.		3 rd conv.		4 th conv.		5 th conv.	
Kabardians	42	58,33%	39	54,17%	61	58,10%	45	62,50%	34	49,28%
Balkars	11	15,28%	14	19,44%	19	18,10%	13	18,06%	12	17,39%
Russians	18	25,00%	15	20,83%	20	19,05%	12	16,67%	18	26,09%
Other	1	1,39%	4	5,56%	5	4,76%	2	2,78%	5	7,25%
Total number	72		72		105		72		69	

Source: Archive of the Parliament

The data provided in the Table 1 displays the results of ethnic power-sharing mechanisms. The number of Balkars exceeds their share in population (18% in the Parliament against 12% in general); the reasonable assumption would be the higher voting activity of Balkars during the ballots, but the official figures confute this thesis – voting in Balkar-populated districts does not significantly deviate from the general pattern¹. Apparently, the formation of authorities is regulated by informal agreements within the ruling coalition. This statement had been explicitly confirmed by the Kabardin-Balkar Declaration of Sovereignty adopted in 1992; it included an item aiming to ensure the equal representation of main “titular nations” in authorities [Боров и др. 1999: 117-118]. Although the Declaration lost its judicial validity during the recentralization period, this informal rule still has been regulating the political arena. Hence, three top high official positions (president, prime-minister, speaker of Parliament) have always been held between Kabardian, Russian, and Balkar correspondingly (with the exception of the current government with Balkar prime-minister and Russian parliamentary speaker). Additionally, president ensures a pro rata ethnic balance while assigning ministerial portfolios. Moreover, the distribution of chairmanships in parliamentary committees is regulated likewise, in

¹ Website of the Central Electoral Commission of the Russian Federation, <http://www.cikrf.ru/>; Website of the Kabardin-Balkar Electoral Commission, <http://www.kabardin-balkar.izbirkom.ru/>

accordance with the permanent share of ethnic representation. The only exception is the Committee on inter-ethnic relations that has three chairpersons (Kabardian, Balkar, and Russian). For other committees, if the premature termination of mandate takes place, the new chairman is selected among deputies representing the predecessor's ethnicity¹.

The similar trend transpires while looking at the State Duma electoral results (Table 2). Among three deputies from Kabardino-Balkaria in the fifth Duma convocation (2007) Russian, Kabardian, and Balkar were represented. Arsen Kanokov was elected as a Kabardian deputy but could not perform his functions because of his presidency; he therefore passed his mandate to Kabardian Adalbi Shhagoshev and preserved the quota. The 2011 Duma election was conducted by proportional representation; due to high voter turnout, the number of deputies from KBR increased to 4, with 2 Kabardians, 1 Balkar, and Russian. The 2016 election was carried out by mix of proportional representation and single-member constituencies systems, but the number of deputies and ethnic quota remained unchanged. It should be mentioned that two deputies of the upper house of Russian legislative assembly, the Federation Council, were elected in 1993 and met the requirements of ethnic quota (Kabardian Kokov and Balkar Cherkesov). Since 1996 members of the Council have been appointed by the regional authorities; nonetheless, the deputation from KBR always consist of one Kabardian and one Balkar.

Table 2**Ethnic Representation of the State Duma deputations**

Ethnicity	5 th conv. (2007)	6 th conv. (2011)	7 th conv. (2016)
Kabardians	1	2	2
Balkars	1	1	1
Russians	1	1	1

Source: Wikipedia. The Free Encyclopedia

Analyzing phenomenon of ethnic quota in government and parliamentary agencies of KBR, one should admit that this rule roots in informal intra-elite agreements and was cultivated in order to prevent the growing activities of social movements and to divide the opposition. Categorizing key actors in this process, we can emphasize the power struggle between three parties – the former Soviet nomenklatura led by Kokov, the Kabardian social movement, and the Balkar social movement. The two latter were backed by their constituencies enabling them to organize strikes, demonstrations, and rallies – in the early 1990s ethnicity became a bridge between politicians, intelligentsia, criminal groups, and general public [Силаев 2015: 27]. Kokov managed to drive a wedge between leaders of oppositional parties by co-opting the moderate ones into the ruling coalition by means of appointments and rigged elections; this allowed him to protect his and his clients'

¹ Archive of the Parliament of the Kabardin-Balkar Republic.

access to power and positions¹. Having gained access to the power and rent, the newly co-opted oppositional entrepreneurs changed their political stance and contributed to the resilience of authoritarian regime: they distanced themselves from oppositional groups and brought their cliques with them. Nowadays, even though the previous social movements have vanished in all but names and been replaced by other political groups, the informal rule of quotation has still been implemented and serves the purposes of justifying rigged elections by providing equal access to power for all ethnic groups.

Elections under bargain

This case deals with the competition between parties during federal legislative elections. Political parties have been important not only for representing political constituencies, but also for recruiting candidates and integrating groups and individuals into administration. It should be pointed out that during the 1990s the influence of parties in Russian regions was insignificant, because Kremlin had no interest in developing party of power, preferring to look for a foothold on different platforms (Party of Russian Unity and Accord, Our Home – Russia etc.); likewise, governors were attempting to strengthen their positions via local “political machines,” which had nothing in common with traditional political parties, or through recruitment of their cliques. Thus, in Kabardino-Balkaria up to 80 per cent of the members of the Parliament represented economic elite, factory directors, or businessmen; similarly, the number of state officials among deputies was very high [Ross 2002: 130-131]; nonetheless, only 14% of deputies represented different political parties [Литвинова 2011: 151].

The situation shifted in early 2000s, when federal authorities took several steps to unify the political landscape and to build the “power vertical.” One of those steps represented an attempt to steel the established party system and strengthen the prior party “United Russia” [Панов 2006]. Scholars tend to agree that authoritarian parties affect regime in a positive way. They endow it with the possibility to prevent factionalism among elites; moreover, political parties in non-democracies are means through which regimes may distribute rents and support; frequently this embodies in the form of co-optation or patronage [Svolik 2012: 163]. According to Blaydes, authoritarian regimes tend to use parliamentary elections as a tool to manage domestic political elite, in order to have staunch allies contributing into regime stability, in exchange providing them with numerous opportunities for money-making, influence, and access to state resources [Blaydes 2011: 48-49]. Due to recentralization reforms Russian elites managed to overcome the division in factions and to appear as the consolidated and highly integrated political group. This “imposed consensus” promoted severe restrictions of electoral competition and hampered penetration into elections and campaigning possibilities for oppositional parties [Гельман 2005: 23]. Experts claim that all regional legislatures are designed in order to guarantee a majority of seats for newly-created “United Russia” and a

¹ Expert 4, Human Rights Activist, interview conducted in Nalchik, 07.08.2017.

minority – for the so-called “second-order parties” [Panov, Ross 2013: 373]. Panov and Ross distinguished competitive and hegemonic authoritarian regimes in Russian regions with good electoral performance of United Russia but different contested arena: competitive regional regimes still undergo genuine competition among parties, whilst hegemonic ones eliminate electoral competition completely and show overwhelming support for party of power [Panov, Ross 2013: 371].

Sub-national polities in federation has been exercising their own unique party systems. Even highly centralized Russian Federation with its imposed power vertical has a number of diverse electoral systems that make a significant distinction between units of the country. Regions can exercise either single-member district system or proportional representation type of parliamentary elections, or combine two previous options; Kabardino-Balkaria have adopted full proportional representation system with party list voting. According to Panov and Ross, the type of electoral system impacts the degree of electoral competition – regions with party list voting tend to be less competitive [Panov, Ross 2013: 384]. This can be explained by the fact that in single-member district voting oppositional candidates are able to enter elections as self-nominees, whilst party list voting purposes to retain undesirable candidates from participation.

However, if we have a look at legislative electoral outcomes in Kabardino-Balkaria since after 2007 (Table 3), we will notice numerous anomalies related to results of some “second-order parties”. The figures are inexplicable in terms of voters’ deliberate choice. For instance, within two years Communist Party, Liberal Democratic Party, and “A Just Russia” had improved their performance from mediocre results in 2007 to the relative success in 2009. Thereafter, LDPR and JR had underperformed in 2011 and 2016 State Duma elections, although managed to obtain more votes in interim 2014 parliamentary election. Apparently, the rapid change of political stances among voters is an insufficient explanation.

Table 3

2007-2016 Legislative Elections Results

Parties	2007 SD election	2009 parliamentary election	2011 SD election	2014 parliamentary election	2016 SD election
“United Russia” (UR)	96.12%	72.29%	81.91%	65.28%	77.71%
Communist Party (CPRF)	1.72%	8.36%	17.63%	11.55%	18.90%
Liberal Democratic Party (LDPR)	0.41%	7.02%	0.08%	5.10%	0.15%
A Just Russia (JR)	1.41%	12.26%	0.23%	11.51%	2.09%

Source: website of Central Election Committee of Russian Federation

The case could be explained with comprehension of strategy of republican authorities – the genuine conductor of the process. Given that authorities can control the desirable results, they may use this resource in order to ensure strong positions for “party of power” “United Russia” in national elections, meanwhile making advances for other influential federal actors (e.g. “second-order” parties) in regional parliament. The possible explanation could be related to the budget policies of Russian authorities. Indeed, studies have demonstrated positive correlation between electoral results for incumbents and budget subsidies in Russian regions throughout the entire post-Soviet period [Щербак 2010]. Stated differently, the better incumbent candidates performed in regional precincts during national elections, the more subventions region obtained from the federal governmental budget. The incentive to suggest the shift in the fiscal stance of Russian authorities during the last decade has been absent.

Table 4: 2007-2016 State Duma Elections Results

	Voter turnout in RF	Voter turnout in KBR
2007 SD election	67.71%	96.68%
2011 SD election	60.10%	98.33%
2016 SD election	45.51%	90.11%
Source: website of Central Election Committee of Russian Federation		

The next assumption relating to electoral outcomes in KBR is linked with the enormously high voter turnout. In the State Duma elections (Table 4) the Kabardin-Balkar Republic has been demonstrating intense activity of citizens that significantly exceeds national figures. The possible explanation of this anomaly is the federal legislation, in accordance to which federal units with the higher voter turnout have more representatives in the State Duma¹. Thus, KBR as a region with appropriate figures is represented by 4 deputies in federal legislature. This allegation was confirmed by interviewed expert in legal support of electoral campaigns and deputy of the Parliament of KBR. They explained the strategy of republican authorities by determination to have enough policy-providers, lobbyists, and supporters on the federal level, within the federal authorities².

Local intra-elite struggle and electoral fraud

The current analysis is intended to shed the light on the circumstances of 2009 legislative election in Kabardino-Balkaria. As it has already been mentioned above,

¹ Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ.РУ – информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12140155/> (дата обращения: 05.08.2018).

² Expert 2, Deputy of the Parliament, interview conducted in Nalchik 11.09.2017; Expert 3, Lawyer, interview conducted in Nalchik 17.09.2017.

in 2005 after the first president Valeriy Kokov's resignation Russian leader Vladimir Putin was supposed to nominate his candidate as new president of KBR. During the pre-appointment interregnum Khachim Karmokov had been being considered to be Kokov's successor¹. Karmokov has been a prominent statesman in KBR since the late 1980s: he had been presiding the republican Supreme Soviet until 1993, had been deputy of State Duma before he took over Chairman's office of Russian Accounts Chamber; in 2001 he became a member of the Federation Council, the upper house of the Russian national legislature². Nevertheless, Arsen Kanokov was appointed new president of Kabardino-Balkaria. Karmokov's influence and political significance empowered him to stay as a political heavyweight in Kabardino-Balkaria. In 2007, after "A Just Russia" party had been founded, Karmokov became the chairman of party's regional branch, still being a member of the Federation Council.

The political confrontation between Kanokov and Karmokov had become apparent in 2007. In the State Duma election "A Just Russia" garnered only 1.41% of votes (against "United Russia" with 96.12%); immediately upon the election Karmokov accused the republican authorities of ballot-rigging³. At the extraordinary session of Parliament deputies urged Sergey Mironov, leader of "A Just Russia," to withdraw Karmokov from the Federation Council; Mironov had refused – his reluctance probably stemmed from urge to protect his partisan and to prevent his replacement by the member of "United Russia"⁴. Concomitantly, regional media launched a public campaign against Karmokov and his party, accusing him of cooperation with the so-called "Balkar nationalists" [Кынев 2009: 102]. In 2009, on the eve of the republican parliamentary election, Mironov had abruptly excluded Karmokov from the Federation Council; he was replaced by Albert Kazharov, Kanokov's former chief of staff and member of "United Russia"⁵. Preparing to the looming election, Karmokov compiled a party list with his own name at the top, but was discharged from his chair by Mironov at the last moment; Karmokov's office was taken by his deputy Svetlana Azikova [Кынев 2009: 102]. She compiled a new

¹ Губин? Канокон? Кармоков? 22 сентября 2005 г. // Газета Юга: сайт URL: <http://www.gazetayuga.ru/archive/2005/38.htm> (дата обращения: 05.08.2018).

² Кто возглавлял Счетную палату РФ. Досье. 22 мая 2018 г. // ТАСС, информационное агентство: сайт. URL: <http://tass.ru/info/5221704> (дата обращения: 05.08.2018).

³ Сенатор от Кабардино-Балкарии отозван из Совета Федерации. 20 декабря 2007 г. // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/129282/> (дата обращения: 05.08.2018); Парламент Кабардино-Балкарии просит досрочно прекратить полномочия своего представителя в Совфеде. 20 декабря 2007 г. // ИА Regnum, информационное агентство: сайт. URL: <https://regnum.ru/news/935149.html> (дата обращения: 05.08.2018).

⁴ Сенатор отзывают по партийной линии. 21 декабря 2007 г. // Газета «Коммерсант»: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/838532> (дата обращения: 05.08.2018); Депутаты Парламента Кабардино-Балкарии решили сменить сенатора. 20 декабря 2007 г. // Lenta.ru – новости России и мира сегодня: сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2007/12/20/karmokov/> (дата обращения: 05.08.2018).

⁵ Кажаров Альберт Хатуевич. 25 апреля 2014 г. // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/228558/> (дата обращения: 05.08.2018).

party list; as a result, the party's performance in parliamentary election was more successful comparing with the previous (7.02% against 1.41%)¹.

While appraising the situation, two questions may be derived for analysis. The first question relates to party leader Mironov's incentive to replace amicable Karmokov by the representative of rival party, although he hesitated to do that after the first appeal. The second one is linked with overnight increased popularity of "A Just Russia." The possible answer might be connected with informal agreement between Mironov and president Kanokov. The outcome looks like exchange of resources between two political patrons. Kanokov takes down his adversary, in return providing party with seats in Parliament. In his turn, Mironov strengthens his party's position in Parliament (in order to increase his political clout); instead he has to replace his client [Тумов 2017: 127]. The relevant notion of "subversive institutions" has been created to define the use of formal law for purposes of de-facto institutional structures [Гельман 2010; Olsson 2016: 40] in this case legitimate procedures of elections and deputy mandate allocation authorized parties to achieve their goals without violating the official rules.

Conclusion

The case studies provide insights into the forces at work on regional level in Kabardin-Balkaria. To put the results into the academic discussion, it is necessary to define the types of key actors with their resources and institutional patterns – or, at least, classification, as far as a number of individuals and organizations participating in the described processes within this research does not appear to be encompassed.

It is reasonable to start off with the "ruling coalition" in Kabardino-Balkaria. Using this term, I implicate that subnational political elites are not a single actor and can be divided along ethnic lines, in patronage networks, bloodline clans etc. In accordance with the case studies, different individuals act in this role and compete with each other, but this does not contradict to the main idea of ruling coalition's aspiration – to retain access to rents and state resources, which are drivers to fight for power and are needed to stay in power. This aspiration pushes them to form alliances with another groups in order to protect themselves from tempestuous risks; interestingly, some members of ruling coalition may fall victims during the power struggle (Karmokov's descent as an example). Republican elites derive their legitimacy from two sources. First of them is the so-called "mandate" from supreme elites – e.g. presidential appointment of the Head of the Republic, or informal links with federal political heavyweights and kingpins. The second source is the local population, which may choose to support or challenge the authorities. Coincidentally, those two forces may also appear the reason of their downfall. Therefore, in order to sustain their stable stay in power, elite groups need to involve in complex network of behind-the-scenes agreements and to use rigged elections as a means to fulfill their

¹ Website of the Central Electoral Commission of the Russian Federation, <http://www.cikrf.ru/>; Expert 1, Deputy of the Parliament, interview conducted in Nalchik, 07.08.2017.

commitments – their resources such as access to power and informal mechanisms allow to fabricate electoral outcomes in favour of particular candidates and parties.

The menace for the ruling coalition “from below” is the population; social movements represent its active part in the community with ethnic-based cleavages. Although both Kabardian and Balkar social movements are considered to be independent, they partially consisted of representatives of governmental bodies, local self-government agencies, and small and medium businesses, which gave rise to the increase of movements’ pressure. Those nationalist organizations had undoubtedly possessed violent potential, given the circumstances of the 1990-1993 protests. This access to violence made ethnic leaders and entrepreneurs able to conduct a dialogue from a position of strength and induced Kokov’s group to start the negotiating process. However, ethnic organizations could not use their coercive potentials at their full capacity because of the involvement of federal military agencies. After the cooptation and obtaining access to the power and rent oppositional leaders contributed to the resilience of authoritarian regime by promoting splits within movements and including their parts into new patronage networks.

Although the federal elite is rather set of semi-independent individuals and organizations than a single actor, it is easier to link them into one group. This can be justified by the fact that all those groups are concerned in 1) political stability within the federal unit and 2) their own influence in the region. The federal elites retained the belligerent parties from armed conflict in the early 1990s in order to prevent the Chechen scenario in other republics. After the recentralization reforms and authoritarian consolidation, the national authorities re-established a full control over the regional governments and demanded the necessary electoral results for incumbent parties, instead providing them with budgetary funds. Interestingly, regional rulers afforded to conduct informal negotiations with influential federal players in order to tackle their competitors. Electoral results have been a mere outward manifestation of bargains between parties.

Finally, I want to take a brief look at the procedures applied by the key actors to achieve their goals and impose the state of political stability, i.e. to protect their positions and stay in power. Our first hypothesis stated that ruling coalitions in regions with ethnic-based societal cleavages resort to ethnic power-sharing as a means to cope with influential ethnic social movements and tranquillize their protest capacities. Co-optation of public leaders into the ruling class by providing them access to rent and state resources may successfully pacify the tumultuous political environment. Thus, ballot-rigging in limited access orders is another way to redistribute dominions and privileges. Given the consequences of Balkar social movement’s activity in the 1990s, we can even suggest that ethnic quota has the potential to be used as a justification for electoral fraud.

According to the second hypothesis, the informal plea bargain between politicians is an essential attribute of limited access orders, especially in subnational units of federation, regulating membership of the upper class. KBR as a part of Russian Federation vividly exemplifies this correlation. The regional political elites are free to govern in their respective territory and enjoy primary access to the benefits and privileges, at the forefront subsidies from the federal budget (which makes

elections different in the national and sub-national limited access orders). In return, they are obliged to satisfy inquiries from the supreme level. In terms of elections, this means reaching high figures of voting results: turnout and support for incumbent. But this pattern is a two-way street: local politicians are able to use this situation to regulate the popular perceptions of falsifications and to advocate the legitimacy of rigged elections, claiming their necessity for the sake of the region, its prosperity and good economic performance.

The power struggle between regional parties may also be affected by intervention from the federal level. Regional incumbents may appeal to the central authorities to champion them in their struggles with the local contesters. The use of formal rules in these situations is backed by hidden agreements, and those “nested games” become a part of the hybrid-oriented institutional environment.

Beyond that, once we turn a blind eye to the impeding effect of ethnic quota for future democratization (although the North’s framework has nothing to do with democratization), we can assume that this informal institution creates a win-win situation for all participants of the game, namely the federal elite, the subnational governing groups, and the social movements, especially given the absence of the potential challengers. In fact, the absence of challengers is not the state of affairs; the logic of limited access orders is that political contesters are restricted by the established formal and informal rules. Put another way, the possible challengers have to take into consideration the existing institutional framework and to follow the rules that are (mostly) in favour of the ruling coalition, therefore complicating and hampering the newcomers’ path to power, rent, and resources (although this allegation shall not be considered *res judicata*).

BIBLIOGRAPHY

Адиев и др. 2017 – *Адиев А.З., Аккиева С.И., Щербина Е.А.* Этничность и распределение властных позиций в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в ракурсе экспертных мнений // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Северного Кавказа. – Магас: ИГУ, 2017. – С. 8-19.

Боров 2016 – *Боров А.Х.* Кабардино-Балкария на выборах 1990-х: поиск стабильности в нестабильной политической среде // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 5 (73). – С. 155-170.

Боров и др. 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабадино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 183 с.

Гельман 2010 – *Гельман В.Я.* «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2010. – № 2 (57). – С. 6-24.

Гельман 2006 – *Гельман В.Я.* Выборы по-русски: правила игры в российской электоральной политике // Россия и современный мир. – 2006. – №2 (56). – С. 54-67.

Гельман 2003 – *Гельман В.Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 6-25.

Гельман 2005 – *Гельман В.Я.* Эволюция электоральной политики в России: на пути к недемократической консолидации? // Политическая наука. – 2005. – № 2. – С. 8-25.

Казенин 2009 – *Казенин К.И.* «Тихие конфликты» на Северном Кавказе. Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М.: REGNUM, 2009. – 180 с.

Казенин 2010 – *Казенин К.И.* Кабардино-Балкарская республика // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным Центром: Монография / Научный редактор и составитель И.Г. Косиков. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 183-212.

Кокорхоева 2012 – *Кокорхоева Д.С.* Политическая институционализация органов государственной власти субъектов Российской Федерации (на материалах республик). Автореф... д. полит. н. – Краснодар, 2012. – 47 с.

Кынев 2009 – *Кынев А.В.* Выборы парламентов российских регионов 2003-2009 гг.: первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. – М.: Центр «Панорама», 2009. – 516 с.

Литвинова 2011 – *Литвинова Т.Н.* Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 292 с.

Мельвиль 2004 – *Мельвиль А.Ю.* О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 2. – С. 64-75.

Панов 2004 – *Панов П.В.* Изменение электоральных институтов в России. Кроссрегиональный сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 6. – С. 16-28.

Панов 2006 – *Панов П.В.* Региональные политические процессы в РФ в «эпоху Путина»: унификация или диверсификация? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2006. – Т. 2. – № 4. – С. 86-103. URL: <http://www.politex.info/content/view/300/2/> (дата обращения: 05.08.2018)

Силаев 2015 – *Силаев Н.Ю.* О фрагментации государства, эволюции этнических движений и сепаратизме в России // Сепаратизм в политической жизни современной Европы / Под ред. П.Е. Канделя. – М.: Ин-т Европы РАН, 2015. – С. 23-42.

Стародубровская, Казенин 2016 – *Стародубровская И.В., Казенин К.И.* Северный Кавказ и современная модель демократического развития. Экспертный доклад. 01 апреля 2016 // Комитет гражданских инициатив. [Электронный ресурс]. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2774/> (дата обращения: 05.08.2018).

Такова 2010 – *Такова А.Н.* К вопросу об истоках и динамике политизации этничности в Кабардино-Балкарии во второй половине 80-х гг. XX в. – начале XXI в. // Исторический вестник. – 2010. – IX вып. – С. 91-108.

Тумов 2017 – *Тумов А.А.* Избирательный процесс в современной Кабардино-Балкарии: эволюция политических условий, устойчивость политических результатов // Электронный журнал – Кавказология. – 2017. – №2. – С. 119-139. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-119-139>

Шорова 2010 – *Шорова М.Б.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии (середина 1980-х – 1990-е гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2010. – 206 с.

Шхагапсоев и др. 2011 – *Шхагапсоев З.Л., Тенгизова Ж.А., Урумов А.В., Хамуков А.В.* Конституционная реформа в Кабардино-Балкарской Республике. – Нальчик: Нальчикский филиал Краснодарского университета МВД России, 2011. – 407 с.

Щербак 2010 – *Щербак А.Н.* «Нефтяное проклятие» политического развития // Нефть, газ, модернизация общества. – СПб.: Экономическая школа, 2010. URL: seinstitute.ru/Files/Oil-2p31-52.pdf (дата обращения: 07.07.2018).

Aliyev 2015 – *Aliyev H.* Post-Soviet Informality: towards Theory-Building // International Journal of Sociology and Social Policy. – 2015. – Vol. 35. – No. 3/4. – P. 182-198.

Belokurova 2018 – *Belokurova G.* Soviet Legacies, Organized Crime, and Economic Gangsterism: Russia, 1995-2010 // Communist and Post-Communist Studies. – 2018 – Vol. 51. – No. 1. – P. 1-17.

- Blaydes 2011 – *Blaydes L.* Elections and Distributive Politics in Mubarak' Egypt. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011. – 275 p.
- Boege et al. 2009 – *Boege V., Brown M.A., Clements K.P.* Hybrid Political Orders, Not Fragile States // *Peace Review.* – 2009. – Vol. 21. – No. 1. – P. 13-21.
- Carothers 2002 – *Carothers Th.* The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy.* – 2002. – Vol. 13. – No. 1. – P. 5-21.
- Cassani 2014 – *Cassani A.* Hybrid What? Partial Consensus and Persistent Divergences in the Analysis of Hybrid Regimes // *International Political Science Review.* – 2014. – Vol. 35. – No. 5. – P. 542-558.
- Collier 2009 – *Collier P.* Wars, Guns and Votes: Democracy in Dangerous Places. – New York: Harper Collins, 2009. – 260 p.
- Dahl 2000 – *Dahl R.* On Democracy. – New-Haven: Yale University Press, 2000. – 272 p.
- Diamond 2002 – *Diamond L.* Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy.* – 2002. – Vol. 13. – No. 2. P. 21-35.
- Dowding 1983 – *Dowding K.* The Meaning and Use of «Political Stability» // *European Journal of Political Research.* – 1983. – No. 11. – P. 229-243.
- Ekman 2009 – *Ekman J.* Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes // *International Political Science Review.* – 2009. – Vol. 30. – No. 1. P. 7-31.
- Elklitt, Svensson 1997 – *Elklitt J., Svensson P.* What Makes Elections Free and Fair? // *Journal of Democracy.* – 1997. – Vol. 8. – No. 3. P. 32-46.
- Elwert 2003 – *Elwert G.* Intervention in Markets of Violence / Potentials of Disorder, ed. Jan Koehler and Kristof Zürcher. – Manchester: Manchester University Press, 2003. – P. 219-242.
- Gandhi 2008 – *Gandhi J.* Political Institutions under Dictatorship. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 232 p.
- Gandhi, Lust 2006 – *Gandhi J., Lust E.* Elections under Authoritarianism // *Annual Review of Political Science.* – 2006. – Vol. 12. – No. 1. P. 403-422.
- Gasiorowski 2006 – *Gasiorowski M.* The Political Regimes Project // *On Measuring Democracy: Its Consequences and Concomitants* / Ed. Alex Inketes. – New Brunswick and London, 2006. – P. 105-122.
https://books.google.de/books?id=uxO2QHFzIzC&pg=PA105&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (last accessed: 05.08.2018).
- Geddes 1995 – *Geddes B.* A Comparative Perspective on the Leninist Legacy in Eastern Europe // *Comparative Political Studies.* – 1995. – Vol. 28. – No. 2. – P. 239-274.
- Gelman 2002 – *Gelman V.* Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation? // *Demokratizatsya. The Journal of Post-Soviet Democratization.* – 2002. – Vol. 10. – No. 3. – P. 343-361.
- Gibson 2005 – *Gibson E.* Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Democratic Countries // *World Politics.* – 2005. – Vol. 58. – No. 1. – P. 101-132.
- Golosov 2016 – *Golosov G.* Why and How Electoral Systems Matter in Autocracies // *Australian Journal of Political Science.* – 2016. – Vol. 51. – No. 3. – P. 367-385.
- Goodhand, Sedra 2013 – *Goodhand J., Sedra M.* Rethinking Liberal Peacebuilding, Statebuilding and Transition in Afghanistan: An Introduction // *Central Asian Survey.* – 2013. – Vol. 32. – No. 3. – P. 239-254.
- Hinnenbusch 2010 – *Hinnenbusch R.* Towards a Historical Sociology of State Formation in the Middle East // *Middle East Critique.* – 2010. – Vol. 19. – No. 3. – P. 201-216.
- Koehler, Zürcher 2003 – *Koehler J., Zürcher K.* Institutions and the Organization of Stability and Violence // *Potentials of Disorder* / Ed. by J. Koehler, K. Zürcher. – Manchester: Manchester University Press, 2003. – P. 243-266.
- Lauth 2000 – *Lauth H.* Informal Institutions and Democracy // *Democratization.* – 2000. – Vol. 7. – No. 4. – P. 21-50.

Levitsky 2002 – *Levitsky S., Way L.* Elections Without Democracy. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. – 2002. – Vol. 13. – No. 2. – P. 51-65.

Miller 2006 – *Miller S.* Ethnic Conflict, Electoral Systems, and Power Sharing in Divided Societies. PhD diss. – Georgia State University, 2006. – Retrieved from https://scholarworks.gsu.edu/political_science_theses/7/ (last accessed: 05.08.2018).

North 1990 – *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – New-York: Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

North et al. 2009 – *North D., Wallis J., Weingast B.* Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. – New-York: Cambridge University Press, 2009. – 346 p.

Olsson 2016 – *Olsson J.* Subversion in Institutional Change and Stability: A Neglected Mechanism. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 120 p.

Panov 2016 – *Panov P.* In Search of Inter-Ethnic Balance: Ethnic Composition and Informal Power-sharing in Russian National Republics // *European Politics and Society*. – 2016. – Vol. 17. – No. 3. – P. 353-372.

Panov, Ross 2013 – *Panov P., Ross C.* Patterns of Electoral Contestation in Russian Regional Assemblies: Between "Competitive" and "Hegemonic" Authoritarianism // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2013. – Vol. 21. – No. 3. – P. 369-400.

Riese et al. 2010 – *Riese S., Roehner N., Zuercher C.* External Strategies for Post-Conflict Democratization: Bosnia and Herzegovina, Kosovo, and Macedonia // *Yearbook on the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE)*. – 2010. – P. 265-281.

Ross 2002 – *Ross C.* Federalism and Democratization in Russia. – Manchester: Manchester University Press, 2002. – 182 p.

Schedler 2006 – *Schedler A.* The Logic of Electoral Authoritarianism / Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition, ed. Andreas Schedler. – Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2006. – P. 1-26.

Schedler 2002 – *Schedler A.* The Nested Game of Democratization by Elections // *International Political Science Review*. – 2002. – Vol. 23 – No. 1. – P. 103-122.

Snyder 2000 – *Snyder J.* From Voting to Violence. Democratization and Nationalist Conflict. – New York: W.W. Norton, 2000. – 320 p.

Svolik 2012 – *Svolik M.* The Politics of Authoritarian Rule. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. – 258 p.

The Politics... 2010 – *The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia*. Ed. Vladimir Gel'man and Cameron Ross. *Post-Soviet Politics*. – Burlington, Vt.: Ashgate, 2010. – xviii, 229 p.

Way 2006 – *Way L.* Authoritarian Failure: How Does State Weakness Strengthen Electoral Competition // *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition* / Ed. Andreas Schedler. – Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2006. – P. 167-180.

White 1985 – *White S.* Non-competitive Elections and National Politics: The USSR Supreme Soviet Elections of 1984 // *Electoral Studies*. – 1985. – Vol. 4. – No. 3. – P. 215-229.

REFERENCES

ADIYEV A.Z., AKKIYEVA S.I., SHCHERBINA E.A. *Etnichnost' i raspredeleniye vlastnykh pozitsiy v Kabardino-Balkarii i Karachayevo-Cherkessii v rakurse ekspertnykh mneniy* [Ethnicity and power-sharing in Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia: expert opinions] // *Gumanitarnyye i sotsial'no-politicheskiye problemy modernizatsii Severnogo Kavkaza* [Humanitarian and socio-political problems of the modernization of the North Caucasus]. – Magas: IGU, 2017. – P. 8-19. (In Russian)

- ALIYEV H. Post-Soviet Informality: towards Theory-Building // International Journal of Sociology and Social Policy. – 2015. – Vol. 35. – No. 3/4. – P. 182-198.
- BELOKUROVA G. Soviet Legacies, Organized Crime, and Economic Gangsterism: Russia, 1995-2010 // Communist and Post-Communist Studies. – 2018 – Vol. 51. – No. 1. – P. 1-17.
- BLAYDES L. Elections and Distributive Politics in Mubarak' Egypt. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011. – 275 p.
- BOEGE V., BROWN M.A., CLEMENTS K.P. Hybrid Political Orders, Not Fragile States // Peace Review. – 2009. – Vol. 21. – No. 1. – P. 13-21.
- BOROV A.Kh. *Kabardino-Balkariya na vyborah 1990-kh: poisk stabil'nosti v nestabil'noy politicheskoy srede* [Kabardino-Balkaria in the elections of 1990s: searching stability amidst unstable political environment] // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2016. – No. 5 (73). – P. 155-170. (In Russian)
- BOROV A.Kh., DUMANOV Kh.M., KAZHAROV V.Kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problem* [The Modern Statehood of the Kabardin-Balkar Republic: origins, emergence, problems]. – Nal'chik: El'-Fa, 1999. – 183 p. (In Russian)
- CAROTHERS Th. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13. – No. 1. – P. 5-21.
- CASSANI A. Hybrid What? Partial Consensus and Persistent Divergences in the Analysis of Hybrid Regimes // International Political Science Review. – 2014. – Vol. 35. – No. 5. – P. 542-558.
- COLLIER P. Wars, Guns and Votes: Democracy in Dangerous Places. – New York: Harper Collins, 2009. – 260 p.
- DAHL R. On Democracy. – New-Haven: Yale University Press, 2000. – 272 p.
- DIAMOND L. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13. – No. 2. P. 21-35.
- DOWDING K. The Meaning and Use of "Political Stability" // European Journal of Political Research. – 1983. – No. 11. – P. 229-243.
- EKMAN J. Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes // International Political Science Review. – 2009. – Vol. 30. – No. 1. P. 7-31.
- ELKLITT J., SVENSSON P. What Makes Elections Free and Fair? // Journal of Democracy. – 1997. – Vol. 8. – No. 3. P. 32-46.
- ELWERT G. Intervention in Markets of Violence // Potentials of Disorder / Ed. by J. Koehler, K. Zürcher. – Manchester: Manchester University Press, 2003. – P. 219-242.
- GANDHI J. Political Institutions under Dictatorship. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 232 p.
- GANDHI J., LUST E. Elections under Authoritarianism // Annual Review of Political Science. – 2006. – Vol. 12. – No. 1. P. 403-422.
- GASIOROWSKI M. The Political Regimes Project // On Measuring Democracy: Its Consequences and Concomitants / Ed. Alex Inketes. – New Brunswick and London, 2006. – P. 105-122.
- https://books.google.de/books?id=uxO2QHFzIzC&pg=PA105&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (last accessed: 05.08.2018).
- GEDDES B. A Comparative Perspective on the Leninist Legacy in Eastern Europe // Comparative Political Studies. – 1995. – Vol. 28. – No. 2. – P. 239-274.
- GEL'MAN V.Y. «Podryvnyye» instituty i neformal'noye upravleniye v sovremennoy Rossii [Subversive Institutions and Informal Governance in Contemporary Russia] // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki). – 2010. – No.2 (57). – P. 6-24. (In Russian)
- GEL'MAN V.Y. *Evolyutsiya elektoral'noy politiki v Rossii: na puti k nedemokraticheskoy konsolidatsii?* [Evolution of Russian Electoral Politics: Towards Non-Democratic Consolidation?] // Politicheskaya nauka. – 2005. – No. 2. – P. 8-25. (In Russian)

GEL'MAN V.Y. *Institutsional'noye stroitel'stvo i neformal'nyye instituty v sovremennoy rossiyskoy politike* [Institution-building and Informal Institutions in Russian Politics] // Polis. Politicheskiye issledovaniya. – 2003. – No. 4. – P. 6-25. (In Russian)

GEL'MAN V.Y. *Vybory po-russki: pravila igry v rossiyskoy elektoral'noy politike* [Russian Elections: The Rules of Game in Russian Electoral Politics] // Rossiya i sovremennyy mir. – 2006. – No. 2 (56). – P. 54-67. (In Russian)

GELMAN V. Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation? // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. – 2002. – Vol. 10. – No. 3. – P. 343-361.

GIBSON E. Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Democratic Countries // World Politics. – 2005. – Vol. 58. – No. 1. – P. 101-132.

GOLOSOV G. Why and How Electoral Systems Matter in Autocracies // Australian Journal of Political Science. – 2016. – Vol. 51. – No. 3. – P. 367-385.

GOODHAND J., SEDRA M. Rethinking Liberal Peacebuilding, Statebuilding and Transition in Afghanistan: An Introduction // Central Asian Survey. – 2013. – Vol. 32. – No. 3. – P. 239-254.

HINNEBUSCH R. Towards a Historical Sociology of State Formation in the Middle East // Middle East Critique. – 2010. – Vol. 19. – No. 3. – P. 201-216.

KAZENIN K.I. «Tikhiye konflikty» na Severnom Kavkaze. Adygeya, Kabardino-Balkariya, Karachayevo-Cherkesiya [Silent Conflicts" in the North Caucasus: Adygea, Karachay-Cherkessia, Kabardino-Balkaria]. – M.: REGNUM, 2009. – 180 p. (In Russian)

KAZENIN K.I. *Kabardino-Balkarskaya respublika* [Kabardin-Balkar republic] // *Respubliki Severnogo Kavkaza: etnopoliticheskaya situatsiya i otnosheniya s federal'nym Tsentrom: Monografiya* [The North Caucasian Republics: Ethnopolitical situation and Federal-Province Relations] / Ed. by I.G. Kosikov. – M.: MAKS Press, 2012. – P. 183-212. (In Russian)

KOEHLER J., ZÜRCHER K. Institutions and the Organization of Stability and Violence // Potentials of Disorder / Ed. by Jan Koehler and Kristof Zürcher. – Manchester: Manchester University Press, 2003. – P. 243-266.

KOKORKHOYEVA D.S. *Politicheskaya institutsionalizatsiya organov gosudarstvennoy vlasti sub'yektov Rossiyskoy Federatsii (na materialakh respublik)* [Political Institutionalisation of Public Authorities in Constituent Entities of Russian Federation]. Abstract of the thesis for a Doctor of polit. sciences degree. – Krasnodar, 2012. – 47 p. (In Russian)

KYNEV A.V. *Vybory parlamentov rossiyskikh regionov 2003-2009 gg.: pervyy tsikl vnedreniya proporsional'noy izbiratel'noy sistemy* [The 2003-2009 Legislative Elections in Russian Regions: The First Round of Implementing the Proportional Representation System]. – M.: Tsentr «Panorama», 2009. – 516 p. (In Russian)

LAUTH H. Informal Institutions and Democracy // Democratization. – 2000. – Vol. 7. – No. 4. – P. 21-50.

LEVITSKY S., WAY L. Elections Without Democracy. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13. – No. 2. – P. 51-65.

LITVINOVA T.N. *Politicheskiye instituty na Severnom Kavkaze v kontekste razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Political Institutions in the North Caucasus in the Context of Development of Russian Statehood]. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 292 s. (In Russian)

MELVIL' A.Y. *O trayektoriyakh postkommunisticheskikh transformatsiy* [On Trajectories of Post-Communist Transformations] // Polis. Politicheskiye issledovaniya. – 2004. – No. 2. – P. 64-75. (In Russian)

MILLER S. Ethnic Conflict, Electoral Systems, and Power Sharing in Divided Societies. PhD diss. – Georgia State University, 2006. – Retrieved from https://scholarworks.gsu.edu/political_science_theses/7/ (last accessed: 05.08.2018).

NORTH D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – New-York: Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

NORTH D., WALLIS J., WEINGAST B. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. – New-York: Cambridge University Press, 2009. – 346 p.

OLSSON J. Subversion in Institutional Change and Stability: A Neglected Mechanism. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 120 p.

PANOV P. In Search of Inter-Ethnic Balance: Ethnic Composition and Informal Power-sharing in Russian National Republics // European Politics and Society. – 2016. – Vol. 17. – No. 3. – P. 353-372.

PANOV P., ROSS C. Patterns of Electoral Contestation in Russian Regional Assemblies: Between "Competitive" and "Hegemonic" Authoritarianism // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. – 2013. – Vol. 21. – No. 3. – P. 369-400.

PANOV P.V. *Izmeneniye elektoral'nykh institutov v Rossii. Krossregional'nyy sravnitel'nyy analiz* [Alteration of Electoral Institutions in Russia (Cross-Regional Analysis)] // Polis. Politicheskiye issledovaniya. – 2004. – No. 6. – P. 16-28. (In Russian)

PANOV P.V. *Regional'nyye politicheskiye protsessy v RF v «epokhu Putina»: unifikatsiya ili diversifikatsiya?* [Regional Political Processes in Russia of "Putin Era": Unification or Diversification?] // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. – 2006. – Vol. 2. – No.4. – P. 86-103. URL: <http://www.politex.info/content/view/300/2/> (date of access: 05.08.2018) (In Russian)

RIESE S., ROEHNER N., ZUERCHER C. External Strategies for Post-Conflict Democratization: Bosnia and Herzegovina, Kosovo, and Macedonia // Yearbook on the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). – 2010. – P. 265-283.

ROSS C. Federalism and Democratization in Russia. – Manchester: Manchester University Press, 2002. – 182 p.

SCHEDLER A. The Logic of Electoral Authoritarianism // Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / Ed. Andreas Schedler. – Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2006. – P. 1-26.

SCHEDLER A. The Nested Game of Democratization by Elections // International Political Science Review. – 2002. – Vol. 23 – No. 1. – P. 103-122.

SHCHERBAK A.N. «*Neftyanoye proklyatiye*» *politicheskogo razvitiya* [Resource Curse of Federal Development] // Oil, gas, modernization of society. – SPb.: Economic School, 2010. URL: sestitute.ru/Files/Oil-2p31-52.pdf (date of access: 07.07.2018). (In Russian)

SHKHAGAPSOYEV Z.L., TENGIZOVA Zh.A., URUMOV A.V., KHAMUKOV A.V. *Konstitutsionnaya reforma v Kabardino-Balkarskoy Respublike* [The Constitutional Reform in the Kabardino-Balkarian Republic]. – Nal'chik: Nal'chikskiy filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2011. – 407 p.

SHOROVA M.B. *Natsional'nyy vopros v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Kabardino-Balkarii (seredina 1980-kh – 1990-ye gg.)* [The National Issue in Socio-Political Life in Kabardino-Balkaria (mid 1980s – 1990s)]. The dissertation for the Candidate of historical sciences degree. – Nal'chik, 2010. – 206 p. (In Russian)

Silayev N.Y. O fragmentatsii gosudarstva, evolyutsii etnicheskikh dvizheniy i separatizme v Rossii [State Fragmentation, Ethnic Movements' Evolution, and Separatism in Russia] // Separatizm v politicheskoy zhizni sovremennoy Yevropy / pod red. P.Ye. Kandelya. – M.: In-t Yevropy RAN, 2015. – S. 23-42. (In Russian)

SNYDER J. From Voting to Violence. Democratisation and Nationalist Conflict. – New York: W.W. Norton, 2000. – 320 p.

STARODUBROVSKAYA I.V., KAZENIN K.I. *Severnyy Kavkaz i sovremennaya model' demokraticeskogo razvitiya. Ekspertnyy doklad* [The North Caucasus and the Contemporary Pattern of Democratic Development] // *Komitet grazhdanskikh initsiativ* [Civil Initiatives Committee]. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2774/> (date of access: 05.08.2018). (In Russian)

SVOLIK M. The Politics of Authoritarian Rule. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. – 258 p.

ТАКОВА А.Н. *K voprosu ob istokakh i dinamike politizatsii etnichnosti v Kabardino-Balkarii vo vtoroy polovine 80-kh gg. KHKH v. – nachale XXI v.* [The Origins and Dynamics of Politicizing Ethnicity in Kabardino-Balkaria in the late 1980s – the early 2000s] // *Istoricheskiy vestnik*. – 2010. – IX issue. – P. 91-108. (In Russian)

The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia / Ed. Vladimir Gel'man and Cameron Ross. *Post-Soviet Politics*. – Burlington, Vt.: Ashgate, 2010. – xviii, 229 p.

TUMOV A.A. *Izбирatel'nyy protsess v sovremennoy Kabardino-Balkarii: evolyutsiya politicheskikh usloviy, ustoychivost' politicheskikh rezul'tatov* [Electoral Process in Modern Kabardino-Balkaria: Evolution of Political Situation, Stability of Political Results] // *Kavkazologiya [Caucasology]*. – 2017. – No. 2. – P. 119-139. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-119-139> (In Russian)

WAY L. *Authoritarian Failure: How Does State Weakness Strengthen Electoral Competition* // *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition* / Ed. Andreas Schedler. – Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2006. – P. 167-180.

WHITE S. *Non-competitive Elections and National Politics: The USSR Supreme Soviet Elections of 1984* // *Electoral Studies*. – 1985. – Vol. 4. – No. 3. – P. 215-229.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.4.066

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-199-208

**ПУТИ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА
СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПОЗИТИВНЫЕ ПРАКТИКИ¹****С.Ю. ИВАНОВА**

*Южный научный центр Российской академии наук
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Чехова 41
E-mail: isu-socf@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется опыт по работе в сфере межнациональных отношений, накопленный органами власти и институтами гражданского общества в последние два десятилетия. Приводятся примеры эффективных мер и позитивных практик в процессе гармонизации межэтнических отношений. Автор характеризует в своей статье основные подходы и наработанный опыт в области построения межэтнического диалога и взаимодействия власти с представителями национально-культурных организаций и диаспор. Автор обращает внимание на необходимость профилактики экстремизма на этнической и религиозной основе в молодежной среде.

Ключевые слова: межэтнические отношения; Северный Кавказ; профилактика; межкультурный диалог; позитивные практики.

**WAYS OF HARMONIZATION OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE
NORTH CAUCASUS: POSITIVE PRACTICES****S.Yu. IVANOVA**

*Southern scientific center of Russian Academy of Sciences
344006, Rostov-on-Don, Chekhov str. 41
E-mail: isu-socf@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the experience in the sphere of interethnic relations, accumulated by the authorities and civil society institutions in the last two decades. Examples of effective measures and positive practices in the process of harmonization of inter-ethnic relations are given. The author characterizes in his article the main approaches and experience gained in the field of interethnic dialogue and interaction between the authorities and representatives of national and cultural organizations and diasporas. The author draws attention to the need to prevent extremism on an ethnic and religious basis among young people.

Key words: interethnic relations; North Caucasus; prevention; intercultural dialogue; positive practices.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № гос. рег. проекта АААА-А16-11602610051-6.

В современном мире высоко актуальной как в практическом, так и в теоретическом плане является проблема «интегрированного многообразия» – гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений, интеграции разных этнических групп, различных этнокультурных идентичностей в полиэтничное гражданское сообщество. При этом предполагается сохранение их уникальной культурной самобытности и сохранение внутренней целостности в интересах более глубокого вовлечения в единое культурное и гражданско-политическое пространство. В России в настоящее время межэтнические и межрелигиозные отношения реализуются в условиях модернизации общества, усиления вертикали власти и «присутствия» федерального центра в субъектах РФ. Одновременно происходит развитие институтов гражданского общества и обновление государственно-общественных отношений.

Сегодня на повестке дня перед российским обществом стоит серьезная задача. Это – сплочение российских народов, российских граждан на основе российских патриотических традиций и современных российских политических, социальных, правовых ценностей. В этом смысле упрочение российской гражданской идентичности – насущная необходимость дальнейшей демократической динамики в российском обществе, и, вместе с тем, – безальтернативный политический проект с выраженной историко-культурной, духовной, морально-нравственной составляющими. Поиск путей укрепления общенационального единства граждан, имеющих разную этническую историю, разные религиозные убеждения, характерные этнические и культурные традиции – проблемная область, имеющая международное звучание. Указанная проблематика выступает как высоко значимая и актуальная не только в поле идей европейского мультикультурного проекта, который переживает определенный кризис. Проблема упрочения народного единства важна также и в рамках внутригосударственного гражданского проекта, который играет важную роль для любой полиэтничной страны.

Для России на современном этапе эта проблема важна в той же степени как прежде она была актуальна и для многонациональной Российской империи по мере расширения территорий и присоединения народов, и для Советского Союза, в котором претворялась в жизнь доктрина пролетарского и социалистического интернационализма и советского народа как новой исторической и социальной общности.

Современное российское общество является наследником масштабной политической традиции объединения граждан, принадлежащих к разным этническим сообществам. Помимо политических и правовых основ у подобного единства существует и историческое основание: на протяжении веков происходила интеграция этнокультурных традиций народов и этнических групп России, формировались навыки и приемы совместного проживания, преодоления межэтнических противоречий и обмена культурными ценностями. Именно эта традиция, во многом, помогла сохранить единство, целостность и суверенитет России в 90-е гг. XX в. Эта социальная традиция ярко выражена на Северном Кавказе, в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО). В

качестве общих достояний всех народов, проживающих на Северном Кавказе, можно назвать российскую историю, российскую культуру и российскую государственность, русский язык и русскую культуру, при этом в качестве особого базиса выступает современное состояние региона, которое характеризуется нацеленностью на мир, стабильное развитие, благополучие, успех, сохранение историко-культурных ценностей. И, что важно, понимание и желание общего совместного будущего [Реализация гуманитарного... 2017].

Можно отметить множество проводимых в регионе мероприятий, которые нацелены на гармонизацию межнациональных отношений и поддержание диалога национальных культур. На первый план выступают усилия органов власти и местного самоуправления регионов РФ СКФО по оптимизации процесса национально-культурной самоорганизации этнических сообществ региона. В этой области были достигнуты бесспорные успехи, создана институциональная среда реализации этнокультурных интересов граждан и сообществ. На современном этапе в регионе достигнут ряд позитивных результатов: отсутствие сепаратистских настроений, рост патриотических настроений, стремление к стабильности, безопасности, законности, поддержка внешнеполитического курса Президента РФ, повышение уровня этнологической, этнополитической грамотности населения. Реализовываются профилактические меры по предупреждению национально-религиозного экстремизма и терроризма, при этом важен достигнутое равновесие между силовым управлением и управлением через традиционные историко-культурные механизмы. Сохраняется баланс интересов этнических сообществ и, в целом, межэтнические отношения находятся в стабильном и управляемом состоянии [Состояние межэтнических отношений... 2017а; Состояние межэтнических отношений... 2017b]. В первом полугодии 2018 г. по своим основным характеристикам ситуация в сфере межэтнических и конфессиональных отношений на Северном Кавказе не претерпела принципиальных изменений – она остается стабильной и управляемой. Отмечается снижение традиционного конфликтного потенциала, характерного для рассматриваемой сферы. Продолжает сохраняться тенденция, оформившаяся в предшествующий период, суть которой состоит в отсутствии публичных проявлений конфликтного противостояния в сфере межнациональных и конфессиональных отношений¹.

Тем не менее, Юг России и особенно, входящий в него, Северный Кавказ продолжают оставаться регионами, требующими особого внимания со стороны органов власти, несмотря на достигнутую в последние несколько лет стабилизацию социально-экономических отношений и некоторое улучшение имиджа макрорегиона в средствах массовой информации.

События на Западе (кризис отношений и конфликты в приграничной зоне на Украине), на Юго-Востоке (военные действия в Сирии), сложная повестка

¹ Программы. – Деятельность комитета // Сайт комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества - stavcomnat.ru. URL: <http://stavcomnat.ru/index.php/deyatelnost-komiteta/2016-01-18-13-03-33> (дата обращения: 07.05.2018.)

международных отношений России с западными странами несколько «отодвинули» кавказскую повестку на второй план в СМИ, в выступлениях политических деятелей. Но это не означает, что решены все проблемы в сфере экономики, в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Устойчивое развитие региона по-прежнему зависит от продуманных, научно обоснованных решений. У руководства Северо-Кавказского федерального округа, у Министерства РФ по делам Северного Кавказа, у ФАДН, у руководителей субъектов РФ СКФО есть осознание того, что межнациональный мир на Северном Кавказе – одна из приоритетных ценностей, необходима постоянная работа над его упрочением. У руководителей региона есть понимание существующих проблем. Главные из них являются «наследием» постсоветского периода.

Продолжают действие все факторы, определенные руководством страны в июне 2009 года, хотя изменилась их интенсивность и иерархия. Так, например, не достигла необходимых темпов и масштаба экономическая модернизация региона, являющаяся необходимой предпосылкой социально-политической и культурной модернизации.

Некоторая стабилизация социально-политической обстановки достигнута во многом за счет более эффективных действий «силовиков», а не за счет изменения экономических и социокультурных основ жизни. Сохраняется и даже усиливается раскол Юга России на традиционалистскую и модернизирующуюся (точнее, сохранившую модернизационные ориентиры) части. Социокультурный раскол Юга является одним из важнейших рискогенных факторов. По-прежнему, тормозит развитие макрорегиона неравномерное развитие субъектов РФ, входящих в его состав.

Возрастает влияние религии на жизнь общества. Как следствие, расширяется влияние нетрадиционных («новых») религиозных движений. Чрезмерный для современного общества рост религиозности способствует тому, что религиозная догматика используется для обоснования экстремистских идей вплоть до оправдания терроризма. Отсутствие концептуального документа в сфере государственно-конфессиональных отношений (например, Концепции государственно-конфессиональных отношений) приводит к тому, что органы государственной власти и местного самоуправления дезориентированы в этой сфере. Основные узлы противоречий все отчетливее концентрируются в конфессиональной сфере, а не в сфере межэтнических отношений, как это было ранее. Одной из главных угроз общественно-политической безопасности в регионе остается распространение в молодежной среде радикальной исламской идеологии – исламизма (различных версий политического ислама). Как правило, в его основе лежит социальный протест против «несправедливого» государства и «нечестивого» общества. Достиженные успехи в силовой борьбе с бандподпольем привело к тому, что приобщение к исламизму происходит все чаще в завуалированных формах. Это, однако, не меняет сущности данного явления, а также цели, на достижение которой мотивированы его адепты, – построение глобального Халифата. Именно поэтому вербовщикам легко удается убеждать молодых исламистов,

среди которых растет количество неофитов из числа славянского, греческого и армянского населения, отправиться на Ближний Восток для присоединения к «Исламскому государству» (террористической организации, запрещенной в РФ).

Проблемы северокавказского региона являются региональным воплощением общероссийских проблем, и их решение зависит от того, насколько успешно они будут решаться в масштабах всей страны. Но на Северном Кавказе за последнее десятилетие органами власти всех уровней совместно с институтами гражданского общества выработана эффективная система мер по профилактике, предотвращению межэтнических конфликтов и межконфессиональных противоречий, реализуются позитивные практики в социальной, политической и духовных сферах.

На Северном Кавказе организованы масштабные площадки для диалога власти и общества – Ставропольский форум Всемирного русского собора, Международный форум «Российский Кавказ», Международный Конгресс «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество», Всекавказский молодежный лагерь «Машук», Гражданский форум «Архыз – XXI», Форум СМИ и др. При тесном взаимодействии с органами власти и МСУ функционируют дома национальных культур, центры дружбы, советы мира и дружбы, межэтнические и межрелигиозные советы, а также множество интернациональных съездов и конгрессов отдельных народов.

В СКФО действуют неправительственные организации, национально-культурные общества. Органы государственной власти и местного самоуправления сотрудничают с общественными организациями, национально-культурными обществами и объединениями. Прежде эта область была слабо проработана органами власти и местного самоуправления, в настоящее время ситуация заметно изменилась. Организационным центром взаимодействия органов власти с этническими общественными организациями является, например, Совет при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений.

В Ставропольском крае вопросами национальной политики занят Комитет Ставропольского края по делам национальностей и казачества. Похожие структуры есть и на уровне всех муниципальных образований. Например, в г. Ставрополе – Комитет общественной безопасности администрации города Ставрополя. На краевом уровне создан совет при Губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений и совет атаманов казачьих обществ и общественных объединений казачества при Губернаторе Ставропольского края, а также Молодежный этнический Совет Ставропольского края. На уровне муниципальных районов и городских округов Ставропольского края сформировано 34 этнических совета, с помощью которых осуществляется диалог гражданского общества с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами исполнительной власти Ставропольского края, по оперативному реагированию на возникающие предпосылки к обострению межнациональной обстановки на территориях муниципальных образований Ставропольского края. В сельских

поселениях (хуторах, станицах, селах, аулах) созданы и работают 279 советов мира и дружбы, которые рассматривают все вопросы, волнующие жителей данных муниципальных образований Ставропольского края. Существуют этнические советы или подобные структуры на уровне отдельных организаций, например, информационно-библиотечный Центр межнационального общения «Диалог» или Студенческий этнический совет Северо-Кавказского федерального университета. [Участие органов государственной... 2016: 54-55]. В основе работы Правительства края в 2017 г. была программа «Межнациональные отношения, профилактика правонарушений, терроризма и поддержка казачества». В приоритетные задачи Программы вошли: создание условий для формирования общероссийской гражданской идентичности населения Ставропольского края вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности; предупреждение конфликтных ситуаций на почве межнациональных и межконфессиональных отношений в Ставропольском крае, предупреждение этнического и религиозного экстремизма в Ставропольском крае и минимизация его последствий; оказание содействия казачьим обществам, внесенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, осуществляющих свою деятельность в Ставропольском крае, в привлечении членов казачьих обществ к несению государственной или иной службы¹ в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Ставропольского края.

В крае удалось создать условия для позитивного диалога между религиозными организациями традиционных конфессий, действующими на территории Ставропольского края, – Религиозной организацией «Ставропольская и Невинномысская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», Религиозной организацией «Пятигорская и Черкесская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», Централизованной религиозной организацией «Духовное Управление мусульман Ставропольского края», местной религиозной организацией ортодоксального иудаизма «Еврейская община Ставропольского края» и местными религиозными организациями Армянской Апостольской Церкви. Руководители централизованных религиозных организаций, представляющих православие, ислам, иудаизм, включены в состав координационно-совещательных органов, действующих при Губернаторе Ставропольского края, и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Ведется активная работа с молодежью. Созданы Молодежный этнический Совет при Губернаторе и при администрации города Ставрополя. Реализация

¹ Годовой отчет о ходе реализации государственной программы Ставропольского края «Межнациональные отношения, профилактика правонарушений, терроризма и поддержка казачества» за 2017 год // Сайт комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества - stavcomnat.ru. URL: <http://stavcomnat.ru/index.php/2010-06-17-18-31-32/1408-godovoj-otchet-o-khode-realizatsii-gosudarstvennoj-programmy-stavropolskogo-kraya-mezhnatsionalnye-otnosheniya-profilaktika-pravonarushenij-terrorizma-i-podderzhka-kazachestva-za-2017-god> (дата обращения: 07.05.2018).

мер по осуществлению национальной политики в крае основывается на ставшем уже традиционным диалоге власти и науки. Например, ежегодно (с 2012 г.) проводится мониторинг межнациональных и этноконфессиональных отношений в регионе (опрос населения края), а также мониторинг освещения конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в печатных и электронных СМИ. Результаты данной работы представляются на заседаниях этнического совета при Губернаторе и позволяют давать прогноз относительно тенденций изменений в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений в регионе. Тем самым, в Ставропольском крае удалось сделать шаг в построении проактивной политики в предупреждении межэтнических конфликтов и профилактике экстремизма.

Интересен опыт по гармонизации межэтнических отношений, имеющийся в Республике Дагестан. С 1990 г. действует Министерство по национальной политике Республики Дагестан (РД). Комплексная программа решения проблем национальных отношений в РД была разработана в 1993 году, на три года раньше, чем федеральная Концепция государственной национальной политики РФ 1996 года. Важным направлением работы органов власти РД является взаимодействие с Региональным центром этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН по проведению ежегодных исследований состояния межэтнических отношений и конфессиональной ситуации в полиэтничных территориях РД с целью определения степени конфликтности и выработке рекомендаций органам государственной власти. В республике созданы государственные бюджетные учреждения «Дом Дружбы», «Республиканский центр русского языка и культуры» и «Республиканский казачий центр в г. Кизляре». В республике разработана и выполнена государственная программа Республики Дагестан «Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в Республике Дагестан на 2015-2017 годы»¹.

Задача снижения оттока и возвращения русского населения в Дагестан, отмечена в Программе как одна из стратегических в деле стабилизации этнополитической обстановки в регионе. В Кизлярском районе РД на начало 2016 года в рамках реализации подпрограммы по поддержке возвращающегося и проживающего русского населения зарегистрировано 25 семей, изъявивших желание переехать в республику. 93 граждан Украины получили приют и финансовую помощь от администрации Кизлярского района. В Кизлярском районе работает комиссия по проблемам русскоязычного населения. Аналогичные комиссии и отделы по защите интересов русского населения функционируют и в других муниципалитетах республики (Махачкала, Дербент, Буйнакск, Кизляр, Каспийск, Хасавюрт, Избербаш, Бабаюртовский район,

¹ Постановление правительства Республики Дагестан от 30 апреля 2015 № 129 «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан "Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" в Республике Дагестан на 2015-2017 годы» // Портал ГАРАНТ.РУ – Garant.ru. URL: <http://base.garant.ru/26521016/> (дата обращения: 01.05.2018).

Кизилюртовский район). Много усилий прилагается и к решению вопроса поддержки казачества. На территории Республики Дагестан функционирует Кизлярский особый приграничный округ Терского казачьего войска, состоящий из 22 казачьих обществ. При Правительстве Республики Дагестан создана рабочая группа РД по делам казачества, вошедшая в состав Комиссии Северо-Кавказского федерального округа по делам казачества при Совете Президента Российской Федерации по делам казачества. [Участие органов государственной... 2016: 107, 108]. В республике зарегистрировано 3 региональных (аварская, еврейская, ногайская) и 15 местных НКА народов Дагестана (3 аварские, 3 лакские, 2 еврейские, 2 ногайские, 1 азербайджанская, 1 лезгинская, а также местные НКА бесписьменных народов «бежтинцы», «генухцы», «дидойцы»). Наиболее активными в общественно-политическом плане являются НКО лезгин, кумыков, чеченцев-аккинцев, аварцев, лакцев, ногайцев.

В целях укрепления взаимодействия с органами местного самоуправления Министерство по делам национальностей Республики Дагестан ежегодно организует специализированные курсы повышения квалификации «Межнациональные процессы в Дагестане: проблемы и перспективы» для муниципальных служащих. Во всех многонациональных муниципалитетах республики приняты и реализуются муниципальные программы и планы, направленные на укрепление межнационального мира и согласия на местах. Определены заместители глав муниципальных образований, на которых возложены вопросы курирования межнациональных отношений.

Среди религиозных организаций, действующих на территории республики, наиболее влиятельным является Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД). ДУМД взаимодействует почти со всеми мусульманскими организациями и общинами республики, издает журнал «Ислам», газету «Ас-Салам» (на 8 языках народов Дагестана), сайт www.islamdag.ru. В республике к началу 2016 года насчитывается 2536 религиозных организаций, из них исламских – 2481, христианских – 50, иудейских – 5. Исламское образование представлено 5 вузами и 15 медресе [Участие органов государственной... 2016: 116].

Много делается в области гармонизации межнациональных отношений не только в полиэтничных субъектах РФ СКФО, но и в Республике Ингушетия и в Чеченской Республике, являющимися моноэтничными субъектами. Реализация национальной политики в Ингушетии невозможна без учета особенностей и специфики региона – ее моноэтничности, соответственно первостепенными выступают вопросы не межэтнического характера, а скорее внешние, направленные на формирование стабильных гармоничных отношений с соседними регионами. Государственная программа республики по укреплению межнациональных отношений и развитию национальной политики включает подпрограммы духовно-нравственного воспитания населения, укрепления единства народов и гармонизации межнациональных отношений, а также возвращения и обустройства русскоязычного населения, профилактики

терроризма и правонарушений [Участие органов государственной... 2016: 120-121].

В 50 регионах России созданы постоянные Представительства Республики Ингушетия. В целях обеспечения политического, социально-экономического и культурного единства народа, укрепления межконфессионального мира и межнационального согласия в регионе, сохранения стабильности, воспитания чувства патриотизма и толерантности в республике действовала программа «О поддержке соотечественников, проживающих за рубежом на 2009-2015г.». В ходе этой программы осуществлялись выезды официальных делегаций, оказывается необходимая помощь соотечественникам, проживающим за рубежом. Особое внимание власть уделяет программам, которые должны обеспечить связи с представителями ингушского народа, оказавшимися по разным причинам в других регионах, государствах, а также с национальными группами, проживающими в РИ. С 2014 г. действует Совет по межнациональным отношениям при главе Республики Ингушетии. К началу 2016 года в Ингушетии действовали 14 национально-культурных организаций, которые объединены в Ассамблею народов Ингушетии, а население республики состоит из представителей 70 национальностей, но их численность остается низкой. В республике существует двенадцать центров национальных диаспор, представляющих: Азербайджанская «Бакы», Дагестанская «Дагестан», Грузинская «Иберия», Осетинская «Алания», Русская «Русь», Татарская «Акбарс», Турко-месхетинская «Ахисха», Чеченская «Нохчо», Казахская «Мой Казахстан», Украинская «Червоно-Руто», Армянская «Аястан», Немецкая «Дойче», Узбекская «Бабатак», Таджикская НКО. В 2016 г. главой Ингушетии подписан указ о создании управления по делам религии при главе Республики Ингушетия. Большим влиянием обладают Совет тейпов и Примирительная комиссия. Совет тейпов также планировался в качестве совещательного органа, работа которого была направлена на решение вопросов, связанных с кровной местью, столкновением представителей крупных родов.

Таким образом, во всех субъектах РФ в составе Северо-Кавказского федерального округа реализация национальной политики является приоритетной задачей власти и институтов гражданского общества, проводится множество мероприятий, направленных на гармонизацию межнациональных отношений и поддержание диалога национальных культур [Участие органов государственной... 2016: 10-11]. Общие усилия органов власти и МСУ и институтов гражданского общества Северного Кавказа нацелены на формирование и трансляцию нового имиджа региона как привлекательной, уникальной природно-климатической и историко-культурной территории России. Данный образ региона необходим для повышения его инвестиционной привлекательности и, следовательно, модернизации экономики, роста числа рабочих мест, повышения уровня благосостояния населения, улучшения его социального самочувствия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Реализация гуманитарного... 2017 – *Реализация гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и ВУЗах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад. Научное издание / Научный конс. В.А. Тишков, отв. ред. М.А. Аствацатурова. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – 108 с.*

Состояние межэтнических отношений... 2017а – *Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа: экспертный доклад (Первое полугодие 2017 года) / Научн. ред. Б.В. Аксюмов. – Ставрополь: СКФУ, 2017. – 163 с.*

Состояние межэтнических отношений... 2017б – *Состояние межэтнических отношений и этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. Второе полугодие и итоги 2017 года / Научн. конс. В.А.Тишков, отв. ред. М.А. Аствацатурова. Экспертный доклад. Научное издание. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – 185 с.*

Участие органов государственной... 2016 – *Участие органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной, языковой, миграционной политики в СКФО. Экспертный доклад. Монографическое издание. – Пятигорск: ПГУ, 2016. – 253 с.*

REFERENCES

Realizatsiya gumanitarnogo predmetno-distsiplinarnogo tsikla v shkolakh i VUZakh v aspekte formirovaniya rossiiskoi identichnosti, vospitaniya grazhdanskoi otvetstvennosti i solidarnosti v regionakh Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. Ekspertnyi doklad. Nauchnoe izdanie [Implementation of the humanitarian disciplinary cycle in schools and universities in the aspect of the formation of Russian identity, education of civil responsibility and solidarity in the regions of the North Caucasus Federal District. Expert report. Scientific publication] / Scientific consultant V.A. Tishkov, Ed. by M.A. Astvatsaturova. – Pyatigorsk: PGU, 2017. – 108 p. (In Russian)

Sostoyanie mezhetnicheskikh otnoshenii i religioznaya situatsiya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga: ekspertnyi doklad (Pervoe polugodie 2017 goda) [The state of inter-ethnic relations and the religious situation in the subjects of the Russian Federation of the North Caucasus Federal District: expert report (first half of 2017)] / Scientific consultant B.V. Aksyumov. – Stavropol': SKFU, 2017. – 163 p. (In Russian)

Sostoyanie mezhetnicheskikh otnoshenii i etnokonfessional'naya situatsiya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. Vtoroe polugodie i itogi 2017 goda [The state of inter-ethnic relations and the religious situation in the subjects of the Russian Federation of the North Caucasus Federal District: expert report. The second half of the year and the results of 2017] / Scientific consultant V.A.Tishkov, Ed. by M.A. Astvatsaturova. Ekspertnyi doklad. Nauchnoe izdanie. – Pyatigorsk: PGU, 2017. – 185 p. (In Russian)

Uchastie organov gosudarstvennoi vlasti, munitsipal'nykh obrazovaniy i institutov grazhdanskogo obshchestva v realizatsii gosudarstvennoi natsional'noi, yazykovo, migratsionnoi politiki v SKFO. Ekspertnyi doklad. Monograficheskoe izdanie [The participation of public authorities, municipalities and civil society institutions in the implementation of the state national, language, migration policy in the North Caucasus Federal District. Expert report. Monographic edition]. – Pyatigorsk: PGU, 2016. – 253 p. (In Russian)

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)(035.3)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-209-223

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ
ИНКОРПОРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВУЮ
СИСТЕМУ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА¹****А.Х. АБАЗОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»,
сектор средневековой и новой истории
360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: alex_abazov@list.ru*

Аннотация. В работе представлен анализ коллективной монографии под редакцией доктора исторических наук В.В. Трепавлова «Этнические элиты в национальной политике России» (М.; СПб., 2018), подготовленную в институте Российской истории Российской академии наук. Разделы работы (Чингисиды в Московском государстве; Элиты Северного Кавказа: владетели и правители; Этнические элиты Закавказья в имперской политике России; Политическая элита Малороссии; Молдавская элита России; Остзейцы под эгидой Романовых; Этнические элиты в союзных республиках СССР) объединены общим объектом исследования. Это представители «нерусских» народов, занимавшие высшие места в социальной структуре своих регионов и участвовали в управлении ими в дореволюционный период, а также – включаемые в состав верховных государственных органов власти в советское время. В рецензируемой работе показано, что национальная политика дореволюционной России и СССР в большинстве национальных окраин характеризовалась преемственностью форм и методов привлечения местных элит. В качестве основных каналов социальной мобильности в условиях включения в политико-правовое пространство полиэтничного государства для них служили: установление российских административных и судебных органов на присоединяемых территориях и служба в них представителей местных привилегированных сословий, а также – нормативное регулирование властями их социально-правового статуса. В полном объеме эти формы и методы инкорпорации региональных этнических элит в систему власти российского государства реализовались в советский период.

Ключевые слова: элитология; этнические элиты; национальная политика; многонациональное государство; социальный статус; Российская империя; СССР

¹ Этнические элиты в национальной политике России [Текст] / отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 477, [3] с. ISBN 978-5-5-98712-781-0

FUNDAMENTAL WORK ON THE HISTORICAL EXPERIENCE OF INCORPORATION OF NON-RUSSIAN ELITES INTO THE POLITICAL AND LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN STATE¹

A.H. ABAZOV

The institute of humanitarian researches – filial of Federal public budgetary scientific institution "Federal scientific center "Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", the sector of a medieval and modern history 360000, Kabardin-Balkar Republic, Nalchik, Pushkin St. 18 E-mail: alex_abazov@list.ru

Abstract. This publication presents the review of the collective monograph under editorship of the doctor of historical sciences V.V. Trepavlov "Ethnic elites in the national policies of Russia" (M., SPb., 2018) prepared at the institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. The book consists of seven chapters: Genghis Khan descendants in the Moscow state; Elites of the North Caucasus: lords and rulers; Ethnic elites of Transcaucasia in imperial policy of Russia; Political elite of Little Russia; Moldavian elite of Russia; Baltics under the auspices of Romanovs; Ethnic elites in the union republics of the USSR. The general object of a research unites them, which are the representatives of the "non-Russian" peoples that were holding the highest places in social structure of respective regions and participating in the government of them during the pre-revolutionary period or were included in the structure of the highest public authorities in the Soviet period. It is revealed in the work under review that the national policies of pre-revolutionary and soviet Russia in the majority of state's national fringes were characterized by continuity of forms and methods of attracting local elites. In the course of inclusion of the region into the political and legal space of the multiethnic state the Russian administrative and judicial authorities were established in its territory and the representatives of local ruling estates were lent the opportunity to hold office in them. Legal regulation of ethnic elites' social status within the new social and political milieu served as another standard mechanism of their social mobility. An array of forms and methods of incorporating regional ethnic elites into the Russian state's power system were realized in full scale in the soviet period.

Key words: elite studies; ethnic elite; national policy; multinational state; social status; Russian empire; USSR.

Рецензируемая работа продолжает серию фундаментальных исследований по истории Российского многонационального государства, общества, цивилизации, подготовленных в Центре истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, подготовленных под руководством В.В. Трепавлова [Национальные окраины 1998; Российская многонациональная 2003; Образы регионов 2011]. В то же время она демонстрирует знаменательный поворот к большей междисциплинарности, поскольку выводит читателя к общим вопросам изучения элит. В настоящее время наблюдается повышение научного и

¹ Etnicheskie elity v natsional'noi politike Rossii [Ethnic elites in the national policies of Russia] / otv. red. V.V. Trepavlov; In-t ros. istorii Ros. akad. nauk . – M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. – 477, [3] s.

общественного интереса к элитологии, как науке об элитном слое в системе социально-политической стратификации населения страны, региона и т.п. Это связано не только с важностью повышения качества управленческой деятельности в политической системе общества как таковой, но и с тем, что при различных политических режимах судьбы миллионов людей (большинства) во многом зависят от решений, принимаемых правящим (элитарным) меньшинством. Такой подход позволяет определить предмет элитологии, как науки. Среди основных вопросов, которые характеризуют ее предмет, следующие: является ли привилегия элитарного меньшинства в принятии политических решений объективной закономерностью социального развития? Как формируются элиты? Как они приходят к власти? Как впоследствии регрессируют и уходят с исторической сцены? Каковы механизмы трансформации и смены элит?

Рассматриваемая монография вносит значительный вклад в решение основных проблем элитологии на конкретном историческом материале. Она состоит из введения, семи глав, заключения, приложения, указателя имен и указателя географических названий. Коллектив авторов составили: к.и.н. А.В. Беляков (Глава 1. Чингисиды в Московском государстве), к.и.н. Л.С. Гатагова (Глава 2. Элиты Северного Кавказа: владетели и правители), к.и.н. Дж.Я. Рахаев (Глава 3. Этнические элиты Закавказья в имперской политике России), к.и.н. А.В. Марчуков (Глава 4. Политическая элита Малороссии), д.и.н. В.Я. Гросул (Глава 5. Молдавская элита России), д.и.н. Э.В. Федосова (Глава 6. Остзейцы под эгидой Романовых), к.и.н. К.С. Дроздов, д.и.н. Д.А. Аманжолова, д.и.н. В.В. Трепавлов (Глава 7. Этнические элиты в союзных республиках СССР).

Объектом исследования выступают представители «нерусских народов, которые, во-первых, занимали высшие места в социальной иерархии своих этнических регионов и участвовали в управлении ими; во-вторых, рекрутировались в состав верховных государственных административных инстанций и генералитета» (С. 9). Данный объект в монографии рассматривается в широкой хронологии (привлечены материалы с XV по конец XX в.) в границах различных регионов (Поволжье, Северный и Южный Кавказ, Восточная Европа), которые на определенных этапах исторического процесса становились национальными окраинами Российской империи или СССР.

Во введении дано определение понятия «элитология», обозначены подходы к пониманию механизмов формирования элитного слоя, выявлены основные маркеры политической элиты, как функционально объединенной группы лиц и институтов. Для достижения цели исследования авторам глав монографии было предложено: «1) описать состав и статус правящих слоев до присоединения соответствующих регионов к России; 2) проследить процесс этого присоединения и роль в нем местных элит; 3) обозначить государственные законодательные акты (если они были) относительно этого слоя подданных и его юридическое оформление; 4) определить ритуально-символическое иллюстрирование статуса этнических элит (титулы, должности, почетные звания, награды и т.п.); 5) изучить участие местных элит в

региональном управлении; 6) выяснить отношения новых элит с высшей государственной властью, установить степень их зависимости от правительственного Центра и характер взаимосвязей с ним, определить структуру и степень интегрированности элит; 7) выявить источники, критерии и механизмы их рекрутирования (пополнения); 8) проиллюстрировать свои наблюдения очерками о некоторых ярких деятелях в составе высшей государственной и военной элиты России (в Приложении)» (С. 12). Основной задачей исследования является выявление особенностей адаптации новых политических образований к российской действительности, которая сопровождалась включением этнических элит в общий корпус российской элиты, в том числе в ее высший слой – дворянство.

Первая глава монографии посвящена чингисидам в Московском государстве XV–XVII вв. В главе рассматриваются такие аспекты проблемы как «выезды» чингисидов; случаи их крещения; браки служилых чингисидов в России; придворные службы, которые они несли; материальное содержание и статус чингисидов в России.

Автор дифференцировал чингисидов по происхождению и географическому признаку на ордынских, казанских, астраханских, Гиреев (крымских), сибирских шибанидов (в том числе Кучумовичей), хивинских (ургенчских) и казахских. В рамках исследуемого периода он выделил 2 этапа трансформации статуса чингисидов в России – до и после падения Большой Орды. На втором этапе в великом князе (царе) виделся уже не данник, а «жалостливый государь» или влиятельный посредник, который «может навести порядок в деле престолонаследия и распределения мест кочевков» (С. 55). Анализируя институт выездов чингисидов в Россию, автор выделяет, в качестве основных каналов их социальной мобильности в новых политико-правовых реалиях, смену некоторыми из них религиозной идентичности, межэтнические браки, придворную службу и материальное содержание за счет российской казны.

Автор рассматривает принятие другой веры в качестве одного из значимых социальных лифтов в первой половине XVI в. Вместе с тем, им установлено, что значительная группа чингисидов в России сохраняла ислам (С. 34) и на рубеже XVI–XVII вв. не произошло окончательного разделения крещенных и некрещенных чингисидов (которые по-прежнему являлись составной частью некой обособленной группы, где главным мерилom было их происхождение). Также несмотря на то, что некоторые чингисиды, благодаря заключению брачных союзов, становились даже «претендентами на российский престол» (Петр Ибрагимович, Симеон Бекбулатович), брак – по оценке автора главы – вряд ли может рассматриваться как канал коллективной социальной мобильности.

Другим не менее важным маркером социально-политического статуса чингисидов и гарантией их безопасности в России являлись своеобразные «приглашения» великого князя («крепкие» или «крепостные» грамоты, которые в начале XVI в. заменялись «опасными» грамотами). Со временем эти документы пополнялись целым рядом новых позиций: указывали на

конкретную форму материального содержания адресата, включали перечни лиц, которые вправе выехать в страну вместе с приглашаемым, в некоторых случаях устанавливали запреты на самостоятельную внешнеполитическую деятельность и т.п. Полагаем, что с учетом уровня развития нормативно-правовой системы российского государства в то время, эти грамоты вполне могут восприниматься в качестве механизма документального оформления социально-политического статуса чингисида в России.

К середине XVI в. все это привело к постепенному складыванию внутренней иерархии служилых чингисидов в России. Основными атрибутами, определявшими их статус в этой иерархии, были:

- наличие или отсутствие ханского/царского титула, старшинства в роде;
- территория, с которой чингисид получал доход;
- наличие и размеры военного отряда;
- назначение воеводами полков действующей армии и т.п.

Автор главы обращает особое внимание на то, что «во второй половине XVI в. статус служилых Чингисидов приблизительно сравнился со статусом знатных выходцев из Западной Европы» (С. 56). Но в это время их еще нельзя полностью отождествлять с русскими служилыми князьями конца XVI в. Окончательное же завершение инкорпорации чингисидов в структуру российского дворянства произошло в 1718 г. после замены титула «царевич» на титул «князь».

Таким образом, основным критерием, подтверждающим привилегированный статус чингисидов в структуре российского нобилитета, являлось именно их знатное происхождение. Сам же статус во многом базировался на актах инициации и путем закрепления их статуса в нормативно-правовых документах.

Вторая глава «Элиты Северного Кавказа: владельцы и правители» подготовлена Л.С. Гатаговой. В качестве основных разделов главы она выделяет «Высшие сословия в социальном пространстве региона», «От покровительства к имперскому партенализму», «Попытки институционализации сословий кавказской знати», «Традиционная знать в ритуально-символической практике государства», «Лучшие фамилии в местных институтах власти», «Верховная власть и кавказские нобили: точки сближения и факторы разногласий», «На службе Империи».

Значительную часть главы автор отводит для рассмотрения основных ресурсов власти в традиционных северокавказских обществах до начала российского влияния. В их числе она выделяет: *доход* (богатство, прежде всего распоряжение земельными угодьями как основным фактором производства в традиционном обществе и значительное количество скота), *власть* (инструменты управления, в том числе: суд, руководство военными подразделениями во время походов, выполнение культовых действий) и *престиж* (моральный авторитет). В числе основных маркеров социально-политического статуса местной элиты в книге рассмотрены: численность подвластного населения, отношения собственности (прежде всего, на землю, как основной фактор производства в традиционном аграрном обществе),

историческая память («набор легенд, легитимирующих их претензии на социальное лидерство», подчеркивающих древность происхождения и привилегированность рода).

Начало установления дипломатических связей представителей северокавказской этнической элиты с Москвой автор относит к 1552 г. (посольство западноадыгских князей в Москву). Характеризуя заключение «шертных союзов» и принятие присяг на верноподданство в исторической ретроспективе, автор отмечает «зыбкость» представлений обеих сторон о подданстве, покровительстве, сюзеренитете и т.п.

В этой части исследования подробно охарактеризован социально-политический статус северокавказской этнической элиты в структуре российского государства (прежде всего князей Черкасских – Дмитрия Мамстрюковича, Якова Куденетовича, Ивана Борисовича и др.). По отношению же к традиционной кавказской знати в качестве основных направлений ритуально-символической практики государства автор главы изучил тактику «щедрых» и «символических» наград, материальных подношений, начисление регулярного жалования и т.п. Однако следует учитывать, что это относилось лишь к пророссийски ориентированной части регионального нобилитета, и было исключено в отношении представителей контрэлиты.

Интеграция северокавказской элиты в российское политико-правовое пространство в последней трети XVIII – первых десятилетиях XIX в. рассматривается на фоне отношений России, Турции и Ирана и их геополитических интересов в отношении Кавказа (Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., Гюлистанский мирный договор 1813 г., Адрианопольский мирный договор 1829 г. и т.п.). При этом, характеризуя участие местных элит в региональном управлении, Л.С. Гатагова связывает ее начало с прибытием на Кавказ А.П. Ермолова, все действия которого, «направленные на создание приемлемой для региона системы управления, свидетельствовали о том, что ставка делается на привилегированные слои кавказского населения» (С. 93). Кроме того, она отмечает, что «Ермолов одним из первых начал привлекать представителей мусульманского духовенства к сотрудничеству в создаваемых им институтах» (С. 93). Вероятно, здесь имеется в виду создание судов (в частности, Кабардино-Венгского временного суда), в составе которых предусматривались должности муллы для ведения делопроизводства и разбора духовных дел. Здесь можно уточнить, что такая практика сложилась еще в конце XVIII в. при И.В. Гудовиче, когда были учреждены Верхний пограничный суд в Моздоке и родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде, и представители мусульманского духовенства служили в этих судах на судейских и делопроизводственных должностях.

Автор главы справедливо считает, что после Кавказской войны (1864) так и не состоялась институционализация сословий северокавказского нобилитета на основе принятия императорских указов об их внесении в родословные книги российского дворянства, как это было на других российских окраинах в то время. Несмотря на масштабную деятельность сословно-поземельных комиссий

на Центральном и Северо-Западном Кавказе во второй половине 40-х – 80-х гг. XIX в., сословный вопрос здесь остался нерешенным вплоть до 1917 г.

В целом, автору главы удалось проиллюстрировать основные тенденции трансформации социально-политического статуса традиционного северокавказского нобилитета под влиянием социально-экономических и политических факторов в XVI – начале XX в. Характерно, что находившиеся на российской службе уроженцы северокавказского региона и их потомки обладали всеми привилегиями российского дворянства и занимали высшие должности в военных и гражданских структурах. Но основные массы пророссийски ориентированной социальной прослойки местного населения, вовлеченной в интеграционные процессы последней трети XVIII – первой половины XIX в., нормативной институционализации в системе российского дворянства не удосужились. Основной формой закрепления их статуса стала ритуально-символическая атрибутика (должности в системе регионального управления, жалованье от государства, военные чины, награды и т.п.).

В третьей главе рассматривается роль этнических элит Южного Кавказа в имперской политике России. Глава состоит из следующих разделов: «Этнические элиты Западного Закавказья в восточной политике России в первой половине XIX в.» (Картли-Кахетинское и Имеретинское царства, Гурийское, Мегрельское и Абхазское княжества), «Этнические элиты Восточного Закавказья в восточной политике России в первой половине XIX в.» (Гянджинское, Карабахское, Бакинское, Кубинско-Дербентское, Ширванское и Талышское ханства).

Автор главы подробно характеризует состав и структуру правящих слоев Картли-Кахетинского царства, институт престолонаследия в конце XVIII в., ключевые вехи истории включения Грузии в состав России в начале XIX в. основные векторы интеграции представителей грузинских привилегированных сословий в административно-политическую систему России в первой половине XIX в. В том же ключе характеризуются аналогичные процессы в Имеретинском царстве, Гурийском, Мегрельском и Абхазском княжествах. Справедливым представляется вывод автора о том, что «грузинские элиты, став неотъемлемой частью российского имперского проекта первой половины XIX в., сумели вырваться из исторического тупика конца XVIII в., преодолеть замкнутость средневековых политий и, в конечном счете, перейти к формированию качественно иной идентичности – национальной» (С. 135).

При этом, генеральная линия коллективной монографии в главе выдерживается через характеристику механизмов учреждения российских судебных и административных органов в различных областях южнокавказского региона и «встраивания» в эту модель представителей привилегированных сословий местного населения. Таким образом, в качестве основных путей включения южнокавказской знати в политико-правовое пространство Российской империи в третьей главе коллективной монографии выступают: 1) привлечение местной элиты на гражданскую и военную службу империи, 2) наделение детей из знатных семей правом поступления в российские престижные для того времени военные учебные заведения, 3) принятие Россией

нормативных актов, регламентировавших признание равенства местного нобилитета с княжеским или дворянским сословием России и т.п.

Четвертая глава монографии посвящена политической элите Малороссии. В ее состав вошли следующие разделы: «Политическая элита региона до присоединения к России», «Присоединение к России», «Старшина: структура, состав, настроения», «XVIII в.: диалог элит и судьбы автономии», «Малороссийское дворянство: статус, облик, служение (конец XVIII – начало XX в.)». Определяя типологическое сходство российской и малороссийской элит, автор главы выявляет ряд существенных экзогенных факторов формирования последней: реформация в западной Европе и контрреформация, межконфессиональные войны, влияние польско-литовского католического государства, польских социальных институтов, культурных норм и образцов поведения.

Описывая историко-политическую ситуацию, на фоне которой происходило включение малороссийской элиты в политико-правовое пространство России, автор подробно рассматривает историю взаимоотношений между Московским царством и Польшей по поводу определения статуса гетманства, характеризует механизмы смены власти после смерти Б. Хмельницкого в 1657 г., последствия Гадячского трактата 16 сентября 1658 г., управленческий курс нового гетмана и т.п. В качестве одного из важных последствий заключения этого трактата в монографии расценивается установление круга обязанностей воевод после перехода к Москве части территории гетманства. Так, должность гетмана стала выборной, и Москва предложила вносить уточнения в процедуру его выборов. Так же в этой части монографии подробно рассмотрена деятельность московского правительства по сохранению части прав за казачьим нобилитетом и его роль в новой административно-судебной системе региона.

Далее статус региональной элиты рассматривается в исторической ретроспективе под влиянием ряда факторов: стабилизация политической ситуации в гетманстве в 70-е гг. XVII в., ее состояние в 80–90-е гг. XVII в., политика гетмана Мазепы в условиях интеграции гетманства в состав России, раскол гетманской элиты в условиях Северной войны в первой четверти XVIII в. и т.п. Другими важными факторами трансформации статуса гетманской элиты в XVIII в. были: осознание российскими властями необходимости ограничения автономии гетманства и передача власти в крае российской администрации; противостояние «сторонников» и «оппонентов» автономии вплоть до упразднения института гетманства 10 ноября 1764 г.; стремление гетманской элиты к распространению на них «Табели о рангах» (1722) и формирование альтернативной иерархии внутри гетманства и т.п. Тем не менее, одним из основных социальных лифтов для этой части населения по-прежнему оставалась военная служба казачества в российской армии.

Другими каналами социальной мобильности для гетманской старшины на пути к нобилитации (подтверждения монархами их принадлежности к благородному сословию или предоставление такого правового статуса) через получение жалованных грамот Московского государя на дворянство (в 1665 г.

боярский чин получил гетман И. Брюховецкий, в 1667 г. грамоту на дворянство – полковник Я. Лизогуб и т.п.). Однако, как справедливо утверждает автор главы, нобилитированный практически не имел возможности воспользоваться своим вновь приобретенным статусом внутри гетманства. Такая возможность появлялась лишь после их выездов в центральные части Московского государства.

Следующий этап интеграции правящих кругов гетманства в российское привилегированное сословие и политическую элиту соотносится с реформами 70-х – 80-х гг. XVIII в. В их числе: административная реформа 1775 г. (введение в действие «Учреждения о губерниях»), реформирование казачьей военной службы в 1783 г. и т.п. Окончательно же инкорпорацию гетманства в состав России, а ее региональной элиты – в элиту российскую автор связывает с деятельностью Павла I и Александра I. Как показывают материалы главы, в это время появились новые каналы социальной мобильности – перемещение региональной элиты в столицы, покровительство или родство с российскими влиятельными высокопоставленными сановниками и т.п.

Как и на других национальных окраинах Российской империи того времени, основным механизмом признания социально-политических привилегий гетманской старшины в политико-правовой системе России было закрепление их статуса в монарших манифестах, грамотах и указах. Однако, материалы этой части монографии показывают, что такой механизм нобилитации имел и обратный эффект в форме «дворянской лихорадки» (которая выражалась в фальсификации или фабрикации доказательств претендентами на привилегированный статус).

Пятая глава посвящена молдавской элите дореволюционной России. Структурные элементы в главе не выделены, но в ней приводятся сведения об основных этапах развития государственности Молдавии и привилегиях политической элиты общества в разных исторических условиях.

Сопоставительный анализ содержания данной главы рецензируемой монографии с другими главами показывает, что этот фактор не являлся доминирующим при выстраивании отношений России с элитами других территориально-политических образований. Характеризуя динамику взаимоотношений Молдавского княжества с Московским царством в XV–XVI вв., автор главы акцентирует внимание на том, что переселение молдаван в Россию было в то время нередким явлением. В XVII в. число переселявшихся в Москву знатных молдаван стало увеличиваться, что в свою очередь активизировало и процессы их интеграции в состав российского дворянства. Отдельное внимание автор уделяет рассмотрению роли молдавского господаря Дмитрия Кантемира и его близких родственников в сближении России и Молдовы, его участию в военных операциях России, вкладу в развитие духовной культуры и т.п.

Русско-молдавские связи стали более интенсивными после вхождения некоторых молдавских территорий в состав России по итогам Ясского (1791) и Бухарестского (1812) мирных договоров. С переходом в российское подданство и оформлением политико-правового статуса Бессарабской области (губернии)

как самостоятельного административно-территориального образования в составе Российской империи для молдавской элиты были открыты новые возможности официального закрепления своего статуса.

Таким образом, к числу основных социальных лифтов знатных молдаван в политико-правовой системе России с конца XVI в. относились военная служба. Тем более, что территория Молдавии часто становилась театром военных действий. Молдаване и в XIX – начале XX в. принимали участие в войнах на стороне России на разных фронтах – Кавказском, Крымском, Дунайском, Польском и т.п., а также – Первой мировой войны. Другим каналом их мобильности была гражданская служба в российских госучреждениях. Молдаване получали в них высокие должности, а в начале XX в. имели представительство в Государственной Думе. Не менее значимым социальным лифтом были межэтнические браки молдаван с представителями других этнических групп в России. В числе других механизмов закрепления привилегированного статуса молдавской элиты в России в главе охарактеризованы стремительная урбанизация Кишенева и политика русификации Бессарабии в XIX в. Однако доминирующим способом закрепления привилегированного статуса в новой социально-политической системе была все же нобилитация молдавской элиты в России через наделение их в 1818 г. правами российского дворянства, создание бессарабского дворянского собрания и начало составления родословных книг.

Шестая глава монографии под названием «Остзейцы под эгидой Романовых» посвящена представителям немецких привилегированных сословий, как элиты по отношению к подвластным российскому самодержавию латышским и эстонским крестьянам (Лифляндии, Курляндии и Эстляндии). В свою очередь, Россия признавала привилегированный статус остзейцев, включая их в состав российского дворянства. Глава состоит из следующих разделов: «Немецкая элита Прибалтики до Северной войны», «Остзейцы в Российской империи XVIII в.», «Законодательное оформление статуса остзейцев в империи», «Центральное и местное управление», «Немецко-русское правительство», «Остзейский комитет», «Остзейцы в составе имперской элиты», «Остзейский вопрос в общественном мнении России XIX в.».

Специфика сложившейся к концу XVIII – началу XIX в. системы управления в Прибалтике выражалась в том, что власть в местных выборных учреждениях была сосредоточена в руках немецкого дворянства. Государственные учреждения представляли собой сословные организации. Латыши и эстонцы не принимали участия в управлении.

Получая выход к Балтийскому морю в начале XVIII в., российская власть столкнулась с необходимостью вступления в партнерские отношения с местной остзейской знатью. Для этого был принят ряд нормативных актов, закреплявших сословные привилегии за немцами. Среди них: наделение Россией остзейской знати монопольными правами на землю и крепостных после 1710 г.; а также свобода вероисповедания и сохранение немецкого языка в делопроизводстве государственных учреждений (вплоть до конца XVIII в.).

Значительную роль в признании в России привилегированного статуса остзейцев сыграли их профессиональные навыки и личные качества, позволявшие удовлетворить целый ряд российских гуманитарных потребностей. Начиная с XVIII в. прибалтийскую знать воспринимали как европейских специалистов – учителей русских дворян и образцовых организаторов крепостного хозяйства, достойных подражания. Также они приравнялись к русским дворянам на военной и гражданской службе.

Но все же основу нобилитации остзейцев в империи составляли нормативные акты, в которых были закреплены их основные привилегии. Несомненным достоинством данной части работы является то, что автор дифференцировал весь правовой массив, содержащий привилегии остзейцев, на несколько неодинаковых по своему значению групп. К первой относятся универсалы или мандаты – воззвания ко всему населению (особенно к горожанам и рыцарству) с целью облегчить покорение края. Этот вид нормативных актов имеет много схожего с прокламациями российских генералов к народам Северного Кавказа в период Кавказской войны. Ко второй – капитуляции, содержавшие положения о социально-политическом статусе остзейцев. К третьей – «аккордные пункты» правовых актов, которые представляли собой договоры представителей отдельных остзейских сословий с русским военным командованием по случаю их перехода в российское подданство. Четвертую группу составляют жалованные грамоты Петра I. Наконец, в отдельную пятую группу выделяется международно-правовой акт – Ништадтский мирный договор 30 августа 1721 г.

К началу 20-х гг. XVIII в. в Петербурге образовалась достаточно крупная немецкая колония, к которой присоединились и немецкие бароны. Однако особенностью их статуса в это время было то, что никто из них еще не мог влиять на государственные дела. В последующем при дворе Екатерины I стали появляться влиятельные немцы, получавшие российские титулы (например, граф Р. Левенвольде). Однако в итоге переворота 25 ноября 1741 г. немцев при российском дворе почти не осталось.

В XIX в. статус Остзейского края в общественном мнении формировал полярные образы. С одной стороны, российская элита склонялась к скорейшему завершению интеграционных процессов, высказывались мнения об ограничении остзейской автономии, вырабатывалась отрицательное отношение к чрезмерному стремлению остзейцев попасть во власть, видя опасность для государства в существовании закрытой остзейской элиты с собственной корпоративной этикой. С другой – остзейская знать стремилась добиться еще больших привилегий, политического обособления и укрепления автономии.

В целом, на основе анализа данных этой части монографии можно выявить сходные с другими регионами аспекты нобилитации местной элиты в новых политических условиях – поступление на российскую гражданскую или военную службу, участие в управлении собственным регионом, закрепление статуса и социальных привилегий в нормативных актах.

В седьмой главе под названием «Этнические элиты в союзных республиках» выделены основные этапы формирования региональных элит в

1917–1991 гг., описывается характер их взаимодействия с союзным руководящим центром, выявлены источники, критерии и механизмы их рекрутирования. Основные структурные части главы: «Партия и государство в управлении национальными регионами», «Этнополитические элиты союзных республик в 1920–1940-е годы: основные этапы формирования и механизмы функционирования номенклатуры», «Этносоциальные элиты союзных республик в 1950–1980-е годы: эволюция в иерархии власти».

Важным достижением этой части монографии является исследование динамики властных отношений на национальных окраинах СССР. При этом основные механизмы формирования политических элит оставались такими же, что в дореволюционное время – нормативно-правовое закрепление статуса (например, «Инструкция о формах согласования назначений и перемещений руководящих работников местных учреждений» от 1925 г., «Постановление о выдвижении рабочих в советский аппарат» от 1930 г. и др.).

В этой части исследования подробно рассмотрена политика коренизации, которая выражалась в назначении на руководящие должности представителей национальных меньшинств, создании национально-территориальных автономий, ведении делопроизводства и поощрении СМИ на национальных языках (продлившееся до конца 30-х гг. XX в.). Коренизация подразумевала и «формирование элементов управленческого аппарата кадрами, знающими язык, быт и психологию местного населения» (С. 302). Спецификой этой политики было то, что на фоне подготовки и привлечения национальных кадров осуществлялось массовое командирование в окраины руководителей из Центра.

Период репрессий 1937–1938 гг. охарактеризован в работе как наиболее опустошительный, когда пострадали высшие партийные и хозяйственные кадры в союзных республиках (номенклатурная революция).

Политическую элиту сталинской эпохи отличает готовность к выполнению любых партийных поручений, ограниченная квалификация, полная зависимость от верховного руководства, стремление Центра не допустить укрепления позиций элит на местах (С. 298), что объясняет частые кадровые перемещения на руководящих должностях.

По мнению авторов главы, относительная стабильность в кадровом вопросе наступила в послевоенный период, когда были приняты официальные номенклатуры должностей ЦК КП союзных республик. Особую научную значимость разделу придают данные о долях национальных кадров в номенклатуре партии в национальных республиках СССР, представленные в динамике.

После смерти И.В. Сталина изменения в статусе этноэлит выражались в том, что на фоне возрастания экономической самостоятельности союзных республик осуществлялось привлечение национальных представителей в центральные органы власти (по терминологии авторов – «институциональный плюрализм»). С другой стороны, отмечено, что «именно в это время происходит политизация партийно-государственной номенклатуры, превращение ее из чиновников, обеспечивающих жизнеспособность системы, во влиятельную политическую силу» (С. 345). Наиболее ярко этот феномен

проявился в национальных республиках, где завершилось формирование региональной номенклатуры.

В целом, к началу 80-х гг. XX в. в СССР сложилась многоуровневая иерархия партийно-государственного аппарата с сильным центром и сильными периферийными (на уровне республик) звеньями. Материалы этой части монографии позволяют сформировать представление о номенклатуре как универсальной кадровой системе, объединившей все уровни иерархической и территориальной организации власти в многонациональном советском государстве. Очевидно, что номенклатура является изобретением советской партийной системы и не имела аналогов в дореволюционной России. При этом нобилитация как форма закрепления в нормативно-правовых актах социально-политических привилегий национальных элит на российских окраинах в том или ином виде существовала во все времена.

Вместе с тем, основной материал практически всех глав монографии создает впечатление однородности и консенсуса этнических элит, которые включались в политико-правовое пространство России. Само по себе это не может вызывать возражений, поскольку отражает реальные исторические результаты каждого из этапов развития изучаемого явления. Давно было замечено, что история есть рассказ о том, что людям удалось сделать, а не о том, в чем они потерпели поражение. Все же полагаем, что более полное представление в работе данных об оппозиции части этнических элит этому процессу, контрэлитах, неформальных элитах и их деятельности в переходные исторические периоды обогатило бы интерпретацию проблемы. Так, опыт советского периода демонстрирует своего рода историческую диалектику – достижение высокой степени интеграции этнических элит в партийно-государственную иерархию обернулось в условиях общего кризиса системы обернулось одним из факторов демонтажа союзного государства.

В заключении монографии дается глубокое обобщение проанализированного в монографии исторического опыта. Отмечается, что «власть при организации управления опиралась и полагалась не на абстрактные «народы», а на местные элиты, сначала традиционные привилегированные слои – аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство, затем на буржуазию и представляющие общественно-политические структуры (партии), а в XX в. – на советскую многонациональную, партийно-государственную номенклатуру» (С. 372). Все это очень тонко и точно характеризует динамику элитарности в исторической ретроспективе. В ее основе принцип сохранения некоторых старых социальных привилегий и предоставление новых льгот. Весьма глубоким представляется и вывод, согласно которому цель российского государства – «через провинциальные органы управления и посредством многообразных милостей осуществлялось «удаленное присутствие» монарха на всем пространстве огромного государства» (С. 373). Справедливо и обобщение, что российское дворянство представляло собой этнически открытое сословие, на вхождение в которое мог рассчитывать практически любой представитель нерусской элиты.

В приложении приведены справочные материалы по следующим тематическим рубрикам: Остзейцы (Э.П. Федосова), Кавказцы (к.и.н. Дж.Я. Рахаев), «Казахские ханы и султаны в системе управления Российской империи в XVIII – XIX вв.» (д.и.н. Н.Е. Бекмаханова), «Высшая партийно-государственная элита союзных республик СССР» (Д.А. Аманжолова). В них представлены биографии и послужные списки наиболее известных представителей этнических элит на российской службе (карьера, награды и почетные звания).

В целом, авторы коллективной монографии проанализировали механизмы инкорпорации представителей этнической элиты в политико-правовое пространство России, выявили и охарактеризовали основные социальные лифты и формы политико-правовой социализации региональных элит в новых условиях. Результаты исследования позволяют получить системное и обобщенное представление основных механизмов интеграции региональных этнических элит в политико-правовое пространство России на различных этапах исторического процесса. Они включают в себя:

- установление российских (или советских) административных и судебных органов на присоединяемых территориях;
- включение элит в деятельность этих учреждений;
- нормативное регулирование Россией социально-правового статуса региональных элит.

Таким образом, вниманию читателя представлено монографическое исследование, в котором комплекс политологических и социологических концептов по изучению элиты применяется к конкретному историческому материалу. Особенно ценно то, что сделан шаг к историческому синтезу в изучении форм этнического взаимодействия, особенностей и закономерностей внутренней политики многонационального российского государства, поскольку осуществлен сквозной анализ проблемы на протяжении длительного периода. Предложенной в монографии схеме можно придерживаться при исследовании аналогичных процессов и явлений и в других регионах страны (Средней Азии и Казахстана, Оренбуржья, Сибири и Дальнего Востока). Данное же исследование дает возможность представить этническую политику России на национальных окраинах как комплекс последовательных мероприятий, направленных на поиски наиболее оптимальных форм партнерства элит центра и периферии и повышение качества управления регионами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Национальные окраины 1998 – *Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления* / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. – М.: Славянский диалог, 1998. – 416 с.

Образы регионов 2011 – *Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII-XIX вв.)* / Отв. ред. В.В. Трепавлов. – Тула: Гриф и К, 2011. – 352 с.

Российская многонациональная 2003 – *Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия* / Отв. ред. В.В. Трепавлов. – М.: Наука, 2003. – 378 с.

Этнические элиты 2017 – *Этнические элиты* в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Тrepавлов; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 477 с.

REFERENCES

Etnicheskie elity v natsional'noi politike Rossii [Ethnic elites in the national policies of Russia] / Ed. by V.V. Trepavlov; Ins-t Russian history of RAN. – М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. – 477 p. (In Russian)

Natsional'nye okrainy Rossiiskoi imperii. Stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya [National peripheries of Russia. The making of the system of government] / Ed. by S.G. Agadzhanov, V.V. Trepavlov. – М.: Slavyanskii dialog, 1998. – 416 p. (In Russian)

Obrazy regionov v obshchestvennom soznanii i kul'ture Rossii (XVII-XIX vv.) [Images of the regions in the public consciousness and in the culture of Russia (17th-19th centuries)] / Ed. by V.V. Trepavlov. – Tula: Grif i K, 2011. – 352 p. (In Russian)

Rossiiskaya mnogonatsional'naya tsivilizatsiya: Edinstvo i protivorechiya [Russian multinational civilization: Unity and contradictions] / Ed. by V.V. Trepavlov. – М.: Nauka, 2003. – 378 p. (In Russian)

Наши авторы

Абазов Алексей Хасанович – д-р истор. наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: alex_abazov@list.ru

Алхасов Мухаметхан Михайлович – канд. социол. наук, научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: alhas77@yandex.ru

Боров Аслан Хажисмелович – канд. истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Гаглюева Бела Ботазовна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова

E-mail: bellagag@yandex.ru

Глашева Зулейха Жамботовна – канд. истор. наук, младший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН

E-mail: zu-20.80@list.ru

Иванова Светлана Юрьевна – д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук

E-mail: isu-socf@yandex.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – д-р истор. наук, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: anzor-vk@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – д-р истор. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: lena_gm@mail.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна – канд. истор. наук, доцент, доцент кафедры организации работы с молодежью Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: elenalchik@yandex.ru

Табаксоев Ибрагим Ахматович – канд. социол. наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: tabaksoev1982@list.ru

Текуева Мадина Анатольевна – д-р истор. наук, доцент, заведующая кафедрой этнологии, истории народов КБР и журналистики Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: tekuevamadina@gmail.com

Тумов Аскер Асланбекович – аспирант ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: tumovasker@gmail.com

Фоменко Владимир Александрович – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: kbigi@mail.ru

Хамдохова Жанна Мухамедовна – канд. социол. наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: janenal@mail.ru

Хубулова Светлана Алексеевна – д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

E-mail: hubul@yandex.ru

Эржибова Фатима Александровна – старший преподаватель кафедры немецкой и романской филологии Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: ershibowa@yandex.ru

Кавказология

Caucasology

№ 3 / 2018

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3